

✻ Austr. ✻

5421
3
7

Aush.

Filippov

5421

3
0

5. 2662.

T 259 650 101

T 946.

WM.

5 2662

12

с
М. М. Филипповъ.

ХОРВАТЫ

И БОРЬБА ИХЪ СЪ АВСТРІЕЙ.

СЪ ВВЕДЕНІЕМЪ И ЭПИЛОГОМЪ

М. Д. Билайградскаго.

Письмо хорвата къ автору книги. — Предисловіе. — Хорваты на сѣ-
верѣ. — Хорваты на югѣ. — Австрійскія, притязанія. — Хорватская
партія права. — Е. Кватерникъ. — А. Старчевичъ. — Народность и языкъ
хорватовъ. — Австрійскій панславизмъ и т. д. — Религія и начало пись-
менности у хорватовъ. — Коронованіе хорватскихъ королей въ далма-
тинской Хорватіи. — Приложенія. — Эпилогъ.

ПЕТРОГРАДЪ.

1890.

С. н. 5126

Письмо хорвата къ автору книги.

«Славяне южные и западные, мелкіе, слабые и разрозненные, лишились политической самостоятельности, находятся подъ господствомъ и вліяніемъ иноплеменниковъ, преимущественно нѣмцевъ, и способствуютъ, сознательно и безсознательно, своему дальнейшему политическому, экономическому, культурному порабощенію и своей гибели; сами себѣ уже помочь не могутъ, а только внѣшняя сила можетъ ихъ освободить изъ этого безвыходнаго положенія; этою внѣшнею силою можетъ быть только могущественная въ матеріальномъ и культурномъ отношеніи Русь. Русскій царь долженъ освободить южныхъ и западныхъ славянъ отъ ига иноплеменниковъ, турокъ и нѣмцевъ, и собрать ихъ какъ отецъ-господарь во едино. Но Русь должна для славянъ стать не только освободительницею, а тоже просвѣтительницею, а славяне должны принять одинъ литературный языкъ - русскій».

Русское государство 1663—4 г. *Юрій Крижаничъ.*

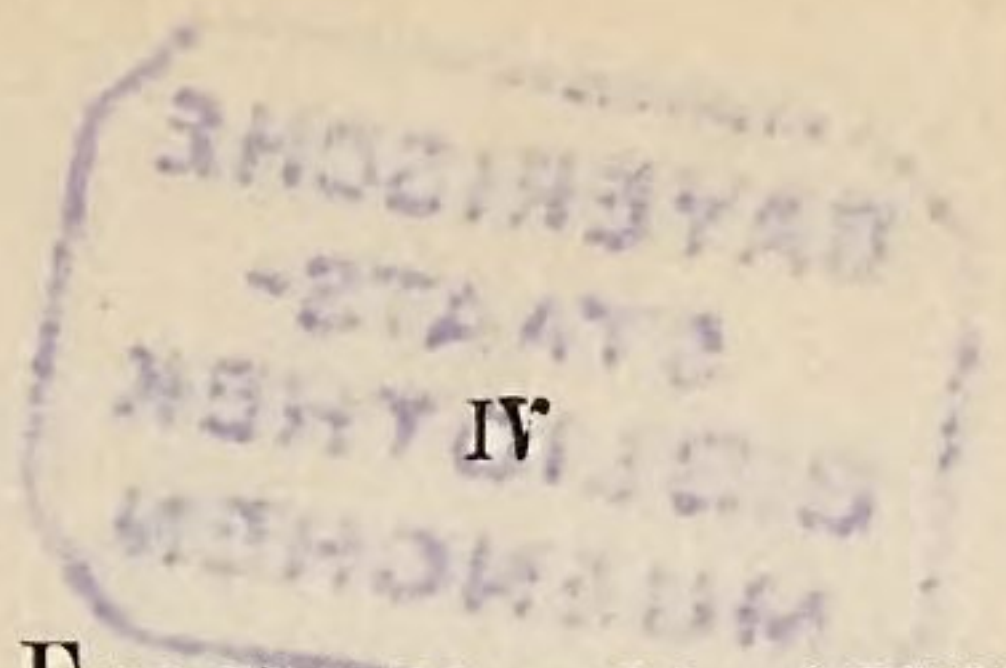
Тотъ изъ такъ называемыхъ славянскихъ народовъ, который превзойдетъ другіе просвѣщеніемъ, свободою, счастіемъ и величіемъ, прикроетъ своимъ крыломъ, дастъ свое народное имя всѣмъ остальнымъ родственнымъ народностямъ. Если этимъ передовымъ народомъ явятся русскіе, то всѣ остальные родственныя съ нимъ народности обрусѣютъ...

Если эти (такъ называемыя славянскія) народности имѣютъ какую либо будущность, если онѣ прійдутъ къ объединенію, то этого можно достигнуть только умомъ и силою, направляемою разумомъ, а гдѣ есть умъ, тамъ, по моему мнѣнію, всякій охотнѣе пристанетъ къ народному, славному (русскому) имени, нежели къ имени славянскому, измышленному (книжному) имени, подъ которымъ (иноземными народами) подразумевались постоянно неволя и рабство.

Таково мое мнѣніе о будущности какого бы то ни было «славянства».

Bi-li k Slavstvu ili ka Hervatstvu? 1867 г. *А. Старчевичъ.*

По многимъ причинамъ меня радуетъ появленіе вашей книги о хорватахъ: главная изъ нихъ та, что досихъ поръ въ Россіи, исключая двухъ-трехъ авторовъ, никто не интересовался судьбами нашего народа. Кромѣ

сочиненій покойнаго Березина, да отрывочныхъ замѣтокъ Погодина, Гильфердинга, Кочубинскаго и немногихъ другихъ писателей, въ русской литературѣ ровно ничего не написано о политическихъ отношеніяхъ хорватовъ,—особенно, что касается новаго времени. Болѣе свѣдѣній можно найти у русскихъ авторовъ, писавшихъ о *литературѣ* хорватовъ, но и въ этой области встрѣчаются, къ сожалѣнію, взгляды весьма пристрастные и односторонніе. Русскіе писатели, занимавшіеся исторіею и литературою хорватовъ, за немногими исключеніями, рассматривали нашъ народъ сквозь призму, поставленную передъ ихъ глазами австрійскими „учеными славистами“, имѣвшими въ виду далеко не научныя цѣли. Тотъ изъ русскихъ писателей, который имѣлъ случай ближе всего познакомиться съ хорватами, а именно, Л. В. Березинъ, хотя также отчасти подчинился взглядамъ австрійскихъ славистовъ и панславистовъ, но успѣлъ оцѣнить, по достоинству, сужденія тѣхъ *нѣмецкихъ* авторовъ, которые изображали хорватовъ чуть ли не варварами.

«Благодаря этимъ ученымъ, говоритъ Березинъ, «Kroat» (хорватъ) сталъ для европейца такимъ-же пугаломъ, какимъ для турка (и то же для турокъ христіанскихъ запада) является Московъ... я питаю глубокое убѣжденіе, что жизнь хорвата, во всѣхъ ея проявленіяхъ, не можетъ не интересовать въ особенности насъ, русскихъ... Между народностями хорватскою и русскою существуетъ тѣсная связь, которая пріобрѣтаетъ, по нашему мнѣнію, еще болѣе значенія въ силу того обстоятельства, что она построена на *бытовомъ* началѣ, слѣдовательно вытекаетъ изъ самой жизни народа. Прошлое хорватовъ полно тяжелыхъ испытаній, но, не

смотря на то, они сохранили въ себѣ величавый и отважный характеръ, проявившійся то въ смѣлыхъ, не рѣдко буйныхъ набѣгахъ на орды татаръ и логовища турокъ, то въ отважныхъ морскихъ предпріятіяхъ противъ венеціянцевъ. Хорватскіе юнаки—Зриньскіе, Франкопаны и т. д. снискали себѣ, въ свое время, европейскую извѣстность. Но при всемъ героизмѣ и воинственности своего національнаго характера, хорваты въ то же время отличаются замѣчательнымъ добродушіемъ, простосердечіемъ и гостепріимствомъ, и эти то качества служатъ наилучшимъ украшеніемъ и современныхъ намъ потомковъ смѣлыхъ юнаковъ».

Эти слова написалъ мужъ, который много лѣтъ прожилъ въ Хорватіи. Его сочиненіе было посвящено Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ царствующему Государю Императору.

Возвращаюсь къ вашей книгѣ. Вы судите о хорватахъ не только не съ нѣмецкой и не съ австрійской, но и не съ такъ называемой „славянофильской“ точки зрѣнія, которая, къ сожалѣнію, преобладаетъ у многихъ русскихъ авторовъ.

Не отрицая того, что хорваты составляютъ одну изъ вѣтвей племени, обыкновенно называемаго славянскимъ, мы, однако, предпочитаемъ наше народное хорватское имя книжному имени славянскому, которое, во всякомъ случаѣ, является анахронизмомъ, если даже оставить въ сторонѣ то значеніе, которое придалъ этому имени западъ, особенно нѣмцы, превративъ его въ нарицательное имя раба. Если ужъ суждено какому либо имени объединить такъ называемые славянскіе народы въ одно

великое цѣлое, то пусть это будетъ лучше ваше славное, народное русское имя.

Несостоятельность такъ называемаго „славянскаго“ единства очевидна изъ слѣдующаго. Ни одна народность не откажется отъ своихъ особыхъ культурныхъ задачъ ради всеславянскаго призрака. Когда рѣчь идетъ о народныхъ интересахъ, каждый народъ желаетъ быть для себя самого самымъ первымъ. Это законъ, управляющій жизнью какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ народовъ. Съ другой стороны, нѣтъ узъ сильнѣе тѣхъ, которыя создаются общностью интересовъ и высшихъ духовныхъ стремленій. Общіе интересы и идеалы связываютъ различныя народности, даже помимо ихъ племенного единства, помимо общности языка и крови. Такъ и въ жизни отдѣльныхъ личностей мы видимъ, что братья разлучаются, а соединяются люди чужіе по крови, но родные по духу.

Не имѣя никакой вѣры въ «духъ славянства», придавая хотя важное, но не первостепенное значеніе единству крови и происхожденія, мы глубоко убѣждены и вѣримъ въ общность интересовъ и стремленій хорватскаго народа съ интересами и стремленіями великаго русскаго народа. Общность эту признавалъ еще въ XVIII вѣкѣ хорватъ Юрій Крижаничъ, который, какъ теперь извѣстно, не мало повліялъ на нѣкоторыя идеи и начертанія Петра Великаго.

Въ новѣйшее время вождь хорватской народной партіи, именуемой «партіей права», д-ръ Анте Старчевичъ не разъ указывалъ, въ весьма сильныхъ выраженіяхъ на необходимость сближенія между хорватами и Россіей *) Мы не вѣримъ въ будущность «славянства», но вѣримъ

въ великое будущее русскаго народа. Съ русскими, а не съ «славянами» мы можемъ и должны идти однимъ путемъ, такъ какъ этотъ путь поведетъ и насъ къ лучшему будущему.

На примѣрѣ балканскихъ народностей, которыхъ Россія освободила вполнѣ безкорыстно, мы наглядно видимъ силу и значеніе русской помощи. Если въ Сербіи и Болгаріи явились ученики нѣмцевъ и Австріи, которые отплатили Россіи неблагодарностью, то все же она стяжала для себя благодарность въ сердцахъ народовъ, и рано или поздно эти народы докажутъ, что благое дѣло не пропадаетъ даромъ и что рука дающаго не оскудѣваетъ..

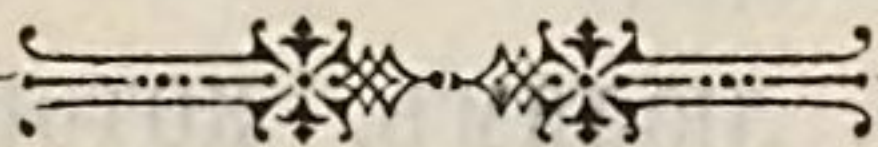
Безъ сомнѣнія и въ Россіи есть, среди интеллигенціи, не мало людей, невѣрно понимающихъ интересы своего собственнаго народа.

Благодаря этимъ людямъ, которыхъ я назвалъ бы русскими «славо-сербами» есть и въ Россіи много такого, что не желательно для ея друзей. Но недостатки, ясные для искреннихъ друзей Россіи, которые желали бы видѣть русскій народъ возможно болѣе могущественнымъ, сильнымъ и просвѣщеннымъ, по счастью, всѣ такого рода, что могутъ быть исправлены. Недостатки эти не представляютъ ничего подобнаго той неизлѣчимой болѣзни, которою страдаютъ нѣкоторыя державы, лишеныя самой существенной основы государственной жизни—способной къ развитію народности.

На сколько мы не вѣруемъ въ «славянство» и въ «панславизмъ»—особенно въ панславизмъ австрійскій—настолько вѣруемъ въ силу и мощь русской народности. Вѣримъ и надѣемся, что русскій народъ устро-

ить свое собственное будущее на разумныхъ началахъ и окажетъ содѣйствіе своимъ меньшимъ братьямъ въ достиженіи ихъ цѣлей и стремленій; вѣримъ и знаемъ, что совокупныя усилія русскаго и другихъ народовъ создадутъ культуру, которая распространится отъ Сѣвернаго моря до Средиземнаго, и что Россія станетъ неисчерпаемымъ источникомъ народнаго счастія и прогресса, — очагомъ, у котораго будутъ согрѣваться многочисленные народности, желающія и способныя примкнуть къ великому и обширному русскому отечеству.

М. Д. Вилайградскій.

*) Русский языкъ отбиваетъ насъ отъ Вѣны, приглубимъ же его.

Газета «Свобода», 1879. № 138. А. Старчевичъ.

(Изъ журнала министерства народнаго просвѣщенія, 1880 г. стр. 174, статья А. А. Кочубинскаго).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ нашей литературѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія вполнѣ уже обозначились два теченія, извѣстныя подъ названіемъ западничества и славянофильства. Сначала между ними не было рѣзкаго разногласія, и московскій кружокъ, въ которомъ оба эти направленія выяснились съ особенною силою, долгое время совмѣщаль въ себѣ будущихъ вождей какъ западничества, такъ и славянофильства. Борьба между тѣмъ и другимъ направленіемъ велась преимущественно на почвѣ отвлеченной, научно-философской, а потому и не могла принять слишкомъ остраго характера. Позднѣе, въ сороковыхъ годахъ, какъ въ славянофильскомъ, такъ и въ западническомъ лагерѣ обнаружилось броженіе, которое, въ одно и то же время, способствовало и обостренію ихъ взаимныхъ отношеній и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе жизненной постановкѣ вопросовъ, имѣвшихъ связь съ тѣмъ и другимъ ученіемъ. Но положеніе нашей литературы, въ особенности политической, въ пятидесятыхъ годахъ было таково, что результаты упомянутаго броженія не могли проявиться съ полною ясностью. Историкъ той эпохи долженъ обратиться главнымъ образомъ къ мемуарамъ, писмамъ современниковъ и устнымъ преданіямъ. Тогда же впервые явились представители крайнихъ взглядовъ какъ западническихъ, такъ и славянофильскихъ. Крайности славянофильства проявились глав-

нымъ образомъ въ журналѣ „Москвитянинъ“, насколько это было возможно при тогдашнихъ условіяхъ печати. Въ болѣе благопріятномъ положеніи находилась литература шестидесятихъ годовъ. Но въ это время борьба между западничествомъ и славянофильствомъ отступаетъ уже на второй планъ и самый интересъ къ славянскому вопросу временно ослабѣваетъ. Всѣ силы русскаго общества направляются къ рѣшенію крупнѣйшихъ внутреннихъ задачъ. Такъ называемое славянофильство въ то время не пользовалось популярностью. Лучшіе и талантливіѣйшіе изъ славянофиловъ или посвятили себя въ 60-хъ годахъ изученію вопросовъ русскаго внутренняго быта, или же обратились къ изслѣдованію жизни русскихъ окраинъ. Такова дѣятельность Кошелева, Самарина и частью Гильфердинга. Польскій мятежъ 1863 года оказалъ сильное вліяніе на нашу политическую литературу. Во всей польской исторіи и, быть можетъ, во всей новѣйшей исторіи славянства трудно найти событіе болѣе несвоевременное (это еще самое мягкое выраженіе), такъ мало оно оправдывалось условіями, въ которыхъ тогда находились какъ Польша, такъ и Россія. Оставляя въ сторонѣ національные предразсудки, во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что моментъ освобожденія русскихъ крѣпостныхъ крестьянъ, даже съ точки зрѣнія самыхъ отъявленныхъ враговъ Россіи, былъ моментомъ по малой мѣрѣ неудобнымъ для всякихъ революціонныхъ попытокъ. Это признавалъ даже Наполеонъ III, что не разъ и высказывалъ польскимъ эмигрантамъ.

Съ какой бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на польскія событія 1863 года, во всякомъ случаѣ не подлежитъ спору, что этимъ мятежемъ поляки причинили громаднѣйшій ущербъ не только самимъ себѣ, но и всему славянскому дѣлу. По ихъ винѣ, Россія волей-неволей должна была принять сомнительную дружбу Пруссіи и содѣйствовать постепенному упроченію прусской гегемоніи во всей средней Европѣ, что вскорѣ гибельнѣе всего

отразилось на судьбѣ самихъ поляковъ во всей прусской части Польши.

Созданныя такимъ образомъ ненормальныя отношенія между двумя важнѣйшими по численности славянскими народностями—русскою и польскою — породили въ нашей литературѣ особое направленіе, котораго крупнѣйшимъ представителемъ явился Катковъ.

Славянофильство, имѣвшее весьма талантливыхъ представителей, должно было отступить на второй планъ и частью переродилось, смѣшиваясь съ катковскимъ направленіемъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, утрачивая и прежнія научно-философскія основы. Вліяніе непосредственнаго изученія славянства не могло у насъ тогда обнаружиться, такъ какъ ограничивалось небольшимъ кружкомъ людей и мало проникало въ общественное сознаніе. Кромѣ того, слависты и славянофилы не рѣдко шли у насъ разными путями. Первый значительный толчокъ славянской идеѣ былъ данъ московскимъ всеславянскимъ съѣздомъ 1867 года, на которомъ, однако, обнаружилось глубокое различіе во взглядахъ тогдашнихъ русскихъ и западнославянскихъ политическихъ дѣятелей. Какъ еще малъ былъ интересъ большинства общества къ славянскимъ вопросамъ, доказывается состояніемъ тогдашней литературы о славянствѣ, сводившейся къ весьма немногому. Журналы и сборники съ славянофильскимъ направленіемъ не выдерживали никакой конкуренціи съ органами, пропитанными западно-европейскимъ духомъ.

Въ 1869 году въ журналѣ „Заря“ появились впервые очерки, изъ которыхъ составила „Россія и Европа“ Н. Я. Данилевскаго, но въ то время на нихъ почти никто не обратилъ вниманія, а вышедшее въ 1871 году отдѣльное изданіе этой, во всякомъ случаѣ замѣчательной, книги едва было распродано въ теченіе 15 лѣтъ. Лишь въ серединѣ семидесятыхъ годовъ, подъ вліяніемъ событій на Балканскомъ полуостровѣ, интересъ къ славянству вспыхиваетъ у насъ съ новою силою. При этомъ

все вниманіе общества естественнымъ образомъ приковывается къ южнымъ или, точнѣе, юговосточнымъ славянамъ. Славяне австрійскіе, отъ которыхъ мы частью заимствовали самую идею о славянскомъ единствѣ, были оставлены въ сторонѣ, а о полякахъ у насъ почти забыли.

Разочарованія и неудачи, понесенныя нами въ Берлинѣ и на самомъ Балканскомъ полуостровѣ, дали новый толчокъ нашей публицистикѣ. Главной виновницей нашихъ неудачъ считалась Германія; но наиболѣе вліятельные публицисты и, въ особенности, Катковъ, не сразу пришли къ мысли—обратить свое оружіе противъ Германіи, что могло бы подновить симпатіи къ славянамъ. Событія начала восьмидесятыхъ годовъ перепутали всѣ направленія, всѣ лагери. Яснѣе прочихъ выступали радикальныя и ретроградныя ученія, равно далекія отъ пониманія славянскихъ вопросовъ. О славянофильствѣ и западничествѣ не было и помину. Борьба шла главнымъ образомъ на почвѣ частію внутреннихъ, частію чисто теоретическихъ вопросовъ.

Новымъ исходнымъ пунктомъ въ исторіи славянофильства было событіе, извѣстное подъ названіемъ пловдивской (филиппопольской) революціи, т. е. объединеніе Сѣверной и Южной Болгаріи, состоявшееся вопреки Берлинскому трактату, и *отчасти* вопреки желаніямъ Россіи.

Что касается такъ называемой консервативной русской печати, въ ней тогда царила невообразимая путаница. Находились публицисты, проповѣдывавшіе оккупацию Болгаріи турецкими войсками и говорившіе о необходимости образовать изъ Сербіи и Болгаріи губерніи Бѣлградскую и Софійскую. Казалось, что иные органы совершенно утратили славянское и просто человеческое чувство. Такъ, между прочимъ, изгнаніе прусскимъ правительствомъ десятковъ тысячъ поляковъ изъ ихъ родныхъ пещелищъ возбудило въ этой части печати, вмѣсто чувства справедливаго негодованія противъ Пруссіи, лишь

новые толки о польской справѣ, ставшіе сущимъ анахронизмомъ. При неправильномъ отношеніи къ южному славянству, трудно было ожидать лучшаго отношенія къ славянству западному. Окончательное вырожденіе славянской идеи было, однако, предупреждено слишкомъ явнымъ преобладаніемъ надъ нами германской политической гегемоніи, подъ конецъ ставшей невыносимою даже для самыхъ ревностныхъ ея сторонниковъ.

Извѣстно, что на Западѣ до сихъ поръ нерѣдко смѣшиваютъ два совершенно различныхъ направленія, выразившіяся у насъ, съ одной стороны,—въ публицистической дѣятельности Каткова и его ближайшихъ сотрудниковъ, съ другой—въ ученіяхъ такъ называемыхъ славянофиловъ. Въ послѣднее время немногіе оставшіеся въ живыхъ послѣдователи чистаго славянофильства, въ довольно сдержанныхъ и осторожныхъ выраженіяхъ, указываютъ на различіе между исповѣдуемымъ ими ученіемъ и государственной теоріей Каткова; такъ А. А. Кирѣевъ въ брошюрѣ: „Славянофильство и Націонализмъ“, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, указываетъ на различія между Катковымъ и славянофилами по вопросамъ весьма существеннымъ. На стр. 26 названной брошюры г. Кирѣевъ замѣчаетъ напр., что „къ мысли о возстановленіи земскаго собора Катковъ относился крайне скептически и вѣрилъ болѣе, нежели славянофилы, въ способность администраціи управлять огромнымъ государствомъ безъ помощи и совѣта управляемыхъ“. На стр. 32—33 авторъ пытается опровергнуть утвержденіе г. Соловьева, полагающаго, что Катковъ вполне усвоилъ римскую теорію поклоненія всемогущему государству и, оправдывая Каткова отъ этого обвиненія, замѣчаетъ однако: „онъ вѣрилъ, часто преувеличенно, въ дѣйствительность (efficientia) государства, въ его способность безо всякой помощи со стороны управляемыхъ достиг-

нута известныхъ цѣлей“. И далѣе: „Въ этомъ взглядѣ на свойства администраціи, на способность ея знать все, что нужно и знать лучше управляемыхъ и состоитъ главная разность въ ученіи славянофиловъ и націоналиста (?) Каткова“.

Совершенно подобный взглядъ на ученіе Каткова содержится и въ статьѣ Д. Самарина, недавно появившейся въ „Новомъ Времени“. Въ обоихъ случаяхъ писатели славянофильскаго направленія имѣли въ виду не столько полемику съ воззрѣніями Каткова, сколько отвѣтъ г. Соловьеву, который полагаетъ, что Катковъ, не будучи славянофиломъ, является, однако естественнымъ продуктомъ націоналистическихъ и въ частности славянофильскихъ ученій.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что различія между теоріями Каткова и славянофильствомъ смутно сознаются какъ противниками, такъ и сторонниками націоналистическихъ ученій; ни тѣ, ни другіе до сихъ поръ не рѣшались или не желали усмотрѣть коренной противоположности между обоими указанными направленіями. Наоборотъ, славянофилы не разъ подчеркивали то обстоятельство, что въ вопросахъ, касающихся національной чести (точнѣе—внѣшняго могущества Россіи и ея внутренней крѣпости) Катковъ шель съ ними рука объ руку и, обратно, Катковъ сдѣлалъ подобное же заявленіе надъ свѣжей могилой И. С. Аксакова. Съ другой стороны, противники славянофильства, не будучи въ состояніи отвергнуть нѣкоторыхъ весьма крупныхъ различій между взглядами Каткова и славянофиловъ, въ особенности—первой формаціи, тѣмъ не менѣе считали и считаютъ сходства, и даже поверхностныя сближенія, существеннѣе всякой, замѣчаемой ими, разности.

По счастью, починъ къ установленію правильной точки зрѣнія на отношеніе, существующее между Катковымъ и славянофильствомъ, теперь сдѣланъ и вышелъ онъ, какъ и слѣдовало ожидать, изъ катковскаго лагеря, всегда

гораздо яснѣе сознававшего свои цѣли и задачи, нежели большая часть славянофиловъ. Если не считать довольно странной брошюрки Леонтьева о націонализмѣ, починъ этотъ принадлежитъ г. Ціону. Талантливѣйшій изъ сотрудниковъ Каткова, г. Ціонъ, въ своей статьѣ, озаглавленной: *la France et la Russie*, но въ сущности представляющей цѣлую политическую программу, ставитъ вопросъ ребромъ и прямо отвергаетъ всякую солидарность между Катковымъ и тѣмъ направлениемъ, которое на Западѣ извѣстно подъ именемъ „панславизма“, а у насъ всегда именовалось болѣе скромнымъ названіемъ „славянофильства“. Существованіе у насъ „панславизма“ и „панславистской партіи“ въ томъ смыслѣ, какъ эти слова понимаются на Западѣ, г. Ціонъ просто-на-просто отрицаетъ; къ славянофильству относится, правда, безъ вражды, но съ снисхожденіемъ, которое граничитъ съ пренебреженіемъ. Но что всего важнѣе, политическая программа Каткова, подробно развитая г. Ціономъ, является прямымъ отрицаніемъ славянофильской программы.

Программа эта, въ ея практическихъ послѣдствіяхъ, сводится къ слѣдующему: „Россія и Франція должны подать другъ другу руки для поддержанія и упроченія Габсбургской монархіи“. Этимъ все сказано. Чтобы не оставалось никакого сомнѣнія въ возможности существованія такой удивительной программы, мы приводимъ, въ буквальномъ переводѣ, слѣдующую цитату:

„Для Россіи, Франціи и остальной Европы паденіе Австро-Венгріи было бы несчастіемъ, могущимъ имѣть неисчислимыя послѣдствія. Когда мы вспомнимъ, какія ужасныя потрясенія, какія кровавыя войны причинила въ послѣднія два столѣтія агонія Оттоманской Имперіи, то поневолѣ ужасаешься при мысли о потрясеніяхъ, которыя причинило бы паденіе австро-венгерской монархіи, находящейся въ центрѣ Европы, при столкновеніяхъ, которыя возникнутъ между національностями, столь

враждебными между собою. Задача Франціи и Россіи—избавить Европу отъ столь ужасныхъ катастрофъ, оказавъ могущественное содѣйствіе Габсбургской монархіи. Императоръ Францъ Іосифъ, не смотря на горе, постигшее его въ прошломъ году (смерть эрцгерцога Рудольфа), слишкомъ сознаетъ свои обязанности по отношенію къ Богу и къ своимъ народамъ, онъ слишкомъ проникнутъ *славными традиціями* своей династіи, чтобы оставить все на произволь судьбы“. „Быть можетъ, продолжаетъ г. Ціонъ, русскіе и французскіе дипломаты, утративъ съ паденіемъ Бисмарка своего руководителя и совѣтника, постараются заполнить печальныя прорѣхи послѣднихъ лѣтъ, постаравшись добросовѣстно найти основанія, на которыхъ Австро-Венгрія могла бы присоединиться къ франко-русскому соглашенію. Имъ не трудно будетъ достичь этого“... „Присоединивъ свою монархію къ франко-русскому соглашенію, императоръ Францъ-Іосифъ окажется, въ дѣйствительности, членомъ лиги мира“. Такъ заканчиваетъ г. Ціонъ свои умствованія...

При всей очевидной несообразности плановъ г. Ціона, они, по нашему мнѣнію, являются совершенно правильнымъ логическимъ выводомъ изъ ученій Каткова. На это возразятъ, что самъ Катковъ никогда не высказывалъ сочувствія къ Австріи, а порою отзывался о ней даже враждебно. Удивляться этому нечего. Катковъ не могъ любить Австріи, въ которой не видѣлъ какъ разъ того, что признавалъ самымъ главнымъ: желѣзной силы государственной власти. Мелкій и крадущійся іезуитизмъ былъ не въ его натурѣ, гораздо болѣе симпатизировавшей той политикѣ „крови и желѣза“, которую проводилъ князь Бисмаркъ. Но отрицать Австрію, какъ ее отрицали славянофилы и примыкающіе къ нимъ мыслители, вродѣ Погодина и Данилевскаго, Катковъ также не могъ и весьма вѣроятно, что если бы онъ дожилъ до паденія князя Бисмарка, бывшаго съ 1879 г. стол-

помъ, безъ котораго Австро-Венгрія давно бы рухнула, взгляды Каткова немногимъ отличались бы отъ взглядовъ г. Ціона... Недаромъ этотъ послѣдній посвящаетъ свою статью „памяти Михаила Каткова“.

Дѣйствительно, глубочайшее и коренное различіе между катковскимъ направленіемъ и ученіемъ славянофиловъ состоитъ въ томъ, что Катковъ ставилъ „полицейское государство“ (Polizeistaat по терминологіи нѣмецкихъ юристовъ) выше всякаго національнаго принципа, тогда какъ для славянофиловъ государство является лишь однимъ изъ средствъ для достиженія высшей національной цѣли. Такъ, напр., Н. Я. Данилевскій, хотя и не во всемъ сходящійся съ славянофилами, но формулировавшій точнѣе и глубже всѣхъ политическую сторону ихъ ученія, утверждаетъ, что для славянина „послѣ Бога идея славянства должна быть выше всего“.

Важно не только то, что Катковъ ставилъ государственную идею выше національной, но и то, какъ онъ понималъ государство. Послѣднее, какъ извѣстно, представлялось ему главнымъ образомъ съ точки зрѣнія его полицейскихъ функцій въ обширномъ смыслѣ слова, т. е. на государство онъ смотрѣлъ, какъ на организацію общественной безопасности по отношенію къ врагамъ внутреннимъ и внѣшнимъ. Вопреки мнѣнія А. Кирѣева, что государство и до Каткова было не цѣлью, а средствомъ и что имѣлъ же Катковъ идеальныя цѣли, вродѣ, напр., классическаго образованія, слѣдуетъ сказать, что, наоборотъ, самое образованіе было, съ точки зрѣнія Каткова, лишь средствомъ укрѣпленія началъ дисциплины, повиновенія государственной власти. Отсюда пристрастіе къ формальнымъ, механическимъ „дисциплинамъ“ вродѣ изученія подробностей грамматики мертвыхъ языковъ и пренебреженіе науками, содѣйствующими истинному культурному развитію: даже математика, по плану Каткова, играла роль лишь механическаго орудія, а не развивающей науки, какою она является

при правильной постановкѣ дѣла. Удивительно, какъ Катковъ не замѣтилъ или не хотѣлъ замѣтить, что начертанный имъ идеалъ *Polizeistaat*'а давно осуществленъ въ Габсбургской монархіи, съ тѣмъ только различіемъ, что ей не доставало желѣзной руки, способной провести въ жизнь эту систему съ полной послѣдовательностью.

Въ 1886 году Катковъ, поддерживавшій, съ помощью писемъ своего знаменитаго берлинскаго корреспондента, политику Бисмарка всею силою своего публицистическаго таланта, вдругъ повернулъ фронтъ. Большинство русскихъ публицистовъ боролись съ германскою гегемоніей еще раньше и, быть можетъ, сильнѣе Каткова.

Но его „обращеніе“ имѣло огромное значеніе, благодаря вліянію, которымъ онъ пользовался въ извѣстныхъ кругахъ. Неожиданное для большинства открытіе, что еще въ 1879 году Германія заключила союзъ съ Австріей, сыграло роль спасительнаго громоотвода, отвлекшаго вниманіе русской публицистики отъ подвергнутаго опалѣ южнаго славянства. Дальнѣйшія событія слишкомъ свѣжи у всѣхъ въ памяти и я не стану говорить о нихъ. Достаточно сказать, что въ самое послѣднее время интересъ къ славянскому міру значительно оживился. Такъ явились два еженедѣльные изданія („Славянскія извѣстія“ и „Славян. корреспонденція“), посвященные спеціально славянству. Нѣкоторыя ежедневныя газеты завели спеціальныя славянскія рубрики (напр. „День“ И. Скворцова); журналы, прежде мало интересовавшіеся славянствомъ, заговорили о немъ на разные лады.

Книга Данилевскаго подверглась многимъ обстоятельнымъ (частію враждебнымъ) разборамъ и понадобилось третье ея изданіе. Въ С.-Петербургскомъ Славянскомъ Обществѣ обнаружился значительный приливъ новыхъ членовъ, между которыми замѣчается много молодежи; въ Москвѣ возрождается дѣятельность славянскаго общества, и т. д.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вновь возбуждается интересъ къ западному славянству. Отчасти это новое движеніе было у насъ чисто внутреннимъ, частью же на него несомнѣнно повліяло движеніе въ средѣ австрійскихъ славянъ. Движеніе это не миновало поляковъ, у которыхъ, подѣвліяніемъ прусскаго насилія, забились славянскія сердца. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи книга Э. Богуславскаго. Съ особенной же силою проявилось національное самосознаніе у чеховъ и у хорватовъ. О чехахъ поговорю въ другой разъ; хорватамъ посвящена настоящая брошюра, имѣющая главною цѣлью указать русскому обществу на необходимость ближайшаго ознакомленія съ нашими западными единоплеменниками, извѣстными подѣ общимъ именемъ австрійскихъ славянъ.

Помимо чисто этнографическаго интереса, представляемаго изученіемъ австрійскаго славянства, знакомство съ западно-славянскимъ міромъ имѣетъ еще иное значеніе. Австрійскіе славяне разрабатывали такъ называемый славянскій вопросъ не только теоретически, но и въ безпрестанной борьбѣ за свое существованіе. Неудивительно, что многія понятія, о которыхъ мы судимъ лишь отвлеченно, извѣстны имъ гораздо ближе, частью изъ горькаго опыта. Къ числу такихъ, у насъ весьма мало различаемыхъ понятій, принадлежит *ученіе о государственномъ правѣ*, сплотившемся съ жизнью различныхъ славянскихъ національностей, въ отличіе отъ *чисто этнографическаго* принципа, извѣстнаго также подѣ названіемъ начала народной автономіи. Недавнія событія въ чешскомъ сеймѣ (о которыхъ будетъ сказано въ особой брошюрѣ) и болѣе позднія „примирительныя“ совѣщанія между чехами и нѣмцами выдвинули эти вопросы съ полною ясностію.

Каждое изъ племенъ, населяющихъ нынѣшнюю Австрію, нѣкогда либо имѣло свое особое государство (чехи, хорваты, поляки, русскіе), либо входило въ составъ дру-

того славянского государства (словенцы и австро-венгерскіе сербы).

Поэтому, кромѣ чисто племенныхъ (узко-національных) интересовъ, сводящихся къ охранѣ своей вѣры, языка и обычаевъ, существуютъ еще національные интересы высшаго порядка, которые могутъ быть осуществлены лишь въ самостоятельномъ политическомъ бытіи, интересы культурно-историческіе, если слѣдовать терминологіи Данилевскаго.

Всякая народность имѣетъ право на жизнь и развитіе; но это еще не все. Нельзя также отрицать правъ каждой національности на самостоятельную политическую жизнь, что, впрочемъ, не предрѣшаетъ вопроса о *внѣшней политической связи*. Чтобы избѣжать крупныхъ промаховъ, необходимо въ этомъ случаѣ принять во вниманіе различіе между народами, обладающими самостоятельнымъ государственнымъ правомъ и никогда не захватывавшими чужихъ земель (таковы хорваты и чехи); народами, никогда не жившими отдѣльною государственною жизнью и, наконецъ, народами, владѣвшими чужимъ достояніемъ (поляки внѣ этнографической Польши). Словаки, словенцы, вообще народы, лишенные правильныхъ и прочныхъ государственно-правовыхъ основъ, могутъ, въ своихъ собственныхъ выгодахъ, примкнуть къ государственнымъ началамъ наиболѣе съ ними родственныхъ народностей (словаки къ чехамъ; словенцы къ хорватамъ; южно-руссy къ великоруссамъ). Тоже можно сказать о народахъ, хотя имѣвшихъ государственное право, но такое, которое основывалось на узурпированіи чужихъ правъ, безъ чего самое политическое бытіе ихъ было бы труднымъ. (Польша безъ Литвы). Такіе народы въ концѣ концовъ вынуждены политически примкнуть къ другой народности и остается избрать—къ какой именно (поляки—къ русскимъ).

Оставляя вопросъ о такъ называемомъ панславизмѣ (это вопросъ отдаленнаго будущаго), мы считаемъ для настоящаго времени наиболѣе настоящимъ вопросъ

объ огражденіи нашихъ „австрійскихъ“ единоплеменниковъ отъ нѣмецко-мадьярскаго господства и связанную съ нимъ задачу организаціи славянскихъ народностей Австріи по естественнымъ, исторически-національнымъ группамъ.

При этомъ мы считаемъ возможнымъ поставить лишь предварительную программу, въ которой даже ближайшее будущее можетъ сдѣлать существенныя поправки. Важно лишь установить теперь же принципъ не узко-этнографической, а государственной группировки національностей.

Истинное понятіе о націи немыслимо безъ принципа территоріальной недѣлимости, которому иногда должны подчиняться начала этнографическія. Этотъ принципъ ни мало не исключаетъ начала полной равноправности всѣхъ населяющихъ данную территорію народностей, подъ условіемъ признанія ими общаго государственнаго права.

Изъ того, что хорваты будутъ, напр., хозяевами въ Хорватіи, а чехи въ Чехіи, нисколько не слѣдуетъ, чтобы нѣмцы или сербы терпѣли ущербъ въ своихъ правахъ; наоборотъ, въ національномъ отношеніи должна быть полная равноправность (напр., въ Чехіи оба языка, чешскій и нѣмецкій, должны имѣть равныя права).

По нашему мнѣнію, въ Австріи, рано или поздно, должны обнаружиться слѣдующія государственныя группы, кромѣ австро-нѣмецкой и венгерской—изъ которыхъ нѣмецкая примкнетъ къ Германіи.

1) Чешское королевство, т. е. земли, пользующіяся чешскимъ правомъ (Чехія, Моравія, австр. Силезія), къ которымъ могутъ, съ пользою для себя, примкнуть и земли словаковъ.

2) Польская Галиція или великое княжество Краковское (Краковъ и вся западная Галичина)—впредь до сознанія всѣми поляками солидарности съ русскимъ народомъ.

3) Русская Галичина (Вост. Галиція и Буковина).

4) Хорватское королевство, куда относятся всѣ земли, на которыя хорваты имѣютъ государственное историче-

ское право, на основаніи коего а также словинцы, по причинѣ одного родства съ хорватами причисляются также и словинскія земли (Крайна, Горица, Триестъ, Штирія и Хорутанія).

Такова естественная, національная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, государственная группировка, соотвѣтствующая четыремъ главнымъ вѣтвямъ австрійскаго славянства.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

1. ХОРВАТЫ

И ХОРВАТІЯ НА СѢВЕРѢ.

Начало хорватскаго народа, какъ и многихъ другихъ, извѣстно изъ лѣтописныхъ сказаній, представляющихъ смѣсь правды съ вымысломъ. Было бы, однако, ошибкою пренебречь тѣми народными преданіями о первыхъ поселеніяхъ хорватовъ, которыя сохранены намъ Константиномъ Багрянороднымъ и многими средневѣковыми лѣтописцами. При всемъ отсутствіи критическаго чутія у этихъ лѣтописцевъ и у самого Константина, ихъ свѣдѣнія, несомнѣнно, имѣли источникомъ изустную молву, часто передающую такія подробности, которыя ускользаютъ отъ самаго серьезнаго научнаго изслѣдованія. Въ сущности, не представляетъ особой важности, дѣйствительно ли существовали первые герои хорватской исторіи или же они являются воплощеніемъ народнаго идеала. Нѣтъ сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительными личностями, о которыхъ сочинено много, хотя и баснословнаго, но характеризующаго эпоху. Во всякомъ случаѣ, преданія изъ древнѣйшихъ временъ хорватской исторіи заслуживаютъ больше вѣры, чѣмъ сказки объ основаніи Рима, державшіяся во всѣхъ учебникахъ и даже въ ученыхъ трудахъ, до временъ Нибура. Хорват-

скія сказанія важны ужъ тѣмъ, что характеризуютъ географическое разселеніе хорватской народности и указываютъ на главныя причины, руководившія движеніемъ хорватовъ съ сѣвера въ болѣе южныя страны.

Первыя точныя свѣдѣнія о хорватахъ встрѣчаются у Константина Багрянороднаго и въ нашей Начальной (Несторовой) лѣтописи. Самое имя *хорватовъ* показываетъ, что они составляли коренное населеніе Карпатской (Хорватской) горной области. Въ этомъ убѣждаютъ и многія сохранившіяся до сихъ поръ географическія названія. По сѣверо-восточнымъ склонамъ Карпатъ и по теченію рѣкъ, берущихъ тамъ свое начало, наша лѣтопись указываетъ поселенія *хорватовъ* въ сосѣдствѣ *улучей*, *тиверцевъ* и *дулббовъ*. Въ незапамятныхъ временъ хорваты расселились по склонамъ Татранскихъ Карпатъ и составляли отрасль великаго племени бѣло-хорватовъ, о которыхъ говоритъ и наша лѣтопись и Константинъ Багрянородный. Несомнѣнныя хорватскія названія мѣстностей удержались до сихъ поръ въ Прикарпатской области отъ истоковъ Вислока, Бѣлой и Вана на югъ до Тиссы, на востокъ до Днѣстра, на сѣверъ до Вислы. Начало сношеній хорватовъ съ Русью и тѣсной связи ихъ съ русскими княжествами относится еще ко времени первыхъ русскихъ князей. По крайней мѣрѣ лѣтопись, подробно излагающая ходъ расширенія русскихъ предѣловъ на югѣ при Рюриковичахъ, прямо называетъ *хорватовъ* участниками въ Олеговомъ походѣ на грековъ 907 года. Начальная лѣтопись упоминаетъ также о возстаніи хорватовъ, походѣ на нихъ Владиміра и о войнѣ хорватской въ 992 году.

Указывая на обширное распространеніе хорватовъ, проф. Барсовъ говоритъ: „Еще неопредѣленнѣе югозападная граница Галицкой Руси. Какъ извѣстно, за Карпатами, въ Угорщинѣ (Венгріи) большая часть комитатовъ занята русскимъ населеніемъ, котораго насчитывается до 500 т. Исторія Угорской Руси въ древ-

нѣйшія времена остается предметомъ неразъясненнымъ; но нѣтъ сомнѣнія, что исконное населеніе сѣверо-восточной Венгріи составлялось изъ вѣтви хорватскаго племени“.

«Такъ мы видимъ населенныя мѣста по ту сторону Карпатъ, въ теперешней Венгріи: Н о г в а т с з і к, къ ю.-в. отъ Кошицы (Кашау), на рѣкѣ Бодвѣ, притокѣ Шайо; Г р а б к о на западъ отъ Пряшева (Эперіеша); Г а р б о в ц ы къ ю. в. отъ Кашау, Е г д о—Н о г в а т і і близъ Шаторалія Уйгелы, Г р а б о в ц ы на Ондавѣ, Х р а б о ч ь близъ верхняго Унга, Г а р б о ч ь близъ Самоша къ с. отъ Сатмаръ—Немети, Н о г в а т і на верхнемъ теченіи рѣки Красны, къ с. в. отъ Клаузенбурга, а еще южнѣе, у Клаузенбурга Г о р б о и т. д.; по сую сторону тѣхъ же горъ, въ Галиціи: селл. Г р а б ь у истоковъ Вислока, Чисто-горбъ (оба недалеко отъ Дукли). Къ сѣверу отъ нихъ Х о р и б и н а на р. Ловкѣ въ Рѣшевскомъ округѣ; Х о р б а ч е на р. Ширѣцѣ, притокѣ Днѣстра, къ югу отъ Львова; селеніе Х о р о в ь на ю. отъ Володиміра Волынскаго; Г о р б о в ь, Г о р б а к о в ь. Х о р о в ы Х о р а в и т и н с к а я близъ Ровна и Острога свидѣтельствуютъ о распространеніи Хорватовъ до области Западнаго Буга и Припети. Далѣе на югъ К о р б ы на Днѣстрѣ, (Карта Шуберта) на р. Чернявкѣ лѣвомъ притокѣ Прута, оба въ Коломыйскомъ округѣ, Х е р б и а н ц ы къ с. в. отъ Букурешта; К а р п а ч ь на Прутѣ, у границъ Хотинскаго уѣзда съ Бѣлецкимъ, Б а л а г о р е ш т ь на Прутѣ же въ Кишиневскомъ у., Х о р е ш к и и К а р б у ч а къ югу отъ Кишинева на р. Ботнѣ, правомъ притокѣ Днѣстра; Б ѣ л о х о р е ш т и на Прутѣ въ Кишиневскомъ же у. и др.

2. ХОРВАТЫ НА ЮГѢ.

«Belloque per annos aliquot inter se gesto, vicerunt Chrovati, Avarumque partem occiderunt, caeteros parere sibi coëgerunt...»

«...At a Chrovatis, qui in Dalmatiam venerunt, pars quaedam secessit et Illiricum occupavit atque Pannoniam.»

Constant. Porphy., de Adm. Imp. C. 30.

Во время такъ называемаго „великаго переселенія народовъ“ хорваты постепенно подвигались съ сѣвера, изъ своей прародины Бѣлохорватіи, на югъ, въ земли, теперь населенныя хорватами.

Случайные набѣги хорватовъ на Римскую Имперію восходятъ еще къ II—IV столѣтію; но первое значительное переселеніе хорватовъ на югъ относится къ VI вѣку (около 568 г.), когда они вторглись въ нынѣшнюю Хорутанію (Корушку), Каринтію (Крайнску), Горичку и Истрію.

Другое, окончательное переселеніе хорватовъ на правую сторону Дуная и на Балканскій полуостровъ относится къ началу VII столѣтія. Объ этомъ переселеніи существуютъ различныя преданія.

Извѣстный историкъ Фесслеръ, авторъ „Исторіи Венгріи“, основываясь на хроникѣ Фредегара и другихъ источникахъ, сообщаетъ преданіе, утверждающее, что главною причиною переселенія хорватовъ было возстаніе ихъ противъ аварскаго ига. Славяне, жившіе въ сѣверной Панноніи или бѣлохорваты, угнетаемые аварами, возстали противъ притѣснителей (въ 623 г.) и освободились, поразивъ не только аваръ, но и подчиненныхъ имъ лангобардовъ, франконцевъ, тюрингцевъ и аллемановъ. Борьба противъ аварскаго ига велась, будто бы, подъ предводительствомъ хорватскаго „короля“ Само, длилась 35 лѣтъ, и окончилась основаніемъ могущественнаго славянскаго государства, включавшаго нынѣш-

ною Чехію съ Моравіей, Штирію и Хорутанію, а по заключеніи союза съ княземъ Дерваномъ, также и страну сорбовъ (лужичанъ) жившихъ тогда, какъ и теперь, по берегамъ Лабы (Эльбы).

Собственно о переселеніи хорватовъ существуютъ особыя преданія. Согласно сказанію, сохраненному Константиномъ Багрянороднымъ, переселеніе хорватовъ на югъ произошло подъ предводительствомъ пяти братьевъ и двухъ сестеръ, почему древніе писатели и называли хорватовъ „семиколѣннымъ народомъ“.

Нѣтъ никакой причины отвергать всѣ эти преданія, какъ нѣчто совершенно баснословное. Весьма возможно даже, что сохранившіяся имена хорватскихъ вождей принадлежали лицамъ историческимъ. Скептицизмъ современной исторической критики часто отвергаетъ и такія преданія, которыя характеризуютъ эпоху лучше, чѣмъ иные ученые фоліанты.

Вотъ что рассказываетъ Константинъ Багрянородный:

Когда авары поселились въ Далмаціи, *хорваты* жили за Башбаріей, гдѣ живутъ *бѣлохорваты*. Одинъ родъ, отдѣлившись отъ нихъ, а именно пять братьевъ: Клукасъ, Лобель, Косенецъ, Мухло и Хорватъ, и двѣ сестры Туга и Буга, со своимъ народомъ, пришли въ Далмацію и нашли аваровъ, занимавшихъ эту страну. Послѣ войны, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ, хорваты побѣдили и частію перебили аваровъ, а частію принудили ихъ покориться. Съ того времени эта земля была во владѣніи хорватовъ. „Остальные же хорваты жили по прежнему подлѣ франковъ, называются теперь бѣлохорватами и имѣютъ собственнаго князя... Хорватами называются они на языкѣ словѣнъ, и ихъ имя означаетъ: владѣющіе большою землею“.

А. Гильфердингъ, основываясь на дипломѣ 837 года хорватскаго князя Терпиміра, указываетъ, что новое отечество хорватовъ простиралось отъ моря до береговъ Дуная, что южныя части Хорватіи отъ Цетины до Бара

(нынѣшняя южная часть Черногоріи) тогда уже принадлежали хорватамъ; что позднѣе, Хорватское королевство развивалось съ необыкновенною быстротою и что король хорватскій Держиславъ владѣлъ, начиная отъ Хорутаніи, всею Далмаціею, Неретвой и Захлумой (Герцеговиной).

Изъ различныхъ писемъ папы Іоанна VIII (872 — 882), отправленныхъ хорватскимъ князьямъ Домагою, Седеславу, Браниміру, ясно, что Хорватія простиралась на югъ до Чернаго Дрина.

Венеціанскій дожъ Дандоло и лѣтопись Дуклянская утверждаютъ, что въ IX столѣтіи, при великомъ князѣ Домагоѣ, вся приморская и загорская Хорватія была раздѣлена въ четыре части: а) отъ Раши до Дувна — Бѣла-Хорватія, б) отъ Дувна до Драча — Червонная Хорватія (нынѣшняя Герцеговина и Черногорія), в) отъ Вербаса до Дрины — Босна, г) отъ Дрины до Македоніи — Рашія.

Константинъ Багрянородный напоминаетъ тоже, что одна часть хорватовъ заняла Паннонію (нынѣшнюю нижнюю Штирію и Крайну до рѣкъ Рабы и Дуная). Въ IX столѣтіи около нынѣшняго Градца (Grätz) по Штирії и далѣе вглубь нынѣшней Венгріи (между Блатнимъ озеромъ, Дравою и Дунаемъ) жили хорваты, прямо называвшіеся своимъ народнымъ именемъ, по которому и ихъ жупанія называлась хорватскою.

Переселеніе хорватовъ съ сѣвера на югъ, во всякомъ случаѣ, сопровождалось упорною борьбою со многими народами и, главнымъ образомъ, съ аварами, которыхъ наша лѣтопись называетъ *обрами*. Борьба этого, родственнаго татарамъ, дикаго народа съ хорватами была чрезвычайно продолжительна и упорна и окончилась совершеннымъ разгромомъ аварской орды, такъ что, по словамъ лѣтописи, даже сложилась поговорка: „погибоша аки обре“.

Уничтоженіе аварскаго могущества хорватами оказало огромное вліяніе на судьбы Византіи. Стоитъ прочесть римскихъ и византійскихъ лѣтописцевъ VI и VII

вѣка, чтобы убѣдиться въ томъ, что положеніе Византіи было отчаянное. Славянскій потокъ наводнилъ Оракію и даже Элладу; свирѣпые авары, тѣсня славянъ, были уже у самыхъ стѣнъ Царьграда. Хитрые римскіе и византійскіе политики старались спасти себя тѣмъ, что ссорили аваръ съ славянами. Еще Тиверій, по словамъ Менандра, призвалъ аваръ противъ славянъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ (*erat enim Sclavinis privatim infensus*): но союзъ съ аварами оказался гибельнымъ. При императорѣ Маврикіи славяне соединились съ аварами и имперія должна была купить миръ постыдной данью (598 г.), которая впослѣдствіи еще увеличилась. Въ началѣ VII вѣка положеніе Восточной Римской имперіи стало критическимъ. Персидскій царь Хозрой шелъ на Царьградъ: императоръ Ираклій призвалъ на помощь аварскаго хана (610); но, опасаясь подобнаго союзника, онъ затѣмъ постарался уничтожить аваръ посредствомъ славянъ. Авары въ то время, вмѣсто того, чтобы помогать Ираклію, заняли Далмацію. Тогда Ираклій, по словамъ Константина Багрянороднаго, „повелѣлъ“ хорватамъ прогнать аваръ: на самомъ дѣлѣ это „повелѣніе“ было просьбою о помощи.

Ударъ, нанесенный хорватами аварамъ, былъ рѣшительнымъ. Вытѣсненные въ предѣлы между Дунаемъ и Дравой, они влачили существованіе до IX вѣка, но мало по малу „погибоша“, какъ выражается наша летопись, т. е. частію слились съ другими людьми, частію выродились.

Это была первая великая услуга, оказанная хорватами европейской цивилизаціи.

Неискренняя политика и враждебность Византіи и Рима побуждали большую часть хорватовъ, въ началѣ принявшихъ христіанство, оставить его и возвратиться къ вѣрѣ своихъ отцевъ. Хорватскіе набѣги на Царьградъ не прекращались. Могущество хорватовъ на Адриатическомъ морѣ развилось до такой степени, что

въ концѣ VII стол. Византія черезъ экзархатъ въ Равеннѣ обязалась платить имъ дань, а посольство папы было вынуждено выкупать захваченныхъ хорватами въ плѣнъ рабовъ.

Въ концѣ VIII и въ началѣ IX столѣтія хорваты ведутъ борьбу съ франками. Въ то время Хорватія раздѣлялась на двѣ части: Далматинскую и Паннонскую Хорватію. Франки, вмѣсто благодарности за помощь, оказанную имъ противъ аваръ, обратились противъ хорватовъ. Прежде всего они попытались отнять у хорватовъ Истрію. Первое сраженіе было возлѣ Терсата въ 799 г., въ которомъ хорваты совершенно поразили франковъ, даже погибъ ихъ главнокомандующій маркграфъ Эрихъ. Четыре года велась борьба противъ Карла Великаго, въ которой, наконецъ, хорваты уступили франкамъ. Признавая верховную власть Карла Великаго, хорваты сохранили подъ своими князьями полную внутреннюю самостоятельность. Позднѣе маркграфы, коренные нѣмцы (Кодолахъ, Бальдерихъ), вмѣшивались все болѣе въ внутреннія дѣла хорватовъ, начали поступать все хуже и—особенно послѣ смерти Карла Великаго—свирѣпствовали до того, что у матерей отнимали грудныхъ младенцевъ и бросали псамъ.

Хорваты Панноніи, Хорутаніи и Крайны рѣшились принять мѣры и Людевитъ—народный герой и жупанъ посавскихъ хорватовъ—собралъ хорватскій народъ отъ Дуная до Альпійскихъ горъ (безъ далматинскихъ хорватовъ, которыми владѣлъ другой князь и предатель Борна, бывшій на сторонѣ франковъ), чтобы силой освободить народъ отъ нестерпимаго гнета нѣмцевъ. Началась знаменитая героическая борьба этого князя съ франками, которую хорваты упорно вели въ теченіе семи лѣтъ. Въ 819 году хорваты поразили троекратно первыя три войска, а въ слѣдующемъ году вновь другія три войска франковъ. Сдѣлавшись независимыми, хорваты тотчасъ же просили крещенія и прибывшіе епископы крестили ихъ.

О военномъ могуществѣ хорватовъ можно судить по показанію Константина Багрянороднаго, утверждающаго, что хорваты—послѣ многолѣтней борьбы съ аварами и франками—при князѣ Терпимірѣ (837—852 г.) имѣли на сушѣ и на морѣ 100,000 пѣхоты, 60,000 конницы, 80 сагинъ (по 40 чел.) и 100 кондуръ (по 10 и 20 чел.) и это въ то время, когда войско Карла Великаго состояло всего изъ 70,000 воиновъ.

Образъ правленія былъ почти такой же, какъ у насъ въ удѣльную эпоху. Народъ выбиралъ своего верховнаго вождя и съ нимъ вмѣстѣ рѣшалъ государственныя дѣла. При князѣ Терпимірѣ созванъ былъ сеймъ въ Бищѣ. Изъ грамоты его сына князя Мучимира (892) видно, что князь Миславъ (въ 823 г.) вмѣстѣ съ народомъ пожаловалъ грамоты церквамъ.

Мучимиру наслѣдовалъ около 914 года Томиславъ, провозгласившій себя королемъ хорватскимъ.

По Константину, многіе князья сербскіе, въ своемъ отечествѣ часто преслѣдуемые болгарами, находили убѣжище въ Хорватіи. Хорваты также давали пріютъ у себя сербамъ, бѣжавшимъ отъ опустошительнаго нашествія болгаръ. Вслѣдствіе такого участія хорватовъ въ бѣдствіяхъ сербовъ, грозный царь болгарскій Симеонъ (927 г.) отправилъ войско, подъ начальствомъ Алоговотура, противъ хорватовъ; но походъ этотъ былъ совершенно неудаченъ. „Всѣ болгары,“ говоритъ Константинъ—„были перебиты хорватами“.

Сдѣлаемъ нѣкоторые общіе выводы изъ всего сказаннаго выше. Мы видимъ, что въ началѣ своего историческаго поприща, хорваты, вынужденные вести борьбу съ некрещенными варварами—аварами, затѣмъ съ крещеными—франками, были, сравнительно, слабы и разрознены, такъ какъ раздѣлились вслѣдствіе переселеній. Но эта самая борьба за національное существованіе не разъ способствовала ихъ сплоченію, особенно ясно проявившемуся во время героическихъ подвиговъ Людевита посавскаго, когда хорваты паннонскіе соединились съ

большею частью хорватовъ каринтійскихъ или норическихъ, съ цѣлью сообща завоевать свободу.

По освобожденіи отъ франковъ, хорватамъ вскорѣ пришлось столкнуться съ воинственными мадьярами которые, остановивъ движеніе германскихъ племенъ къ Дунаю и, быть можетъ, предотвративъ германизацію многихъ славянскихъ племенъ, въ то же время расчленили западное славянство на части и, между прочимъ, способствовали прекращенію связи хорватовъ съ ихъ прежнимъ карпатскимъ отечествомъ. По смерти послѣдняго хорватскаго короля Степана, изъ династіи Держиславичей, — Владиславъ венгерскій, пользуясь междуусобицей въ хорватскомъ народѣ въ эпоху междоусобицы, напалъ на паннонскую Хорватію; но въ то же время въ Седмиградію вторглись орды кумановъ (половцевъ), принудившія его возвратиться во свояси. Примѣру его послѣдовалъ Коломанъ: первое нашествіе его на Хорватію было также неудачно. Во второй разъ онъ приблизился къ самой Дравѣ. Хорваты вооружились какъ одинъ человекъ; но Коломанъ догадался предложить имъ, вмѣсто войны, союзъ на всей ихъ волѣ (*ut voverunt*). Хорватскій сеймъ рѣшилъ отправить къ нему пословъ для переговоровъ и, дѣйствительно, хорватскій народъ добровольно призналъ власть Коломана. Этотъ шагъ имѣлъ огромное вліяніе на дальнѣйшія судьбы хорватовъ, добровольно связавшихъ себя съ мадьярами, впрочемъ на началахъ полной равноправности. Кромѣ того, извѣстно, что тогдашній венгерскій королевскій домъ имѣлъ болѣе славянскій нежели мадьярскій характеръ.

Въ 1102 году, по взаимному соглашенію между хорватами и венгерскимъ королемъ Коломаномъ, послѣдній былъ коронованъ въ Бѣлградѣ (приморскомъ) хорватскою короною. Въ договорѣ 1108 года Коломанъ обязалъ себя и своихъ наслѣдниковъ, что ни одинъ хорватъ не будетъ уплачивать венгерскому королю налоговъ, что народъ хорватскій и въ будущемъ станетъ выбирать епископовъ,

священниковъ и жупановъ, а король долженъ только утверждать избраніе; что ни одинъ венгръ не можетъ получить осѣдлости въ Хорватіи, и что король долженъ по древнему закону рѣшать государственныя дѣла хорватовъ съ хорватскимъ сеймомъ.

Когда въ 1224 году въ первой битвѣ на рѣкѣ Калкѣ войско союзныхъ русскихъ князей поразили монголы или татары, эта дикая орда мало по малу вторглась въ западную Европу. Одна часть татарскихъ полчищъ поразила мадьяръ на р. Шафъ въ 1241 году. Хорватско-венгерскій король Бѣла IV убѣждалъ въ Хорватію. Въ слѣдующемъ году татары появились въ самой Хорватіи.

Хорваты собрали войско и въ нѣсколькихъ сраженіяхъ близъ Рѣки (Fiume) и на берегахъ Адріат. моря поразили татаръ. Многія грамоты короля Бѣлы хорватскому дворянству, особенно бану Діонису, князьямъ Шубичамъ-Зриньскимъ и Франкопанамъ, являются дипломатическими свидѣтельствами о побѣдѣ хорватовъ надъ монголами.

При королѣ Бѣлѣ IV появляется въ титулахъ первый разъ тоже имя „Славоніи“. Съ тѣхъ поръ хорватско-венгерскіе короли постоянно назывались этимъ титуломъ, а тоже и королями Далмаціи, Хорватіи и Славоніи; но подъ этимъ названіемъ не подразумѣвались какія либо три отдѣльныя королевства, и не какое либо никогда не существовавшее „тріединое“, а единое королевство, которое правильнѣе всего называть просто „*королевствомъ Хорватіей*“.

Земля, которую впослѣдствіи называли искусственнымъ и тенденціознымъ именемъ „тріединого королевства“, или Далматинское, Хорватское и Славонское королевство первоначально имѣла весьма обширные предѣлы.

Въ эпоху государственной жизни хорватовъ подъ управленіемъ еще своихъ народныхъ королей, Далмаціей называлось нѣсколько городовъ и острововъ на Адріати-

ческомъ побережьѣ, а вся остальная земля называлась: одна часть—Червонною Хорватіей, другая—Бѣло-Хорватіей и Паннонскою Хорватіей или просто „цѣлая Хорватія“ (Totius Croatiae). При хорватско-венгерскихъ короляхъ Хорватія захватывала часть нынѣшней Далмаціи. Что касается названія „Славонія“ слѣдуетъ замѣтить, что это и подобныя названія чаще всего давались иноземцами землямъ, населеннымъ хорватами или, по ихъ племенному названію, словѣнами. Такъ греки часто называли „Славоніей“ нынѣшнюю Македонію; нѣмецкіе писатели называли Славоніей землю бодричей. Тома архидіаконъ сплѣтскій говоритъ о Славоніи въ Далмаціи. Хорватовъ часто называли „славенами“, какъ русскихъ „московитами“; языкъ хорватовъ „vulgaris slavonica“, хотя они сами себя называютъ хорватами и языкъ—хорватскимъ.

Въ теченіе долгаго времени между хорватами и мадьярами существовало почти полное согласіе.

Въ 1254 году банъ Хорватіи Степко Шубичъ находится въ Градцѣ (въ нынѣшней Штиріи), гдѣ назначаетъ судей и маршаловъ (намѣстниковъ). Его владѣнія простирались тогда отъ Градца до Дубровника, и отъ Адриатическаго моря до Дрины и Дуная. Бѣла IV всегда соблюдалъ права хорватовъ. Давая какія нибудь привилегіи хорватскимъ городамъ, онъ постоянно говоритъ въ грамотѣ: „cum consensu ducis“, т. е. съ согласія бана. По прекращеніи династіи Арпадовъ, хорваты избрали себѣ королемъ Карла Роберта изъ Анжуйской династіи и короновали его въ Загребѣ въ 1300 году.

Людвигъ, сынъ Карла Роберта, отплатилъ неблагодарностью хорватамъ, безъ которыхъ его отецъ и онъ не получили бы ни хорватской, ни венгерской короны, и началъ ограничивать права хорватовъ. Хорватское дворянство (особенно вдова графа Нелипча, Владислава) вело упорную борьбу съ королемъ такъ, что Людвигъ долженъ былъ, по словамъ Фесслера, признать всѣ древнія права хорватовъ.

Послѣ смерти Людвига (1382) хорваты не хотѣли признать его дочь Марію наслѣдницей королевства. Хорватское дворянство, подѣ предводительствомъ Ивана, Степка и Павла Хорватовъ, Ивана Палижны и пр., призвали въ 1385 г. Карла Драчкаго изъ Неаполя въ Загребъ. Съ помощью военной силы хорватовъ, этотъ король былъ и въ Венгріи провозглашенъ королемъ и коронованъ.

Въ 1386 году былъ предательски умерщвленъ Карлъ Драчкій сторонниками Маріи, дочери Людвига, на которой былъ женатъ Сигизмундъ, король Чехіи. Изъ за этого началась война между Хорватіей и Венгріей, длившаяся десятки лѣтъ. Виновники убійства, Форгачъ и Горянъ, со своимъ войскомъ, были поражены хорватами, королева Марія и ея мать захвачены и ввергнуты въ темницу въ г. Новиградѣ, въ далматинской Хорватіи.

Такимъ образомъ, послѣ пораженія хорватами королевы Маріи, связь между Венгріей и Хорватіей, имѣвшая характеръ чисто личной уніи, рѣзко оборвалась. Со смерти Карла Драчкаго и до избранія Владислава неаполитанскаго, въ Хорватіи и Венгріи продолжается смута междоцарствія. Впрочемъ, мадьяры ничего не предприняли для освобожденія королевы Маріи, а супругъ ея, Сигизмундъ чешскій, напрасно пытался утвердить свою власть сначала въ Венгріи, а затѣмъ и въ Хорватіи. Марія была освобождена лишь вслѣдствіе вмѣшательства венеціанской республики. Однако Павелъ Хорватъ, епископъ загребскій, Иванъ Палижна, пріоръ враньскій, Тврдко, король Босны и Иванъ Хорватъ, банъ хорватскій, дружными усиліями отклонили возстановленіе Маріи и въ 1394 г. предложили, черезъ посредство папы Бонифація II, корону Владиславу, королю неаполитанскому, которую тотъ принялъ. Папа заявилъ, что объявитъ противъ враговъ Владислава крестовый походъ. На саборѣ (сеймѣ) въ Книнѣ Владиславъ единогласно былъ избранъ королемъ хорватскимъ, а въ 1396 г. власть

его призналъ и боснійскій король Остоя. Въ 1403 г. въ Венгріи явилась партія, предложившая Владиславу также и венгерскую корону; но онъ отвергъ ее и короновался въ Задрѣ (главный городъ Далмаціи) королемъ хорватскимъ.

Между тѣмъ въ Венгріи долго продолжалась неурядица. При Иванѣ Гуньядѣ, Венгрія раздѣлилась на семь „капитанствъ“ — дѣленіе ни мало не коснувшееся Хорватіи. Затѣмъ мадьярскій престолъ былъ занятъ Матѳеемъ Гуньядомъ, который короновался венгерскимъ королемъ и предлагалъ хорватамъ признать его власть, въ свою очередь обѣщая подтвердить ихъ права. Однако, хорваты никогда формально не признавали его. По смерти Матѳея, какъ въ Хорватіи, такъ и въ Венгріи начались смуты. Наконецъ хорваты избрали Ивана Гуньяда, сына Матѳея, тогда какъ мадьяры избрали своимъ королемъ польскаго короля Владислава II; правда, Иванъ Гуньядъ вѣроломно отказался отъ хорватской короны въ пользу Владислава, но это было явнымъ нарушеніемъ договора съ хорватами, которые тотчасъ избрали королемъ эрцгерцога австрійскаго Максимильяна. Даже панегиристъ мадьяръ Фесслеръ признаетъ, что въ это время положеніе Венгріи было отчаянное. Они во время одумались и, прекративъ борьбу съ хорватами, вновь признали и подтвердили всѣ ихъ права и привилегіи. Въ это время какъ хорватамъ, такъ и венграмъ угрожалъ новый страшный врагъ: на нихъ шли несмѣтныя полчища турокъ. Общая опасность соединила соперниковъ и, признавъ Владислава II своимъ королемъ, хорваты вновь вступили въ личную унію съ венграми. Не смотря на то, турки нанесли его преемнику Людвигу II при Мохачѣ жестокое пораженіе, слѣдствіемъ котораго было покореніе турками двухъ третей Венгерскаго королевства.

Хорваты стали искать новыхъ союзниковъ — и поневолѣ были вынуждены связать свои судьбы съ судьбами Австріи.

3. АВСТРІЙСКІЯ ПРИТЯЗАНІЯ.

Austriae est imperare orbi universo (Назначеніе Австріи властвовать надъ вселенною).
Отвѣтъ Франціи: Austria erit in orbi ultima (Австрія будетъ въ мірѣ послѣднею).

Правдивая и достовѣрная исторія Австріи едва ли до сихъ поръ была написана. Гормайръ, занимавшій въ теченіе 25 лѣтъ должность директора вѣнскихъ государственныхъ архивовъ, откровенно сознается, что всѣ книги, написанныя объ Австріи,—это работы по заказу, наполненныя намѣренными извращеніями истины. Государи, управлявшіе посредствомъ насилія и хитрости, не довольствовались тѣмъ, что морочили современниковъ: они пытались обмануть потомство и печатали подложные акты. Государственные архивы замкнуты и недосыгаемы, какъ гробница. По словамъ Гормайра: „Ложь, выдаваемая въ теченіе трехъ вѣковъ за истину, приняла, наконецъ, видъ исторической истины“.

Не смотря, однако, на всѣ попытки оправдать себя передъ судомъ потомства, Австрія не достигла этого даже при помощи дерзкаго подлога. Существуютъ факты слишкомъ явные, есть документы, которыхъ, при всѣмъ желаніи, скрыть нельзя. Постараемся воспользоваться этими несомнѣнными свидѣтельствами, съ цѣлью воспроизвести, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, истинныя отношенія хорватскаго народа къ Австріи. Это тѣмъ болѣе необходимо, что у насъ въ Россіи положительно нѣтъ ни одного сколько нибудь безпристрастнаго изслѣдованія хорватско-австрійскихъ отношеній. Даже у многихъ мы встрѣчаемъ порою либо полное смѣшеніе понятій, либо тенденціозное отношеніе къ разбираемому

ими предмету, какъ это особенно встрѣчается у Шаф-рика, Какушева и пр.

Такъ, напр., Гильфердингъ въ своемъ критическомъ, разборѣ книги: *la Croatie et la confédération italienne* хотя и отзывается съ уваженіемъ объ этомъ трудѣ, но въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ не только увлекается пристрастіемъ въ пользу сербовъ (это еще простительно для тѣхъ славянофиловъ, которые воображаютъ, что хорватовъ погубилъ единственно „католицизмъ“), но и обнаруживаетъ незнаніе причинъ, побудившихъ хорватскаго автора апеллировать на Австрію къ суду Европы, увѣряя напр., что, вслѣдствіе этого вопросъ о народномъ правѣ хорватовъ теряетъ свое значеніе внутренней непреложности и низводится на степень вопроса о временной выгодѣ и удобствѣ для Западной Европы!

Не принадлежа къ славянофильской школѣ, авторъ настоящей книги совсѣмъ иначе относится къ вопросамъ о народныхъ правахъ хорватовъ и всѣхъ иныхъ славянскихъ народностей Австріи. Это и побуждаетъ его примкнуть къ точкѣ зрѣнія хорватскаго писателя, который вполне основательно сопоставилъ вопросъ итальянскій—съ вопросомъ хорватскимъ. Самое апеллированіе къ Франціи, и вообще къ Европѣ, какъ будетъ доказано ниже, составляло у хорватовъ не послѣдствіе угодливости передъ Западной Европой, а слѣдствіе тогдашней неподготовленности славянскаго міра и, въ частности, Россіи, которая не сдѣлала бы и шагу для сокрушенія австрійскаго владычества. Но почти всѣ славянофилы, создавъ идеальное славянство и идеальную русскую славянскую политику, не считались съ наличными условіями современности и въ то же время—скажемъ грубо, но вполне безпристрастно—плохо знали прошедшее хорватскаго народа.

Не съ цѣлью порицанія лучшихъ славянофильскихъ борцовъ, а единственно съ цѣлью исправленія того, чего они не могли знать, по трудности (особенно въ тѣ вре-

мена) изученія вопроса, мы категорически противопоставляемъ нашу точку зрѣнія прежней.

Какъ уже было сказано выше, въ 1526 году личная унія между Хорватіей и Венгріей была вновь прервана смертью Людвига II, павшаго при Мохачѣ въ сраженіи съ турками.

Между кандидатами на хорватскій престолъ является черезъ свое посольство Фердинандъ Габсбургъ.

По признаніи Фердинандомъ всѣхъ государственныхъ правъ хорватовъ, онъ дѣйствительно былъ избранъ въ г. Цетинѣ (1527) королемъ хорватскимъ. Хорваты предполагали, что этотъ король и его наслѣдники будутъ защищать и расширять ихъ области въ борьбѣ съ возроставшимъ турецкимъ могуществомъ. Народъ хорватскій велъ ужъ сотню лѣтъ борьбу противъ турокъ, но въ XVI стол. наступила упорная двухстолѣтняя борьба за существованіе, въ которой хорваты приобрѣли своею кровью названіе „antemurale christianitatis“ (оплотъ христіанства).

При избраніи Фердинанда, хорваты сочли умѣстнымъ напомнить ему, что никто еще никогда не овладѣвалъ Хорватіей силою оружія: это впрочемъ (какъ видно изъ предъидущаго) несомнѣнный историческій фактъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ хорваты ужъ раскаявались въ своемъ выборѣ.

Едва минуло четверть года и 27 апрѣля 1527 г. хорваты говорятъ уже Фердинанду, во вновь собранномъ сеймѣ въ Цетинѣ: „Нѣтъ народа въ христіанскомъ мірѣ, который столько пролилъ крови для обороны христіанства, сколько мы. Такъ умирали наши дѣды и ими никто никогда не обладалъ силою оружія. Свободно сдружились они съ Венгріей и теперь съ Вашимъ Величествомъ. Много королевствъ погибло отъ турокъ, а мы остались оплотомъ христіанства. Прежде мы имѣли помощь и друзей, но когда Васъ избрали королемъ, всѣ насъ покинули“. И дѣйствительно, хорваты сдѣлали роковую ошибку. Вмѣсто того, чтобъ избрать королемъ из-

вѣстнаго хорватскаго героя Керсту Франкопана, они обратились къ династїи Габсбурговъ, съ которой начинается рядъ бѣдствій для хорватскаго народа.

Фердинандъ не только не помогъ хорватамъ, но раздавалъ ихъ имущества своимъ нѣмцамъ, а хорваты какъ и прежде стояли одни на стражѣ противъ турокъ.

Когда извѣстный герой Юришичъ выступилъ противъ турецкой арміи, состоявшей изъ 140,000 человекъ для обороны г. Кисега, чтобы воспрепятствовать осадѣ Вѣны, имѣя съ собою лишь 700 воиновъ, онъ напрасно умолялъ Фердинанда о помощи, хотя близъ Вѣны стояла 100 тысячная армія. Подобный же случай „помощи“ нѣмцевъ и Габсбурговъ имѣлъ мѣсто 34 года спустя, когда въ виду многочисленной нѣмецкой арміи допустили уничтожить въ Сигетѣ хорватскаго Леонида, Николау Зриньскаго.

Вотъ что говоритъ хорватскій историкъ о царствованіи Фердинанда: „Фердинандъ назначалъ своихъ нѣмцевъ начальниками, капитанами, которые въ Хорватіи и Венгріи грабили часто хуже турокъ, не признавая ни законовъ, ни порядковъ страны“.

Въ царствованіе короля Максимилиана дѣло германизации и нѣмецкихъ грабежей быстро подвинулось. Онъ хотѣлъ отнять у хорватскаго бана древнее право созывать сеймъ—которое и въ Венгріи уже ограничивалось—и принялъ мѣры, чтобы раздарить хорватскія имущества нѣмцамъ. Хорваты протестовали противъ незаконнаго намѣренія короля, но онъ не обратилъ на нихъ вниманія. Тогда хорваты откровенно сказали этому голодному нѣмцу: „Наши дѣды сохранили свое имущество, заслуженное кровью. Отстаивая и защищая отечество, они потеряли то, чего имъ никто не будетъ въ состояніи возвратить. На то, что осталось, мы едва можемъ жить, но свое имущество отдадимъ только со своею жизнью“. Король долженъ былъ удовлетвориться этимъ мужественнымъ отвѣтомъ.

Въ 1573 году хорватскіе крестьяне, къ которымъ присоединились ихъ братья изъ Штиріи, Хорутаніи, Крайны, возстали противъ дворянства, требовали „старе хорватске правице“ (древнее хорватское право) и своимъ королемъ избрали Матвѣя Губца. Послѣ нѣсколькихъ сраженій, Губецъ былъ пораженъ, захваченъ и умерщвленъ.

Во время долгой и упорной борьбы съ турками, хорваты утратили большую часть своихъ земель.

На знаменитомъ саборѣ (сеймѣ) 1568 года собраніе свѣтскіе и духовные чины, разсуждая о томъ, какъ спасти отечество, сами себя назвали: „*nos reliquiae regnorum Croatiae et Slavoniae*“.

И эти „останки“ народа и земли хорватовъ должны были охранять свою государственную самостоятельность противъ неумолимыхъ враговъ—нѣмцевъ. Все еще банъ и сеймъ рѣшали дѣла королевства и организовали народное войско. Въ этомъ столѣтіи вся Хорватія представляла военный лагерь.

Въ 1657 году, подъ условіемъ признанія государственнаго права королевства, былъ коронованъ Леопольдъ I—человѣкъ слабый духомъ и тѣломъ. Охота, музыка, театръ, игра имѣли для него гораздо больше прелести, чѣмъ государственныя дѣла. Іезуиты научили его всему, кромѣ искусства править государствомъ, конечно съ тою цѣлью, чтобы самимъ держать бразды правленія. Зато не разъ находили наклеенную на дверяхъ дворца бумагу, съ слѣдующими словами: „Леопольдъ, будь Цезаремъ, а не музыкантомъ, будь Цезаремъ, а не іезуитомъ“!

Въ свое полувѣковое царствованіе онъ выдержалъ пять большихъ войнъ, но никогда не видали его даже въ лагерь, а тѣмъ менѣе на полѣ сраженія. Во время осады Вѣны турками, робкій императоръ убѣжалъ какъ можно скорѣе и какъ можно дальше. Не смотря на все

это, іезуиты, вѣроятно въ награду своему ученику за послушаніе, дали ему титулъ *Великаго*!?

По поводу постыднаго, заключеннаго въ Вашварѣ, мира съ турками, въ которомъ король тайно оставилъ на произволъ турокъ Хорватію и Венгрію, началось сильное и тревожное движеніе умовъ противъ измѣны императора. Во главѣ патріотовъ были Никола и Петаръ Зриньскій, Франкопанъ и Веселеный.

О существованіи заговора нѣкоторыя смутныя свѣденія были собраны австрійскими шпионами, позднѣе измѣна жены венгерскаго палатина Веселенаго, способствовала полному раскрытію дѣла. Началась тайная и явная борьба Двора съ заговорщиками. Воевода Веселеный былъ постигнутъ внезапной „болѣзнью“ и умеръ. Другой не менѣе страшный для Австріи вельможа, Николай Зриньскій, банъ хорватскій, человекъ испытанной храбрости, прозванный вторымъ Скандербегомъ, недолго пережилъ Веселенаго: онъ найденъ былъ въ лѣсу, вблизи своего замка, весь израненный. Распустили слухъ, что дикій кабанъ изранилъ его клыками; но на головѣ у него была стрѣльная рана.

Между тѣмъ, недовольные венгерскіе и хорватскіе вельможи собрались при вѣнскомъ Дворѣ, но не добившись тамъ ничего, возвратились по домамъ и издали манифестъ, осуждающій позорный вашварскій миръ. Здѣсь сказано: „Твой покровитель (Леопольдъ), о народъ! сіяетъ лучезарно, а ты подобенъ свѣчѣ, которая вскорѣ погаснетъ. Большинство нашего народа не хотѣло поддаться турецкому ярму, но мы поддались чужому народу другого сердца и имени. Скажи, о народъ, гдѣ увѣренія, данныя твоими покровителями? Гдѣ законы, гдѣ права, гдѣ ненарушимыя обѣщанія?.. Когда великій визирь стоялъ въ Венгріи съ голыми руками, нашъ покровитель заключилъ съ нимъ постыдный миръ. Когда цесарское войско одерживало верхъ — былъ отданъ Новый Замокъ. Господь помогъ намъ разбить

непріятеля подлѣ С.-Готарда, а наши покровители бѣжали и спасли насъ французы... Наши крѣпости отдаются въ руки нѣмецкихъ офицеровъ и солдатъ, а насъ устраниаютъ. Войскамъ не платятъ, а дозволяютъ плѣнить землю и народъ. Голодные войска нашего покровителя горше (хуже) опустошили землю, нежели турки. Въ свободной землѣ ни война не объявляется, ни миръ не заключается такъ, чтобы страна о томъ не знала. Кому изъ насъ объявили они когда либо о заключеніи мира съ турками?... Смилуйся Боже, о горькой судьбинѣ твоего христіанскаго народа!“

Послѣ смерти брата Николы, Петръ Зриньскій прибылъ къ цесарскому двору, гдѣ не скрывалъ своего недовольства условіями вавварскаго мира, и вмѣстѣ съ тѣмъ пытался добиться банства. Дворъ, опасаясь его, долго не соглашался, но узнавъ, что турки вторглись въ Хорватію, назначили его баномъ (1665) и турецкое войско поспѣшило удалиться. Подробныя документальныя свѣдѣнія о заговорѣ Зриньскаго и Франкопана опубликованы лишь въ послѣднее время профессоромъ Богишичемъ. Изложеніе этого драматическаго эпизода хорватской исторіи завлекло бы ихъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ только, что окончательная побѣда вѣнскаго Двора надъ противниками была дѣломъ не мужества, а вѣроломства, всегда отличавшаго цезарскую политику.

Леопольдъ написалъ собственноручное письмо Зриньскому и черезъ епископа обѣщалъ, что ему на дѣлѣ покажетъ, какъ онъ будетъ милостивъ къ нему и его наслѣдникамъ.

Зриньскій повѣрилъ и это привело къ его гибели. Вмѣстѣ съ Франкопаномъ онъ прибылъ въ Вѣну, гдѣ они оба были сейчасъ заключены въ тюрьму и наконецъ 30 апрѣля 1671 г. имъ отрубили головы.

Ранѣе конфисковали ихъ имѣнія; жена Зриньскаго была взята подъ стражу и заключена тоже въ Градцѣ, ея дочь пострижена въ монастырѣ, 17 лѣтній сынъ

Зриньскаго былъ переданъ іезуитамъ—чтобы воспитать его монахомъ—чему онъ сопротивлялся. Наконецъ посадили его въ тюрьму, и въ теченіе 20 лѣтъ таскали его по разнымъ темницамъ, пока смерть не прекратила его мученической жизни.

Сокровища Зриньскихъ, серебро, золото, дорогая мебель, оружіе были уложены на повозки и отправлены въ Вѣну.

Побудительными причинами этихъ варварскихъ поступковъ Габсбурговъ были не только интересы политическіе, но и алчность къ деньгамъ. Для достиженія цѣли, т. е., чтобъ уничтожить конституцію Хорватіи и Венгріи и награть побольше сокровищъ, австрійское правительство не останавливалось ни передъ какимъ насилиемъ и звѣрствомъ.

Всѣ эти мѣры были или прямо предписаны Леопольдомъ, или имъ одобрены. Верховнымъ судьямъ было въ указѣ именно сказано, *что они должны наказывать, не соблюдая никакихъ законныхъ формъ.*

„Подобно кровожадному звѣрю, у котораго заспаные глаза оживляются только, когда видятъ добычу“, императоръ просыпался отъ своей всегдашней летаргіи, единственно для того, чтобы дѣлать свои жестокія распоряженія и отдавать ужасныя приказанія. Онъ самъ говорилъ, что ему стоило „хлопнуть въ ладоши“, — и головы валились. Впрочемъ, и въ немъ была, какъ и во всѣхъ принцахъ австрійскаго дома, какая-то притворная доброта и чувствительность, но баронъ Гормаиръ сравниваетъ эту доброту со слезами крокодила.

Единственною мстительницею за звѣрскія дѣла Габсбурговъ осталась дочь бана Зриньскаго, Елена Текели. Она была сперва замужемъ за княземъ Ракочіемъ. Любовь къ родинѣ, ненависть къ врагамъ своего отечества, геройская твердость Зриньскихъ соединялись въ этой хорватской женщинѣ. Она одна осталась непре-

клонною въ замкѣ мункачскомъ, и боролась противъ войскъ императорскихъ.

Громила подлѣ Эперіеша неустрашимая Елена цесарскіе полки. Она слѣдовала за своимъ мужемъ на конѣ, во всѣхъ походахъ, и даже мчалась въ самый пылъ сраженія.

Наконецъ уже въ 1688 г., послѣ нѣсколькихъ лѣтъ упорнаго сопротивленія, она сдала свою крѣпость имперцамъ, но получивъ впередъ почетную капитуляцію, достойную ея великаго сердца. (Записки графа Никлоша, т. II, стр. 183).

Но доблестная дочь Хорватіи, Елена Зриньская, воспитала своего сына Франа Ракочіаго, какъ будущаго мстителя за хорватовъ и венгровъ. Въ 1704 году онъ достигъ съ войскомъ самыхъ стѣнъ Вѣны. Австрія заключила въ 1711 году въ Сатмарѣ трактатъ, возвратившій Венгріи старинную конституцію, которою пользовались мадьяры до самаго 1848 года, благодаря геройству предводителей хорватскаго происхожденія.

Послѣ этого бѣглаго очерка первой серьезной борьбы между вождями хорватскаго народа и Габсбургами, скажемъ нѣсколько словъ о положеніи Хорватіи въ XVII вѣкѣ. Хорватія была въ это время „останкомъ останковъ“ (*reliquiae reliquiarum*) и по прежнему стояла на стражѣ, защищая европейскую цивилизацію отъ напора турецкаго варварства. Границы Хорватіи въ XVII стол. съузились до чрезвычайности, и опредѣляются слѣд. образомъ: „Отъ моря на разстояніи одной мили отъ села Враньяка, прямо на востокъ отъ турецкаго Пазаришта до мѣстечка Чанка, отсюда шла линія на сѣверъ мимо Корана отъ турецкаго Клокоча, здѣсь граница поворачивала на с.-в., захватывая Купу, отъ которой уклонялась подлѣ Бркишевины и на разстояніи 2 часоваго пути отъ Петринья поворачивала на Саву, пересѣкала ее здѣсь и потомъ искривляясь направлялась къ Дравѣ. Если отъ этихъ останковъ хорватской земли отнять еще

приморскую окраину до великой Капелы, карловачскую между Купой и Капелой и вараждинскую съ Копривницей, Крижевацемъ, Бѣловаромъ, Иваннчемъ, если вспомнимъ, что цесарская казна покушалась отобрать Приморье изъ подъ банской власти, тогда Хорватія представится намъ въ крайне урѣзанномъ видѣ“.

Переходя къ XVIII вѣку, мы встрѣчаемся въ первой же четверти этого столѣтія съ документомъ величайшей важности, являющимся до сихъ поръ единственнымъ юридическимъ основаніемъ притязаній Габсбурговъ на Хорватію (какъ и на Чехію и т. д.); мы говоримъ о знаменитой *прагматической санкціи*. Вотъ что говоритъ авторъ знаменитой книги: „La Croatie et la Confédér. Italienne“ о времени, *предшествующемъ* изданію этого документа.

„Съ 1526 по 1687 г.—эпоха, когда и венгерская нація (подобно хорватской) установила (вмѣсто прежняго *чисто* избирательнаго начала) *наслѣдственную преемственность* эрцгерцоговъ австрійскихъ изъ дома Габсбурговъ относительно *венгерской* короны,—государственное право хорватовъ и мадьяръ было различно и раздѣльно даже въ отношеніи къ главѣ государства. *Личная унія* ежеминутно грозила разрывомъ и могла прерваться смертью общаго короля, который, въ венгерскомъ государствѣ, оставался все же *избираемымъ*, тогда какъ въ хорватскомъ онъ былъ безспорно наслѣдственнымъ, вслѣдствіе основнаго *договорнаго* акта, освятившаго избраніе не только Фердинанда I, но и его преемниковъ... Но именно это обстоятельство является наилучшимъ дипломатическимъ свидѣтельствомъ въ пользу независимости и самостоятельнаго верховенства хорватскаго королевства... Въ 1687 г. мадьяры, признавъ наслѣдственную преемственность эрцгерцоговъ австрійскихъ изъ дома Габсбурговъ, сами возстановили личную унію между обѣими націями, и ни одна изъ нихъ ни мало при этомъ не потерпѣла ущерба въ своихъ правахъ“.

Въ 1712 году Карль III (или Карль VI, какъ императоръ римскій), желая обезпечить (вопреки основному договорному акту 1527 года) наслѣдственную преемственность также за женской линіей, съ помощью невѣроятныхъ усилій двухъ кровныхъ мадьяръ — хорватскаго бана Ивана Пальффи и епископа загребскаго Эмериха Эстергази, добился того, что хорватскій сеймъ (саборъ) добровольно принялъ прагматическую санкцію.

Непосредственною цѣлью хорватской прагматической санкціи было, какъ сказано, упроченіе престолонаслѣдія въ женскомъ колѣнѣ, вслѣдствіе чего корона хорватская должна была перейти отъ Габсбурговъ къ Габсбурго-Лотаринской династіи въ лицѣ Маріи Терезіи (старшая дочь Карла III). Такой переходъ могъ состояться лишь съ особаго согласія хорватовъ, такъ какъ основной договоръ 1527 г., въ силу котораго корона была вручена Фердинанду I, признавалъ право престолонаслѣдія лишь въ мужескомъ колѣнѣ. Этимъ и опредѣляется важное значеніе прагматической санкціи, въ силу которой хорваты принимаютъ своими королями того изъ рода Габсбурговъ, кто владѣетъ также Штиріей, Хорутаніей и Крайной — стало быть землями словенцевъ (словинцевъ). Этотъ международный актъ свидѣтельствуетъ вновь о самостоятельности хорватскаго королевства. Дѣйствительно, венгры приняли прагматическую санкцію лишь десятию годами позднѣе.

Марія Терезія, хотя и покровительствовала болѣе всего мадьярамъ, вынуждена была дѣлать уступки *хорватамъ*, въ которыхъ нуждалась по случаю своихъ войнъ съ Турціей. Какъ еще велика была самостоятельность Хорватіи, видно изъ того, что въ 1758 году Марія Терезія должна была просить хорватовъ прислать ей вспомогательное войско, но они объявили, что ихъ войско никогда не воевало внѣ хорватской территоріи, а если и дѣлало это, то изъ любви къ королю, хотя и „противозаконно“.

Приводимъ выдержку изъ любопытнаго постановленія 1759 года *De statione tyronum anno 1759*, гдѣ сказано: „Принимая во вниманіе великія жертвы, уже понесенныя хорватами, государственныя чины не знаютъ, какимъ образомъ могли бы они удовлетворить желанія ея священнаго величества, которое увѣряло ихъ при послѣднемъ рекрутскомъ наборѣ, что болѣе не понадобится войска“.

Авторъ книги „*La Croatie et la Conf. Ist.*“, конечно, впадаетъ въ явное преувеличеніе, увѣряя, что „на сколько мужская линія Габсбурговъ была благородною, честною и благодарною по отношенію къ хорватской націи“ (?), „на столько женская Габсбургско-Лотарингская линія отличалась безчестностью, деспотизмомъ“ и проч. На самомъ дѣлѣ справедливо лишь то, что до прагматической санкціи Габсбурги были просто іезуитами, а послѣ нея стали іезуитами съ явной нѣмецко-мадьярской окраской, при чемъ склонялись то на сторону мадьяръ, какъ Марія Терезія, то на сторону нѣмцевъ, какъ просвѣщенный деспотъ Іосифъ II. Это колебаніе между нѣмцами и мадьярами продолжается досихъ-поръ, хотя въ общемъ итогѣ нѣмецкія симпатіи взяли рѣшительный перевѣсъ надъ мадьярскими.

Іосифъ II, какъ представитель нѣмецкаго культуртрегерства и австрійскаго централизма, всячески ограничивалъ дѣятельность органовъ самоуправленія и старался онѣмечить какъ Хорватію, такъ и Венгрію. Такъ называемыя жупанійскія скупщины совсѣмъ были запрещены и даже загребскій саборъ созывался лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Чувство самоохраненія на этотъ разъ соединило хорватовъ съ мадьярами и они сами пожелали вступить съ Венгріей въ болѣе тѣсную политическую связь. Лишь передъ самой кончиной, Іосифъ II придумалъ новый планъ образовать отдѣльное хорватское управленіе, при чемъ отмѣнилъ большую часть своихъ прежнихъ распоряженій.

Начало явно - враждебныхъ отношеній между хорватами и венграми относится къ царствованію Леопольда II, когда венгры, покровительствуемые короной, стали вмѣшиваться во внутреннія дѣла Хорватіи и вздумали ввести здѣсь вмѣсто латинскаго свой языкъ въ качествѣ оффиціального, что имъ однако не удалось. Въ то время распространялась пѣсня, которая ужасно сердила мадьяръ: „Libera Regna sumus, si quem pudet esse Croatum, Hunnis subjectus perviat ille feris. Мы свободное королевство; если кому стыдно быть хорватомъ, пусть онъ рабски служить дикимъ гуннамъ“.

Но истинно мадьярской эпохой должна для хорватовъ считаться лишь эпоха пресловутаго Меттерниха, при которомъ мадьяры въ свою очередь стали рабами нѣмцевъ. Съ 1826 г. по 1848 годъ Хорватія была—по винѣ Габсбурговъ—почти на правахъ мадьярской провинціи; загребскій сеймъ получилъ наименованіе „конгрегаціи“, выборы стали происходить по феодальному мадьярскому праву, при чемъ депутатами могли быть только дворяне, прелаты и чиновники. Мадьяры добивались навязать силою хорватамъ свой языкъ. На прессбургскомъ сеймѣ 1847 года хорватскіе ораторы, пытавшіеся говорить по латыни, какъ это прежде бывало всегда въ государственныхъ дѣлахъ, были заглушаемы грубой бранью. Наканунѣ венгерской революціи, борцы за мадьярскую свободу ковали цѣпи для славянъ. Событія 1848—1849 годовъ послужили мадьярамъ достойнымъ воздаяніемъ за ихъ узкій національный эгоизмъ.

Въ исторіи хорватскаго государственнаго права венгерская революція составляетъ начало новой эры, такъ какъ ею была уничтожена какъ фактически, такъ и юридически всякая связь между Венгріей и Хорватіей. Всѣ законодательные акты, изданные послѣ революціи и клонящіеся къ возобновленію утраченной связи, являются поэтому *актами новаго добровольнаго соглашенія*, а никакъ не возстановленіемъ какихъ либо правъ Венгріи

на хорватскія земли. Впрочемъ, мы видѣли, что такихъ правъ никогда и не существовало.

Послѣ венгерскаго мятежа у хорватовъ начинается движеніе, приведшее наконецъ къ образованію *партіи права*, которая поставила своей задачей возстановленіе историческихъ и государственныхъ правъ хорватскаго королевства. Къ исторіи этой партіи, въ связи съ новѣйшей исторіей хорватскаго народа, мы теперь приступаемъ.

ХОРВАТСКАЯ ПАРТІЯ ПРАВА.

Е. Кватерникъ.

Neda se tajiti, neka tajna iskra
božanstva sahranjena je u toj svetoj
reči i pojmu «pravo»,

Osloniv se na svoje pravo, i poje-
dinac čuti u seb i neku višju silu,
koja ga hrabri da se opire pouzda-
no i silnijemu...

Mi na temelju povjesti, t. j. is-
tine, nastojimo izposlovati našem
narodu ono, što mu drugi gledaju
proti povjesti, t. j. na temelju ne-
istine oteti. *Е. Кватерникъ.*

Борьба хорватовъ за ихъ государственныя права группируется въ послѣднія три десятилѣтія около именъ *Кватерника* и *Старчевича*. Первый изъ нихъ особенно интересенъ для насъ, русскихъ.

Крымская война, подобно венгерской кампаніи, возбуждала въ хорватскомъ обществѣ взрывъ сочувствія къ русскому народу и государству.

Уже въ то время пользовавшійся извѣстностью, въ послѣдствіи знаменитый дѣятель Евгенъ Кватерникъ, вскорѣ по окончаніи этой войны счелъ необходимымъ отпра-
виться въ Петербургъ, съ цѣлью завязать связи съ русскими государственными дѣятелями. Планъ Кватерника

былъ весьма широкой: онъ мечталъ при посредствѣ Россіи объединить Хорватію и освободить ее отъ австрійскаго господства. Онъ думалъ, что свободная и единая Хорватія, вмѣстѣ съ Россіей, можетъ разрѣшить окончательно такъ называемый „восточный вопросъ“. Кватерникъ правда, опасался, что тогдашнее внутреннее состояніе Россіи не позволитъ ей вмѣшаться въ восточныя дѣла, но эти опасенія не остановили его, и въ 1858 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ.

Здѣсь онъ познакомился съ многими выдающимися дѣятелями, какъ, напр., съ графомъ Блудовымъ, графомъ Н. П. Игнатьевымъ, профессорами Срезневскимъ и Губе, Ковалевскимъ, академикомъ Куникомъ, Ламанскимъ и др. Особенно сошелся онъ съ профессоромъ Губе (нынѣ сенаторъ), который нѣсколько охлаждалъ пылъ южной натуры Кватерника и, между прочимъ, сказалъ однажды хорватскому патриоту: „Помните, что у насъ время считается не днями, а мѣсяцами“. Находясь въ Петербургѣ, Кватерникъ написалъ на французскомъ языкѣ свои „Pensées d'un émigré austroslave Croate“ — изложеніе его политической программы. Погодинъ, съ которымъ Кватерникъ сошелся довольно близко, одобрилъ программу. Вообще въ людяхъ, сочувствовавшихъ идеямъ Кватерника, не было недостатка, но всякія попытки заручиться содѣйствіемъ русскихъ правительственныхъ сферъ остались вполне безуспѣшными. Первоначально ему было обѣщано кое какое матеріальное содѣйствіе, но едва Кватерникъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Пештъ, какъ былъ вызванъ русскимъ посольствомъ въ Вѣну, гдѣ узналъ отъ Раевского, что обѣщанное ему содѣйствіе, по различнымъ причинамъ, не можетъ быть оказано и вмѣсто этого предлагалъ Кватернику мѣсто въ Петербургѣ съ приличнымъ окладомъ. Кватерникъ рѣшилъ, что Россія отвергла его хорватско-русскую программу, а потому отказался и отъ предложеннаго ему мѣста. Нашъ тогдашній представитель въ Вѣнѣ вполне

сочувствовалъ идеямъ Кватерника и сталъ уговаривать его не поступать „опрометчиво“; но эти убѣжденія не подѣйствовали на хорватскаго патріота, который разочаровался въ Россіи и сталъ мечтать о содѣйствіи Франціи и даже Италіи. Въ то время итальянцы ненавидѣли хорватовъ, составлявшихъ въ Австріи лучшее войско. Они теперь говорятъ, замѣчалъ Кватерникъ: „morte ai croati“ (смерть хорватамъ), но вскорѣ мы вмѣстѣ съ ними скажемъ „morte ai tedeschi“ (смерть нѣмцамъ). Кватерникъ отправился въ Туринъ, оттуда въ Парижъ. Здѣсь, между прочимъ, ему попалось объявленіе о представленіи комедіи „Les Croates“. Пойдя въ театръ, онъ увидѣлъ фарсъ, въ которомъ Австрія осмѣивалась подъ видомъ „Кроата“, подобно, тому, какъ представителемъ Россіи всегда являлся „Казакъ“. Это возмутило Кватерника и онъ поднялъ такую бурю, что добился переименованія комедіи.

Въ Парижѣ Кватерникъ написалъ не разъ уже цитированное нами сочиненіе: „La Croatie et la confédération italienne“, въ которомъ проводилъ идею сближенія „объединенной и свободной Хорватіи“ съ такой же объединенной и свободной Италіей. Сочиненіе это замѣчательно, такъ какъ въ немъ хорватская программа изложена была чрезвычайно полно и съ широкой точки зрѣнія. Оно раздѣляется на три отдѣла: въ первомъ содержится обзоръ услугъ, оказанныхъ хорватами „христіанству, цивилизаціи и человѣчеству“; далѣе излагаются государственныя права хорватовъ, при чемъ авторъ рѣзко полемизируетъ какъ съ австрійскими, такъ и съ мадьярскими взглядами; наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ разсмотрѣно, чѣмъ обязана Австрія хорватамъ и какъ австрійское государство отплатило хорватскому народу за его услуги. Это сочиненіе впервые привлекло къ хорватамъ симпатіи французовъ и итальянцевъ.

Между тѣмъ Кватерникъ все еще не терялъ надежды на русскую помощь. Въ концѣ 1859 г. онъ писалъ

русскому посланнику въ Вѣнѣ, спрашивая сдѣлано ли что-нибудь въ пользу русско-хорватскаго сближенія? Полученный изъ Вѣны отвѣтъ убѣдилъ Кватерника (выражаясь словами его біографа), что тогдашнее оффиціальное славянофильство было по - просту „византійствомъ“. Затѣмъ мы видимъ, что Кватерникъ ищетъ помощи для хорватовъ вездѣ, гдѣ надѣется найти. Онъ добивается аудіенціи у принца Наполеона, но убѣждается, что надежды на французскую помощь также весьма слабы; затѣмъ снова обращается къ русскому посланнику въ Вѣнѣ; пытается дѣйствовать на англійское общественное мнѣніе черезъ газету „Morning Post“; наконецъ обращается даже къ папской куріи и, въ концѣ концовъ, приходитъ къ мысли, что внѣшняя помощь не подвинетъ ни на шагъ хорватское дѣло, если самъ народъ не постоитъ за свою свободу. Кватерникъ сталъ поэтому добиваться разрѣшенія возвратиться на родину, при чемъ, надо сознаться, что ради этой цѣли онъ дѣйствовалъ иногда неосторожно. (См. Приложенія). Ему удалось наконецъ достигнуть желаемаго съ помощью разныхъ вліятельныхъ лицъ и между прочимъ епископа Штроссмайера. Тотъ же Штроссмайеръ издалъ на свои средства сочиненіе Кватерника „Politicka razmatranja na razkerstju hervatskoga naroda“; затѣмъ вышло на нѣмецкомъ языкѣ другое сочиненіе „Das historisch diplomatische Verhältnisz des Königreich Kroatien zu der ungarischen St. Stefan's Krone“. Здѣсь Кватерникъ доказываетъ рядомъ историческихъ фактовъ, что Хорватія есть государство совершенно независимое и на которое корона св. Стефана (т. е. Венгрія) не имѣетъ никакихъ правъ. Эта книжка была распродана въ теченіе одной недѣли.

Между тѣмъ, послѣ итальянской войны, Австрія была вынуждена обратиться „къ своимъ народамъ“ и 23 февраля 1861 года было повелѣно вновь созвать многолѣтъ безмолвствовавшій хорватскій сеймъ.

Въ этомъ сеймѣ, или по хорватски „сѣборѣ“, выступили три партіи. Одна — мадяронская явно выступила за тѣсный союзъ съ Венгріей; другая — „австрианская“ — во главѣ ея были епископъ Штроссмайеръ и Мажураничъ — стояла тайно за соединеніе съ нѣмцами и Австріей. Наконецъ третья, „хорватская партія права“, отстаивала открыто и съ рѣшимостью свободу и независимость Хорватіи, на основаніи государственнаго права хорватовъ. Вождями ея явились Евгенъ Кватерникъ и Д-ръ Анте Старчевичъ.

Дѣятельность Кватерника на сеймѣ была весьма обширна. Онъ выступилъ съ цѣлымъ рядомъ предложеній, которыя вели къ одной и той же цѣли — освобожденію и объединенію Хорватіи. Изъ этихъ предложеній особенно замѣчательно то, которое касается отношеній королевства (Хорватіи, Далмаціи и Славоніи) — къ Венгерской коронѣ.

Адресъ хорватскаго сейма отъ 24 сентября 1861 года былъ составленъ, если и не вполнѣ, то въ общихъ чертахъ въ духѣ хорватскаго государственнаго права. Слѣдствіемъ этого адреса былъ такъ называемый „октябрьскій дипломъ“, въ которомъ народамъ Австріи было обѣщано выполненіе ихъ справедливыхъ требованій. Хорватскій сеймъ требовалъ, прежде всего, возстановленія государственнаго права и объединенія Хорватіи. Но Австрія, съ помощью своихъ тайныхъ сторонниковъ, вродѣ пресловутаго „панслависта“ Штроссмайера и Мажуранича, надѣялась притянуть хорватовъ въ рейхсратъ, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, парализовать дѣйствія мадярѣвъ, въ то время еще враждебныхъ правительству. Не встрѣтивъ въ хорватскомъ сеймѣ ожидаемой поддержки своей политики, Австрія поспѣшила распустить сеймъ.

Въ то время вся вліятельная европейская печать впервые обратила серьезное вниманіе на хорватскія дѣла. Лондонскій „Times“ и брюссельская „Indépendance

belge“ писали статьи, сочувственныя стремленіямъ хорватскаго народа; въ парижскихъ „Archives diplomatiques“ хорватскому вопросу было также посвящено много сочувственныхъ страницъ. Но это „содѣйствіе“ хорватамъ со стороны западныхъ державъ такъ и осталось платоническимъ. Мадыарскій писатель Салай (Szalay) издалъ тогда же памфлетъ „A' horvát kérdésher“, въ которомъ пытался доказать права Венгріи на обладаніе хорватскими землями. На эту брошюру Кватерникъ отвѣчалъ своимъ извѣстнымъ памфлетомъ: „Was ist die Wahrheit“?

Между тѣмъ, въ самой хорваткой печати была возбуждена противъ Кватерника интрига, которую мы считаемъ излишнимъ подробно описывать. Замѣтимъ только, что преданные Австріи публицисты стали клеветать на Кватерника, а австрійскія власти рѣшили, что хорватскій патріотъ—*русскій подданный*, требовали отъ него русскаго паспорта и по отсутствію таковаго, добивались высылки Кватерника изъ предѣловъ Габсбургской монархіи. Между тѣмъ, попытка Кватерника получить изъ Россіи паспортъ на первыхъ порахъ окончилась неудачей, такъ какъ русскія власти требовали представленія „уважительныхъ причинъ долговременнаго отсутствія“.

Кватерникъ, скрываясь отъ австрійской полиціи и опасаясь ареста, сталъ вести скитальческую жизнь. Съ трудомъ удалось ему, наконецъ, въ 1869 г., добыть изъ Россіи необходимые документы. Загребскимъ жителямъ удалось даже обезпечить его положеніе: онъ былъ избранъ гражданиномъ Загреба. Послѣдними публицистическими работами Кватерника были статьи въ „Хорватѣ“ (Hervat) и „Хорватскѣ“ (Hervatska) — органахъ „партіи права“. Изъ статей этихъ замѣчательны: „Восточный вопросъ, (Istočno pitanje), „Государственное право хорватовъ“ (Deržavno pravo Hervatah), Система нашихъ Славосербовъ (Sustav naših Slavoserbah), Горькія

Воспоминанія (Gorke uspomene.) Восточный вопросъ и Хорваты (Istočno pitanje i Hervati) и мн. др.

„Евгеній Кватерникъ, говоритъ г. Пыпинъ, сынъ профессора и также писателя Іосифа Ромуальда, еще юношей, въ 1848 г., вступилъ на политическое поприще и затѣмъ, среди разныхъ неудачъ, разочарованій, столкновений, сдѣлался политическимъ писателемъ, болѣе и болѣе рѣзкимъ. Основной его идеей была защита историческихъ правъ своего народа, возвеличеніе его прошедшаго и борьба противъ Венгріи и дуализма. Онъ началъ французской книгой „La Croatie“..., гдѣ хороша была историческая часть... Въ исторической части трудовъ Кватерника есть знаніе; въ своихъ политическихъ построеніяхъ онъ фантазируетъ (?), но по крайней мѣрѣ защищаетъ дѣйствительное право.“

Конецъ жизни Кватерника былъ въ высшей степени трагиченъ. По поводу демонстраціи хорватовъ противъ чествованія памяти извѣстнаго австрійца бана Іслачича еще въ 1870 г. писали австрійскія газеты, что хорватская партія права есть „Starčević-she Bande... aus verkommenen desperaten Subjekten ohne Stellung ohne Würde“, — „Räuberbande“ (разбойничья шайка), плача и жалуясь, что въ Хорватіи не родятся болѣе герои (австрійскіе), которые были бы въ состояніи умертвить хотя только одного члена этой шайки, хотя бы изъ засады (см. „Wehr-Zeitung“ № 57; „Zukunft“ № 114; въ Вѣнѣ 1870). И дѣйствительно Е. Кватерникъ былъ жертвой австрійцевъ.

11-го ноября 1871 года, близъ Огулина, въ Раковицѣ, Кватерникъ былъ *убитъ предательскимъ образомъ* австрійскими агентами. Убили его изъ за угла во время народнаго возстанія, которое, какъ говорятъ, было подстроено самою же Австріей съ главною цѣлью погубить Кватерника. Акты объ этомъ убійствѣ до сихъ-поръ не опубликованы, хотя въ хорватскомъ сеймѣ этого требовали отъ правительства.

Антонъ Старчевичъ.

«Izim prava, povesti i života, neima sigurna ni stalna temelja za politiku...

Iz povesti je moći najviše i najsigurnie učiti. Ona bo je život, u njoj nema sanjariah... nego ima ljudi, koji narodom podmetju sanjarie za povest. To je najpogibeljniji nauk. Narod koj ga se derži mora zaglaviti...

Prava domaća povest daje narodu najčverstju polugu za velike čine.

A. Starčević.

Главнымъ сотрудникомъ и преемникомъ Кватерника въ дѣлѣ борьбы за права хорватскаго народа явился Анте Старчевичъ.

Не смотря на всѣ толки о славянствѣ, значительная часть русскаго общества еще такъ мало интересуется славянами, что имя Старчевича для нея—пустой звукъ. Впрочемъ, что же тутъ удивительнаго, если дѣятельность Старчевича не нашла правильной оцѣнки даже со стороны нашихъ специалистовъ.

Такъ, даже г. Пыпинъ, писатель вообще весьма безпристрастный по отношенію къ западному славянству, выказалъ въ этомъ случаѣ крайнюю односторонность. Въ первомъ томѣ „Исторіи Славян. Литературъ“ (на стр. 257 и 258 второго изданія) читатели найдутъ слѣдующую характеристику Старчевича: „Это — самый рѣзкій, самый крайній представитель панхорватства... Онъ одинаково рѣзокъ и въ обсужденіи внутреннихъ хорватскихъ дѣлъ и дѣятелей (напр., нападенія на Мажуранича и Штроссмайера). Въ послѣднемъ, онъ, кажется (?), иногда (?) говоритъ правду, хотя говоритъ грубо“.

ХОРВАТЫ.

Послѣ такого академически - осторожнаго отзыва о личной полемикѣ Старчевича, можно было бы ожидать, что и къ „панхорватству“ и къ другимъ идеямъ Старчевича г. Пыпинъ отнесется не менѣе осторожно. Но въ этомъ важнѣйшемъ случаѣ г. Пыпинъ, наоборотъ, судить весьма строго, хотя и несправедливо. Такъ, онъ утверждаетъ, что къ „сербскому племени“ Старчевичъ относится съ враждой и презрѣніемъ. „Это—(цитируетъ г. Пыпинъ)—(т. е. сербское племя) „Славо-Сербы“, имя котораго обѣ половины означаютъ рабство; это не какое-нибудь старое племя, а какая-то „пасмина“ (порода, сбродъ, помѣсь) „нѣчто вродѣ охорватенныхъ цыганъ“. Въ примѣчаніи А. Пыпинъ приводитъ даже подлинную цитату, выхваченную безъ связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ и, поэтому, якобы доказывающую, что, говоря о „славо-сербяхъ“, Старчевичъ, дѣйствительно, подразумѣваетъ подъ этимъ именемъ все сербское племя въ обычномъ значеніи этого слова. На основаніи составленнаго такимъ образомъ обвинительнаго акта, А. Пыпинъ объявляетъ Старчевича едва заслуживающимъ снисхожденія. А между тѣмъ, все обвиненіе построено на крупномъ, недоразумѣніи!

Таковы ли, въ самомъ дѣлѣ, идеи Старчевича, или въ утвержденіяхъ г. Пыпина скрывается весьма странное непониманіе, объясняемое лишь тѣмъ, что у автора „Исторіи Слав. Литературъ“, по его собственному сознанію, „были въ рукахъ не всѣ“ или, выражаясь точнѣе, только 4 брошюры Старчевича? Недоразумѣніе тѣмъ болѣе печальное, что основные взгляды Старчевича на такъ наз. славянскій вопросъ весьма близко подходятъ къ тѣмъ, которые выражены самимъ А. Пыпинымъ.

„Сущность этихъ взглядовъ можно формулировать такъ: всякому проявленію славянской взаимности должно предшествовать укрѣпленіе и развитіе культурныхъ началъ, существующихъ въ каждой отдѣльной славянской народности“. Вѣренъ или невѣренъ этотъ взглядъ—это дру-

той вопросъ; но онъ общъ Пыпину и Старчевичу. Различіе же ихъ взглядовъ въ томъ, что Пыпинъ слишкомъ мало цѣнитъ мечты о такъ наз. „фантастическомъ будущемъ или о столь же фантастическомъ возвращеніи старины“ (т. I, 35), тогда какъ Старчевичъ, посвятившій всю жизнь борьбѣ за это „прошедшее“ и будущее, привыкъ цѣнить и то, и другое, какъ нѣчто вполне реальное. Въ этомъ случаѣ правъ не Пыпинъ, а Старчевичъ.

Идея хорватскаго „государственного права“ кажется Пыпину фантастическою лишь вслѣдствіе присущаго многимъ русскимъ писателямъ предразсудка противъ стремленій австрійскихъ славянъ къ государственной самостоятельности, хотя примѣръ освобожденія бывшихъ турецкихъ славянъ могъ бы доставить въ этомъ случаѣ много поучительныхъ параллелей.

Разсмотримъ теперь нѣкоторые изъ взглядовъ А. Старчевича. Старчевичъ не ученый, вродѣ, напр., Палацкаго. Это человѣкъ съ кипучей южной натурой, пламенный ораторъ. Его слогъ отличается убѣдительностью и ясностью доказательствъ. Старчевичъ беспощадно побиваетъ своихъ противниковъ; желая прямо высказать истину, онъ никогда не колеблется и не допускаетъ седины; говоритъ рѣзко и откровенно, о комъ бы ни шла рѣчь — о *русскихъ, полякахъ или хорватахъ*. Его рѣзкость и сарказмъ вполне понятны, впрочемъ, только тому, кто достаточно ознакомился какъ съ прошлымъ положеніемъ Хорватіи, такъ и съ настоящимъ, а главное съ политикою, которою вела и ведетъ Австрія избравшая своимъ орудіемъ такъ называемыхъ „славосербовъ“. Онъ остается такимъ даже въ брошюрахъ научнаго характера.

Подобно Палацкому, и у Старчевича есть своя „австрійская идея“, но она относится не къ будущему, а къ невозвратному прошлому. Старчевичъ приписываетъ эту идею Іосифу II, который придумалъ планъ возста-

новленія Хорватіи и думаль дати хорватскую корону одному изъ своихъ родственниковъ; на сѣверо-западѣ же надѣялся найти опору въ полякахъ и чехахъ.

Не станемъ передавать воззрѣній Старчевича на турецкое господство и на причины столкновений Россіи съ Турціей, а также на исторію возникновенія „славянской идеи“, о которой онъ говоритъ: *„Панславизмъ (австрійскій) есть порожденіе Австріи. Австрія его родила и воспитала—чтобы поляки, хорваты, чехи, забывая свои права и свои индивидуальности — предались мечтаніямъ,—чтобы Австрія по этому поводу подавляла стремленіе славянъ къ сѣверу (къ Россіи), и чтобы получила съ запада признаніе и помощь противъ этого опаснаго славянскаго элемента“*. Болѣе любопытна исторія развитія взглядовъ самого Старчевича на Австрію.

Въ тридцатыхъ годахъ, въ славянскихъ странахъ появились въ рукописныхъ копіяхъ донесенія Погодина, впоследствии (въ 1860 г.) переведенныя и на нѣмецкій языкъ. Погодинъ былъ, какъ извѣстно, самымъ рьянымъ противникомъ Австріи и, во многомъ отличаясь отъ большинства *тогдашнихъ* славянофиловъ, ближе всего подходилъ къ современнымъ „націоналистамъ“. Сужденія его объ Австріи отличаются крайней беспощадностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторой наивностью, такъ, напр., Погодинъ серьезно думалъ, что, затрачивая нѣсколько десятковъ тысячъ рублей въ годъ, можно завладѣть всею Австріей, чрезъ посредство субсидируемыхъ славянскихъ журналистовъ. Этотъ грубоватый панславизмъ не могъ произвести особенно сильнаго впечатлѣнія, потому что нерѣдко изобличалъ полное незнакомство Погодина съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ и съ причинами живучести австрійскаго іезуитизма. Напр., Погодинъ не замѣчалъ, что пока у Россіи былъ на плечахъ важнѣйшій внутренній вопросъ — освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости—ея вліяніе на славянскій міръ могло быть лишь весьма эфемернымъ. Не удивительно,

что въ то время Старчевичъ вполнѣ раздѣлялъ идеи Палацкаго и Ригера. „При появленіи сочиненій Погодина, пишетъ Старчевичъ, въ Хорватіи были люди, и я въ томъ числѣ, которые разсуждали такъ: каковы бы ни были европейскія усложненія, для Хорватіи лучше всего оставаться автономнымъ краемъ, подвластнымъ (габсбургской) династіи. Мы разсуждали такъ: существованіе этой династіи зависитъ отъ хорватовъ; существованіе хорватовъ, какъ счастливой націи, зависитъ главнымъ образомъ отъ династіи; существованіе хорватовъ и мадьяръ зависитъ отъ ихъ согласія между собою“.

Старчевичъ, однако, какъ практическій политикъ, отлично понимаетъ, что *tempora mutantur* (времена измѣняются). Въ то время, говоритъ онъ, еще не существовало ни Германіи, ни Италіи, но можно было ждать ихъ возникновенія. Зная нѣмецкія, итальянскія, а отчасти и русскія притязанія, мы, говоритъ Старчевичъ, думали, что имъ можно противодѣйствовать, если Австрія будетъ свободною, счастливою, единою и сильною. Можно было также думать, что мадьяры постараются жить дружно съ хорватами, такъ какъ изъ исторіи извѣстно, что безъ хорватовъ они никогда не имѣли успѣха. Такъ было до 1861 года. „Но пока мы, пишетъ Старчевичъ, боролись за наши и венгерскія права, мадьяры спускались по наклонной плоскости... Между тѣмъ въ Россіи прогремѣлъ манифестъ 19 февраля 1861 года, и тогда уже въ нашемъ сеймѣ раздались голоса, предупреждавшіе Австрію объ опасности. На это 16 (28) августа 1861 года въ вѣнскомъ рейхсратѣ намъ былъ данъ оффиціальнй отвѣтъ: „Россія завоевала Венгрію и даровала ее австрійскому императору, не налагая на Австрію никакихъ обязательствъ“ (см. Прил. рѣчь Старчевича въ 1861 и 1866 гг.).

Въ 60-хъ годахъ, говоритъ Старчевичъ, произошло сближеніе Россіи съ Пруссіей, способствовавшее край-

нему униженію Австріи, которая не умѣла укрѣпить себя извнутри, а поэтому оказалась безсильною и во внѣшней политикѣ. Когда Россія окончательно отказалась отъ шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса и дозволила Пруссіи усилиться на счетъ Франціи, то стало ясно, что она мѣтитъ на Востокъ. Съ другой стороны, доказано, что еще до Садовой въ Пруссіи смотрѣли на Триестъ, какъ на нѣмецкую территорію. Какимъ „значеніемъ“ пользовалась Австрія въ 60-хъ годахъ и даже въ 70-хъ (до заключенія австро-германскаго союза) видно изъ того, какъ съ нею обращались сосѣди. Стоило одной сосѣдней державѣ заявить, что князь Турнъ-и-Таксисъ посланный въ Галицію императоромъ Францемъ-Іосифомъ, долженъ остаться въ Вѣнѣ—и князь не поѣхалъ. Австрія не могла справиться съ возстаніемъ въ Бокѣ Которской, т. е. съ бунтомъ нѣсколькихъ хорватскихъ селеній. Австрія готова была признать права чешской короны, но воздержалась отъ этого по указанію сосѣдней державы. Итальянскій король, ѣхавшій въ Вѣну на выставку, едва успѣлъ убѣдить триестскихъ ирредентистовъ не дѣлать демонстрацій въ честь Италіи. Лордъ Россель, разсылая дипломатическія ноты по поводу франко-прусскаго столкновенія, послалъ ихъ даже въ Бельгію и Португалію, но не въ Австрію. Лишь по вступленіи въ союзъ съ Германіей, Австрія вдругъ оказалась великой державой.

Сравнивая Австрію съ Россіей, Старчевичъ отдаетъ преимущество этой послѣдней почти во всѣхъ отношеніяхъ, хотя онъ далекъ отъ преклоненія передъ всѣмъ русскимъ. „Даже поляки,—писалъ Старчевичъ еще въ 1878 году,—начинаютъ понимать, что имъ остается только одно—соединиться съ русскою націею, съ которою ихъ судьбы связаны неразрывно и которой принадлежитъ будущее“. Тогда же Старчевичъ писалъ о хорватахъ: „Въ виду турецкой войны, когда еще была возможность работать, — если не съ надеждою на вѣчный успѣхъ, то

съ честью и вполнѣ добросовѣстно, — появился манифестъ въ духѣ хорватской партіи права. На этотъ манифестъ отвѣтили, какъ водится... Но если наступятъ неизбѣжныя событія, если воображаемая сила (Австріи) окажется лишь позорной слабостью, эта партія, защищавшая право и общій интересъ, но спасшая лишь собственную честь, убѣдится, что хорваты ровно ничего не потеряютъ и что метафизическія державы гибнутъ вмѣстѣ съ дѣлами рукъ своихъ. Убѣдившись въ этомъ, партія права примѣнитъ къ серьезному дѣлу извѣстное юмористическое изреченіе: „Ты этого хотѣлъ, Жоржъ Данденъ“.

Выводъ весьма напоминающій нѣкоторые выводы Палацкаго...

Чтобы убѣдиться въ томъ, что при своемъ „панхорватствѣ“ Старчевичъ вовсе не фанатикъ, какимъ его считаютъ, достаточно прочесть его извѣстную рѣчь противъ адреса, предложеннаго сторонникамъ Австріи въ хорватскомъ сеймѣ въ 1878 году. Въ этой рѣчи Старчевичъ прямо высказывается *противъ* оккупации Босніи и Герцеговины, хотя при его воззрѣніи на этотъ край, какъ составную часть земель короны королевства Хорватіи, Старчевичъ, повидимому, долженъ былъ бы радоваться захвату этихъ земель, и ограничиться требованіемъ, чтобы онѣ попали въ руки хорватовъ.

Рѣчь, сказанная по этому случаю Старчевичемъ, представляетъ одно изъ наиболѣе удачныхъ и наиболѣе почувствованныхъ произведеній его ораторскаго творчества. Уже въ самомъ началѣ предсѣдатель вынужденъ былъ прервать оратора, сказавшаго, что въ адресѣ большинства нѣтъ мужественной искренности, а есть та униженность, которую люди образованные называютъ низостью, а народъ — подлостью. „Я убѣжденъ, сказалъ далѣе Старчевичъ, что династіи Габсбурговъ теперь угрожаетъ болѣе серьезная опасность, нежели та, которая существовала по смерти Іосифа II“.

Санъ-стефанскій договоръ и, позднѣе, берлинскій трактатъ, по мнѣнію Старчевича, были одинаково гибельны для Австріи.

„Каково наше внутреннее положеніе?“ — спрашиваетъ Старчевичъ. — „Со времени введенія дуализма монархія соблюдаетъ миръ, хотя за это время велись двѣ войны (франко-прусская и турецкая), которыя будутъ имѣть для нея гораздо большія послѣдствія, чѣмъ для какой либо изъ воевавшихъ державъ. Въ теченіи этого мирнаго времени наши государственные долги значительно повысились, да и податное обложеніе увеличилось“. Во время мира, этого не бываетъ ни въ одномъ государствѣ, сознающемъ свою прочность.

Положеніе народа — по словамъ оратора — стало таковымъ, что ему придется завидовать участи древнихъ римскихъ рабовъ.

„Внѣшняя опасность, говоритъ Старчевичъ, по моему мнѣнію заключается въ Босніи. Я хочу доказать вкратцѣ что совѣтники его величества не только уполномочили Россію вести войну съ Турціей, но и вынудили ее къ этой войнѣ, что Австро-Венгрія держала сторону и Турціи и противъ Турціи, и что по истинѣ она довела Турцію до этой гибельной для нея войны. Я могу доказать, что послѣ санъ-стефанскаго договора наше нынѣшнее вступленіе въ Боснію не только не принесетъ выгоды монархіи, но представитъ для нея великую опасность“.

По своему обыкновенію, Старчевичъ послѣдовательно излагаетъ исторію вопроса, начиная съ русско-турецкихъ отношеній въ прошломъ столѣтіи. Переходя къ новѣйшимъ временамъ, Старчевичъ напоминаетъ о многочисленныхъ попыткахъ Россіи избавиться отъ стѣснительныхъ условій парижскаго трактата, при чемъ Австрія не только не противодействовала Россіи, но частью содействовала ей, т. е. другими словами способствовала ослабленію Турціи. Такова была, по крайней мѣрѣ, оф-

фиціальная политика Бейста. Съ другой стороны графъ Андраши вель весьма любопытные переговоры съ Калиль-беемъ (турецкій посланникъ въ Вѣнѣ). Андраши говорилъ, что Австрія, Венгрія и Турція должны по возможности уклоняться отъ войны, но если будутъ вынуждены воевать, то Турція должна возвратить все, утраченное ею на Черномъ морѣ и способствовать въ то же время возстановленію Польши“. „Графъ спросилъ меня — писалъ Калиль-бей великому визирю — сколько мы можемъ выставить воиновъ. Я отвѣтилъ: если устроимъ заемъ въ 10 милл. лиръ, то можемъ двинуть 500 тысячъ однихъ мусульманъ. Графъ былъ весьма обрадованъ и сказалъ, что Австро-Венгрія имѣетъ подъ ружьемъ 800 тысячъ испытанныхъ воиновъ!

„Господа, это угроза“ — не безъ ироніи замѣчаетъ Старчевичъ. Россія однако не испугалась угрозъ и прямо объявила, что болѣе не считаетъ себя связанною тѣми условіями парижскаго трактата, которыя касаются Чернаго моря. На этотъ разъ и Бейстъ сталъ писать въ Лондонъ и въ Константинополь, что Австрія стоитъ на точкѣ зрѣнія парижскаго трактата и того особаго договора, которымъ Франція, Англія и Австрія обязались взаимно (15 апр. 1856 г.) охранять неприкосновенность Турціи. Россія однако добилаь своего и успокоилась...

Что же дѣлаетъ затѣмъ Австрія? Она начинаетъ возбуждать турецкихъ подданныхъ противъ Турціи. Жалобы боснійцевъ противъ Турціи посылались въ то время не въ Петроградъ, а въ Вѣну. Не русскіе агенты, а австро-венгерскіе консулы стали бунтовать Грецію противъ турокъ, какъ это и было доказано международною конференціею по этому вопросу, которую однако, австрійскіе консулы не могутъ удостоить своимъ присутствіемъ, чувствуя свою вину. „Австрія — какъ сказалъ Старчевичъ — была въ то время дѣйствительно и за Турцію и противъ нея, и за Россію и противъ нея“.

„Что Россія дѣлала на Востокѣ, это ни для кого не

тайна. Она дѣлала тоже, что Піемонтъ въ Италіи, Пруссія въ Германіи. Когда въ Герцеговинѣ вспыхнулъ бунтъ, Турція справедливо винила не Россію, а Австрію. Австрія энергично поддержала предложеніе Германіи и Россіи о посредничествѣ консуловъ между повстанцами и Турціей. Англія оспаривала это предложеніе, ссылаясь на парижскій трактатъ, но осталась при особомъ мнѣніи. Изъ конференціи ничего не вышло. Началась война и, въ концѣ концовъ, уступая требованіямъ Англіи, Россія поспѣшила заключить миръ.“

Въ санъ-стефанскомъ договорѣ относительно Босніи и Герцеговины было сказано, что съ взаимнаго согласія Россіи, Турціи и Австро-Венгріи этотъ край долженъ пріобрѣсти права, указанныя константинопольской конференціей; что всѣ повстанцы должны быть прощены, а всѣ доходы въ теченіе двухъ лѣтъ должны быть употреблены на улучшеніе матеріальнаго благосостоянія края.

Переходя къ исторіи берлинскаго конгресса, Старчевичъ цѣлымъ рядомъ аргументовъ доказываетъ что Австрія была уполномочена единственно на военную оккупацию Босніи и Герцеговины и на управленіе этой страной по взаимному соглашенію съ Турціей; но подобнаго соглашенія, однако, не состоялось, вслѣдствіе чего и самое положеніе Австро-Венгріи въ оккупированномъ краѣ стало незаконнымъ. Приведемъ, впрочемъ, подлинныя слова Старчевича:

„Пока не установятъ чего либо новаго, слово оккупация должно означать лишь то, что подъ нимъ подразумѣвалось до сихъ поръ. Извѣстно, что Австрія занимала Неаполь, Тоскану, Піемонтъ, во время крымской войны оккупировала Молдавію и Валахію; Франція занимала Испанію, во время греческой революціи—Корфу и недавно Сирію и Римъ, но, спрашивается, что означала въ этихъ случаяхъ оккупация? Она состояла въ томъ, что чужеземныя войска являлись на помощь ту-

земной власти, и ни въ какомъ случаѣ оккупация не давала права на господство и управленіе на свой собственный страхъ.

Въ виду того, что Австро-Венгрія была уполномочена только управлять этимъ краемъ, а не владѣть имъ, во всякомъ случаѣ ей необходимо было сговориться съ Турціей, какъ было указано и на берлинскомъ конгрессѣ (въ 12 засѣданіи), при чемъ надо было согласиться на счетъ того, подъ чьею властью, подъ чьими законами должна Австро-Венгрія управлять этими землями. Манифесты же къ народамъ издавали до сихъ поръ либо сами правительства, либо чужеземныя державы, враждебныя данному правительству, либо, наконецъ, бунтовщики... Австро-Венгрія не объявила Турціи войны, и пока Боснія и Герцеговина не перестали быть владѣніями Турціи, до тѣхъ поръ боснійцы, если бы они не отражали австрійскую власть оружіемъ, оказались бы государственными измѣнниками. Не стану далѣе развивать этой мысли, но прямо спрошу, чего мы хотимъ въ Босніи? Наша оккупация можетъ имѣть лишь два послѣдствія. Наши войска либо уйдутъ прочь, либо останутся въ странѣ. Если мы уйдемъ, то спрашивается, зачѣмъ мы истратили столько денегъ и понесли столько кровавыхъ жертвъ? Если мы останемся, то спрашивается подъ какою вѣвѣскою? Можетъ ли Австро-Венгрія считать эти земли ставшими ея собственностью? Я полагаю, что *кромя американскихъ дикарей, ни у кого нельзя отнять земли безъ объявленія войны.*

Желаеть ли Австрія остаться здѣсь какъ у себя дома только потому, что умиротворила край? Но совѣтники его величества должны вспомнить, что въ такомъ *случаѣ Россія имѣла бы еще больше права завоевать Венгрію и Седмиградію какъ усмиренный ею край*, къ тому же преданный въ ея руки бывшею законною властью диктатора этого края. Или, наконецъ, не желаетъ ли Австро-Венгрія удержать эти земли въ своихъ рукахъ просто

какъ часть Турціи? Но это было бы первымъ шагомъ къ раздѣлу Турціи (ораторъ сослался здѣсь на примѣръ Польши и напомнилъ, какъ Марія Терезія въ послѣдствіи каялась, что сдѣлала этотъ шагъ, но прибавилъ онъ потомъ — мнѣ кажется, что Габсбурги еще болѣе заплачутъ въ слѣдствіе захвата Босніи и Герцеговины).

Ораторъ напомнилъ, что если Австро - Венгрія такъ смотритъ на Боснію, то почему же отрицать подобныя поползновенія Черногоріи и Сербіи?

Мы видимъ, что въ продолженіи всей своей рѣчи, Старчевичъ стоялъ исключительно на почвѣ *государственныхъ* соображеній. Если бы, дѣйствительно, существовала серьезная австрійская или австро-венгерская государственная идея, если бы могли найтись люди, способные провести эту идею въ жизнь, они должны были бы ухватиться за аргументацію Старчевича. Но австрійская идея, какъ сознаетъ Старчевичъ, есть „родъ метафизики“. По этому вполне естественно, что въ заключительныхъ словахъ Старчевича, приведенныхъ ниже, сказались и его *національныя хорватскія убѣжденія*, стоящая въ рѣзкой противоположности съ австрійской идеей. Съ этой, чисто хорватской точки зрѣнія, оккупация Босніи и Герцеговины осуждается уже по той причинѣ, что предъявлять права на этотъ край можетъ, по мнѣнію Старчевича, лишь хорватская корона, т. е. *свободное національно-хорватское государство, а никакъ не нынѣшняя австро-венгерская правительственная власть*.

„Пока еще была пора, сказалъ Старчевичъ, мы стремились возстановить въ нашемъ отечествѣ законный порядокъ вещей. Только хорватское королевство имѣетъ права на этотъ край, но пока въ международномъ правѣ нѣтъ хорватскаго государства, *не можетъ быть особаго хорватскаго короля*“ (см. Прил. о Босніи).

Въ вопросѣ о Босніи наша точка зрѣнія нѣсколько отличается отъ взглядовъ Старчевича, но это различіе скорѣе формальное, чѣмъ существенное.

Боснія и Герцеговина (не говоря уже о турецкой Хорватіи до Вербаса) должны быть признаны частями древняго хорватскаго королевства — на основаніи его исторіи и государственнаго права.

Географическое положеніе также дѣлаетъ ихъ необходимымъ для хорватовъ не менѣе, чѣмъ для сербовъ.

Но вслѣдствіе долговременнаго турецкаго владычества, культура этого края стала въ многомъ отличною отъ хорватской. Сверхъ того, великосербскія притязанія на Боснію и Герцеговину не могутъ быть оставлены безъ вниманія, такъ какъ для Сербіи путь къ Адріатическому морю есть жизненный вопросъ. Сербская торговля, промышленность, даже государственность будетъ вѣчно находится подъ австро-венгерскимъ гнетомъ, пока Сербія не достигнетъ моря. Не совсѣмъ увѣренная въ возможности достигнуть Адріатическаго побережья, Сербія все же фатально стремится къ морскому берегу: отсюда ея неосновательныя притязанія и на всю Македонію, включая Солунъ.

Въ виду всего этого, вопросъ о Босніи и Герцеговинѣ долженъ быть поставленъ такъ, чтобъ онъ не могъ дать никакого повода къ сербо-хорватской распрѣ, а именно постановка его должна произойти на вполнѣ нейтральной почвѣ *до-тѣхъ-поръ*, пока населеніе Босніи и Герцеговины не заявитъ, по собственному почину, къ какой политической группѣ оно желаетъ примкнуть.

Постановка, о которой идетъ рѣчь, состоитъ въ слѣдующемъ: на первыхъ порахъ необходимо опереться, по просту, на международные трактаты и убѣдить большинство державъ высказаться противъ продолженія австрійской оккупации. По прекращеніи оккупации, Боснія и Герцеговина окажутся просто *турецкими провинціями*.

Но зная, по примѣру острова Крита и Македоніи, что такое турецкое управленіе, пока надъ нимъ нѣтъ узды, — необходимо тотчасъ же возбудить вопросъ о да-

рованіи Босніи и Герцеговинѣ полной внутренней автономіи приблизительно на тѣхъ началахъ, которыми пользовалась Восточная Румелія до филиппопольскаго переворота, но подѣ болѣе строгимъ контролемъ всѣхъ великихъ державъ.

Когда, такимъ образомъ, въ Босніи и Герцеговинѣ будетъ дано начало нормальному порядку вещей, когда здѣсь явится народное представительство и во главѣ этой автономной провинціи будетъ поставленъ христіанскій генераль-губернаторъ, тогда вскорѣ обнаружится тяготѣніе этого края и къ Сербіи, и къ Хорватіи. Тѣмъ временемъ разовьется идея хорватско-сербской взаимности. Уже теперь сербскіе радикалы по возрѣніемъ гораздо ближе къ „хорватской партіи права“, нежели бывшій напредняцкій и либеральный режимъ.

Отъ взглядовъ Старчевича на хорватство перейдемъ къ его возрѣніямъ на болѣе общіе религіозные и національно-культурные вопросы. Матеріалъ въ этомъ отношеніи доставляетъ брошюра Старчевича „Юбилей“ (Jubilei), въ которой, пользуясь юбилейными торжествами въ честь Льва XIII, епископа Штроссмайера, и 900-лѣтія крещенія Руси, онъ высказываетъ свои взгляды, съ одной стороны на католическую идею, стремящуюся утопить славянство въ папизмъ, съ другой — на стремленія высказанныя въ манифестѣ Кіевскаго юбил. комитета. Вотъ нѣкоторыя мысли Старчевича о христіанствѣ и папѣ:

„Никогда (?) церковь западная и восточная не были одною церковью: это были двѣ половины, которыя соглашались въ сущности предмета вѣры, въ остальномъ же каждая изъ нихъ шла своимъ путемъ.

Въ началѣ христіанства были два просвѣщенія: римское и греческое, во многихъ предметахъ различныя, даже противоположныя между собою. Почти весь Новый Завѣтъ былъ написанъ на греческомъ языкѣ. Востокъ, греческій міръ

принялъ христіанство; до тріумвирата Амвросія, Августина и Іеронима, западная церковь не имѣла великихъ учителей: въ томъ только смыслѣ западная церковь была „ученицею“ церкви восточной (biaše učenicom iztočne).“

„Левъ XIII жалуется епископамъ, что не имѣетъ свѣтской власти“.

Этотъ человекъ, какъ епископъ въ 1861 году сказалъ въ пастырскомъ посланіи: „Католики никогда не считали догматомъ свѣтскую власть папы“.

Это каждый знаетъ; но слышать эту истину при тогдашнихъ обстоятельствахъ было очень удивительно отъ римскаго епископа.

Если для епископа мірская власть папы была не важнымъ предметомъ: то отчего происходитъ, что епископъ, сдѣлавшись папою, плачетъ за этою властью? Вообще, этотъ плачъ (jadikovanje) Льва XIII нисколько не соглашается съ его прежними утвержденіями“.

Отвѣчая Гагарину на вопросъ: „сдѣлается ли Россія католическою“ Старчевичъ говоритъ:

„Мысли Гагарина о могуществѣ католичества и его главы (папы), раздѣляли также и тѣ, которые ввели іезуитовъ и тѣ, которые имъ открыли доступъ къ государямъ, повѣряя этому ордену обученіе молодежи, и тѣ, которые изъ за французской революціи возстановили свѣтскую власть папы и іезуитовъ.“

Вѣдь ни католицизмъ, ни папа, ни ихъ защитники не могли предотвратить кровавыхъ революцій въ Испаніи, Франціи, и т. д. Даже именно въ католическихъ земляхъ бывало наиболѣе революціонныхъ движеній: самого папу, въ послѣднее время, поддерживали штыки иноземцевъ. Врядъ ли будетъ католицизмъ въ Россіи сильнѣе, чѣмъ въ остальныхъ странахъ. Только вѣра живая, искренняя и сопровождаемая добрыми дѣлами можетъ господствовать надъ сердцами людей“.

О православномъ духовенствѣ:

„Когда присмотримся къ успѣхамъ вѣры и просвѣ-

щенія, достигнутымъ въ Россіи въ теченіи 900 лѣтъ, то нельзя сказать, чтобы кіевскій юбилей былъ въ полномъ смыслѣ слова оправдываемъ положеніемъ дѣла. Такъ напр. и по отношенію къ русскому духовенству многое еще остается желательнымъ. Впрочемъ, при данныхъ обстоятельствахъ оно и не могло сдѣлать ничего болѣе; да и всякое другое на его мѣстѣ не сдѣлало бы большаго. Но все же это духовенство не оставляло свой народъ, не доводило его до скотскаго состоянія, не убивало въ немъ любовь и вѣру: (здѣсь сдѣланъ намекъ на „славосербское“ духовенство въ Хорватіи). Какой другой народъ можетъ указать на такихъ поселянъ какъ-то русскіе, и ихъ надо только вывести на правый путь“.

О Россіи и реформахъ:

...„Россія никогда не шла по пути Византіи и въ этомъ даже ея счастье. Кіевскій юбилейный комитетъ утверждаетъ, что Москва воспріяла преданія Византіи. Безъ дальнѣйшихъ доказательствъ мы не можемъ этому вѣрить, но мы увѣрены въ томъ, что будь дѣйствительно такъ, Москва могла бы раздѣлить участь Византіи (т. е. подчиниться татарамъ такъ, какъ Византія подчинилась туркамъ).

Въ природѣ вещей лежитъ, чтобы Царьградъ сталъ русскимъ, хотя бы даже столицей; но горе Россіи, если бы и тогда онъ остался старою или сталъ новою русскою Византіею... Александръ II сдѣлалъ Россію государствомъ стремящимся по пути права и прогресса“.

...„Какъ Гагаринъ еще въ 1856 г. „предвидѣлъ“, что въ Россіи произойдетъ переворотъ, если она не признаетъ папу. Но Александръ II освобожденіемъ крестьянъ совершилъ величайшій переворотъ, когда либо извѣстный въ исторіи народовъ (и совершилъ его безъ помощи папы). Но этотъ святой переворотъ далъ начало дальнѣйшимъ реформамъ... Россіи предстоитъ совершить тройную реформу нравственно-религіозную, по-

литическую и социальную — и всё три она произведетъ мирнымъ путемъ. Но ни одна изъ этихъ внутреннихъ реформъ не можетъ быть проведена вполнѣ, пока не уладятся сосѣднія отношенія, пока не будетъ обезпечено ея внѣшнее положеніе“.

О дворянствѣ Польши:

Извѣстно, какую неограниченную власть имѣло польское дворянство надъ крестьянами и остальными недворянами и какъ оно угнетало и губило народъ. Русскій дворянинъ никогда не имѣлъ права жизни и смерти надъ крестьяниномъ, это право всегда оставалось въ рукахъ государственной власти“.

Въ этомъ случаѣ Старчевичъ совершенно правъ. Даже въ мрачнѣйшія эпохи крѣпостнаго права, въ Россіи помѣщикъ за убійство своего крѣпостнаго подлежалъ суду и строгому уголовному наказанію, тогда какъ въ Польшѣ за убійство хлопа можно было отдѣлаться легкимъ штрафомъ. Скажутъ, что и у насъ жизнь расходилась съ закономъ и что было не мало помѣщиковъ, которымъ безнаказанно сходило съ рукъ истязаніе и даже убійство крестьянъ. Но то были уже отдѣльныя злоупотребленія, которыя во всякомъ случаѣ карались и закономъ и общественнымъ мнѣніемъ. Скажутъ обратно, что и въ Польшѣ въ XVIII вѣкѣ уже было сравнительно мало случаевъ грубаго проявленія крѣпостнаго права. Но Польша XVIII вѣка въ культурномъ отношеніи ушла впередъ Россіи и хронологическое сопоставленіе здѣсь не уместно: оно возможно развѣ для двухъ предъидущихъ вѣковъ, когда польское дворянство за грѣхи свои испытало рядъ казацкихъ возстаній. Впрочемъ и въ XVIII вѣкѣ, въ эпоху гайдамачины, трудно сказать, кто былъ свирѣпѣе — гайдамаки или польскіе паны, при чемъ первые имѣли за собою преимущество защиты праваго дѣла.

Въ немногихъ словахъ, взгляды Старчевича можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ. Онъ врагъ

папизма, т. е. свѣтской власти папы, но въ то же время онъ не относится съ особымъ увлеченіямъ къ нашимъ націоналистамъ которые утверждаютъ, что всѣ славяне-католики обречены на неминуемую національную гибель. Мы, съ своей стороны, считаемъ православіе, какъ форму церковной организаціи, несомнѣнно предпочтительнымъ передъ католицизмомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, соглашаемся съ Старчевичемъ, что считать хорватовъ блудными сынами было бы неразумно. По нашему мнѣнію, постепенное приближеніе католицизма къ православному идеалу свободной церкви въ свободномъ государствѣ произойдетъ естественнымъ путемъ, а ужъ никакъ не въ силу того, что мы будемъ считать славянъ-католиковъ отщепенцами славянства.

(Замѣчательна по этому вопросу еще статья Старчевича подъ заглавіемъ „Папа-государь“ (papa vladar) въ газетѣ „Хорватія“ (Hervatska) 1871 года).

Сказанное о церковной организаціи примѣнимо и къ различію культуры тѣхъ или иныхъ славянскихъ народностей. *Не насильственное навязываніе своего языка, нравовъ, понятій, учреждений, а лишь свободное духовное общеніе между нами и нашими единоплеменниками можетъ способствовать усвоенію ими того, что мы считаемъ спасительными основами нашего народнаго быта.*

Я позволяю себѣ здѣсь цитировать выдержки изъ одного частнаго письма А. Старчевича, которое авторъ разрѣшилъ предать гласности. Здѣсь выраженъ взглядъ, во многомъ сходный съ вышеприведеннымъ.

„Наши народности — пишетъ Старчевичъ — сами больше всего виновны въ своихъ недоразумѣніяхъ и распряхъ. Мы смотримъ, но не видимъ, мы знаемъ, но не хотимъ знать, что и въ другихъ земляхъ были и есть разныя государства, народности, нарѣчія, вѣрованія, обычаи, законы и т. д., и что тѣмъ не менѣе обитатели этихъ земель стремились и стремятся къ сое-

диненію въ области языка и матеріальныхъ интересовъ. Нынѣшнія французскія, итальянскія, нѣмецкія, областныя нарѣчія исчезаютъ безъ всякаго внѣшняго насилія. Въ свое время это были, однако, не нарѣчія, а полноправные языки этихъ областей, и народы, нѣкогда чуждые другъ другу, стали братьями; современемъ такъ будетъ и съ нами, если мы доживемъ до такой счастливой будущности. Писатели пишутъ, чтобъ ихъ читали люди, а гдѣ столько людей, какъ въ Россіи? Но до поры до времени не слѣдуетъ пренебрегать отдѣльными нарѣчіями, пока не установится общій литературный языкъ. Наоборотъ, до тѣхъ поръ, пока этими отдѣльными нарѣчіями могутъ пользоваться народы для своего просвѣщенія, ихъ надо развивать и поддерживать. Я полагаю, что мы всѣ должны были бы понять это, и стремиться къ этому великому дѣлу“. (Т. е. изученію русскаго языка).

Таковъ взглядъ Старчевича на такъ называемый „литературный“ панславизмъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, Старчевичъ вовсе не врагъ, а напротивъ того сторонникъ объединенія единоплеменныхъ народовъ. Но онъ считаетъ ложною мысль, что такое объединеніе можетъ быть достигнуто политическими, административными и, вообще, искусственными мѣрами. Единственный вѣрный путь къ языковому единству единоплеменныхъ народовъ есть *путь постепеннаго развитія* и прежде чѣмъ выработается русскій, какъ общелитературный языкъ, необходимо еще выработать частное литературное единство, напримѣръ словенцевъ съ хорватами, словаковъ съ чехами и т. д. До тѣхъ поръ, пока общій литературный языкъ не станетъ понятенъ всей народной массѣ, искусственное устраненіе частныхъ нарѣчій (напримѣръ малорусскаго или же нарѣчія словаковъ), въ свою очередь, не только не принесетъ пользы, но затормозитъ просвѣщеніе, а поѣтому и отдалитъ какъ

разъ то единство, котораго стараются добиться подобными неправильными средствами.

Въ главныхъ чертахъ публицистической дѣятельности Старчевича была бы не полна если бы мы не упомянули о его брошюрѣ „Имя сербъ“, въ предисловіи къ которой авторъ говоритъ, что онъ намѣренъ писать *не о народѣ, не о сословіи, не объ историческихъ событіяхъ, а единственно объ имени*. Тенденція этой брошюры состоитъ, однако, въ томъ, чтобъ увѣрить самихъ сербовъ, что они, будучи единоплеменниками хорватовъ, напрасно называютъ себя сербами, такъ какъ это послѣднее имя, ставшее у римлянъ синонимомъ раба (servus), подобно тому какъ у германцевъ такимъ же синонимомъ стало имя славянинъ (Slave), едва ли можетъ считаться приличнымъ названіемъ свободного народа. Не ограничиваясь этимъ, Старчевичъ придумалъ техническое выраженіе *славо сербъ* (Slavoserb), (объясненіе котораго приводимъ въ V гл.).

„Ученому міру извѣстно, пишетъ онъ, что имя „сербъ“ или „сербъ“ — въ древности, а имя „славъ“ или „склавъ“ — въ средніе вѣка у всѣхъ народовъ обозначало раба; что хорваты и поляки всегда гнушались этихъ именъ и что оно этимъ народамъ принадлежитъ не болѣе, чѣмъ, на примѣръ, англичанамъ. Но такъ какъ это имя въ обѣихъ формахъ оказывается въ хорватскихъ областяхъ, я и связалъ обѣ формы въ одну“.

Старчевичъ обставилъ свое изслѣдованіе весьма солидною, хотя и тенденціозною аргументаціей; но едва ли эта аргументація достигаетъ цѣли.

Дѣло въ томъ, что каково ни было происхожденіе имени „сербъ“, самое имя освящено вѣками, и политическая и также культурная отдѣльность населенія нынѣшняго Сербскаго королевства и Старой Сербіи отъ населенія Хорватіи проводитъ между сербами и хорватами довольно глубокую черту, которая можетъ изгладиться лишь культурнымъ сближеніемъ обѣихъ вѣтвей славянскаго пле-

мени, что отчасти и замѣчается въ новѣйшее время, послѣ окончательнаго освобожденія сербовъ отъ турецкаго ига.

Если ограничиться болѣе тѣснымъ кругомъ сербовъ, проживающихъ въ такъ называемой „Транслейтаніи“, тогда, конечно, выводы Старчевича будутъ имѣть болѣе значенія, такъ какъ несомнѣнно, что здѣшнее населеніе, — называемое „сербскимъ“ только въ послѣднее время—тамъ, гдѣ оно соприкасается съ хорватскимъ народомъ, не отличается отъ него въ культурномъ отношеніи. Вся такъ называемая сербско-хорватская рознь въ Хорватскомъ королевствѣ есть порожденіе, главнымъ образомъ, новѣйшаго времени и существуетъ не въ народѣ, но въ такъ называемой интеллигенціи, которая порою служитъ самымъ лучшимъ орудіемъ австро-венгерскихъ махинацій. При возстаніи въ Хорватіи въ 1883 году, народъ хорватскій какъ православнаго такъ и католическаго вѣроисповѣданія требовалъ „древнихъ хорватскихъ правъ“ (Stare horvatske pravice). Это помнятъ хорошо нѣмцы и мадьяры!

Что касается т. наз. сербскаго населенія, то оно, безъ сомнѣнія, сильно „охорватено“, т. е. приняло нарѣчіе и обычаи хорватовъ. Арсеній Черноевичъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что онъ привелъ около 40,000 семействъ изъ Румыніи, Расціи и Албаніи, большею частью румынъ. Они были населены особенно въ Срѣмѣ и Славоніи. Отсюда и названіе одной мѣстности Мала Влашка. Австрія своими указами и привилегіями выданными убѣгавшимъ переселенцамъ Арбанасамъ, Румынамъ, Рацамъ, Влахамъ и пр. умѣла ловко лишить государственнаго права сотни тысячъ хорватовъ восточной церкви, подчиняя и этотъ старинный хорватскій народъ привилегіямъ, т. е. милости австрійской.

Въ настоящее время эти переселенцы не существуютъ—они похорватились, принявъ языкъ хорватскій, но интеллигенція считаетъ себя сербскою. Разница только въ обрядѣ, причемъ не мѣшаетъ помнить, что у самихъ католиковъ

хорватовъ—во многихъ мѣстахъ сохранился въ богослуженіи народный хорватскій языкъ съ самыхъ древнихъ временъ.

Съ другой стороны въ простомъ народѣ православные называютъ себя, по вѣрѣ, либо „рищани“ (христиане), либо въ новѣйшее время „сербамъ“, но по національности сплошь и рядомъ называютъ свой языкъ хорватскимъ, себя хорватами, или именемъ области, гдѣ поселились.

Всѣ эти данныя показываютъ, что для земель, на которыхъ простирается хорватское государственное право, этнографическая раздѣльность между сербами и хорватами, дѣйствительно, покоится на весьма шаткихъ основаніяхъ и главнымъ образомъ подогревается Австріей и „славо - сербской“ интеллигенціей, пользующихся древнимъ принципомъ Габсбурговъ: „Divide et impera“.

Всѣ, безъ исключенія, сербскіе депутаты на хорватскомъ сеймѣ извѣстны какъ сторонники либо мадьяръ, либо австрійцевъ, т. е. другими словами, ихъ лозунгъ: противъ хорватовъ и ихъ государственной самостоятельности. Удивительно ли поэтому, что хорваты, и особенно Старчевичъ, враги сербовъ этого рода.

Для ознакомленія съ характеромъ брошюры „Ime Serb“ достаточно привести отрывокъ, изъ котораго ясно, что желая, такъ сказать, скомпрометировать имя сербъ (необходимо помнить, что рѣчь идетъ только объ имени, а не о народѣ, ибо сербскій народъ Старчевичъ считаетъ хорватскимъ), Старчевичъ пытается доказать, что это имя примѣнялось къ всякому сброду (raspina), напр. къ цыганамъ и цинцарамъ, жившимъ и живущимъ въ Македоніи и во Фракіи. Вотъ что утверждаетъ Старчевичъ (Ime Serb, XI, 39—42). Изъ того, что сербы два раза просятъ земли у императора Ираклія, а не у хорватовъ, изъ этого обстоятельства можно, по нашему мнѣнію, вывести все, кромѣ родства хорватовъ и сербовъ.

Какъ объ этомъ родствѣ разсуждали древніе хорваты? На это есть отвѣтъ: мы покажемъ, какъ отцы наши

употребляли имя „сербъ“. Дубровчане ближе всего могли и должны были знать сербство; ибо они въ свое время принадлежали къ самымъ просвѣщеннымъ хорватамъ; они больше всѣхъ писали и объ нихъ многіе утверждаютъ даже, что они сербы и писали по сербски: мы и будемъ держаться только мнѣнія дубровчанъ.

Какъ и у многихъ другихъ хорватовъ, такъ и у дубровчанъ встрѣчается имя „словинацъ“, которое было тождественно съ именемъ хорватъ.

Юній Пальмотичъ считаетъ между своими „словинцами“ многіе народы, о которыхъ извѣстно, что они отличны отъ хорватовъ. Но Пальмотичъ въ этой группѣ народовъ не находитъ мѣста для сербовъ.

Игнатъ Дьордьичъ (Gjorgjić) ставитъ въ число словинцевъ даже самоѣдовъ и пр., но все-таки не причисляетъ сербовъ къ словинцамъ.

Значитъ, эти два дубровчанина, а также Гундуличъ и Раньина, не только что себя не хотятъ считать сербами, но даже не считаютъ сербовъ вѣтвью древа славянскаго.

Но Дьордьичъ знаетъ про „сербскихъ воиновъ“, про сербскія четы.

Дѣйствительно, знаетъ онъ и четы Личскія, Посавскія, Приморскія и пр., но никто не выводитъ отсюда какой-нибудь отдѣльный народъ личскій, посавскій, приморскій, ибо каждый разумный человѣкъ говоритъ, что это имена географическія.

Таковы разсужденія Старчевича, касающіяся, собственно, только имени сербскаго народа. Странно, что Старчевичу вмѣняются въ особую вину даже эти соображенія, въ то время какъ сербофилъ Шафарикъ, сербъ Давидовичъ и Медаковичъ, одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ сербскихъ историковъ, высказываютъ гораздо болѣе рѣзкія сужденія о прошломъ самаго сербскаго народа...

5. НАРОДНОСТЬ И ЯЗЫКЪ ХОРВАТОВЪ.

Ми держимо народност за светиню, и плашимо се онога, кой ню манѣ люби него-ли ми, а то ѿер такова сматрамо за утвору, коя ѿе лишена, после чутеня чисте душевности и онога слободе, найугодниѿа и найвеличанствениѿа чувства што га нарава човечя може имати.

А. Старчевичъ.

Представленіе о «народности» только теперь выходило изъ области непосредственнаго, инстинктивнаго чувства и, опредѣляемое историческимъ, этнографическимъ и социальнымъ изслѣдованіемъ, становилось сознательнымъ.

А. Пыпинъ.

Постараемся мы, въ свою очередь, изложить нашъ взглядъ на хорватскую народность. Если есть нѣкоторое основаніе въ мнѣніи, что хорватскіе писатели изъ „партіи права“ и особенно Старчевичъ черезчуръ свысока говорятъ—не о сербскомъ народѣ, но объ имени сербъ—то надо сознаться, что ихъ на это вызывали и иные русскіе и сербскіе писатели, давно уже съ лихвою отплатившіе хорватамъ, не пощадивъ не только ихъ имени, но даже народности.

Въ 1876 году вся хорватская читающая публика была крайне смущена заявленіемъ извѣстнаго сербофила А. Майкова, что никакой хорватской народности не существуетъ и что „хорватскій народъ“ создала, будто бы... *австрійская полиція!*

Негодование, возбужденное этимъ заявленіемъ писателя (который, вообще, выступаетъ какъ другъ славянства и заклятый врагъ Австріи), было весьма велико и статья г. Майкова вызвала, между прочимъ, протестъ хорватской университетской молодежи. Упоминая объ этомъ протестѣ, г. Пыпинъ въ своей исторіи славянскихъ литературъ (1. 258, прим. 2) лаконически замѣчаетъ, что „открытое письмо“ хорватской молодежи (25 янв. 1877) ребячество и незнаніе русской исторіи и литературы и что Майковъ „отвѣтилъ“ на это письмо въ „Нов. Времени“ (1877, 20 февр.).

Повидимому, г. Пыпину осталось неизвѣстнымъ, что

кромѣ упомянутого „протеста“, написаннаго съ юношескимъ пыломъ и, конечно, не имѣвшаго характера ученаго памфлета, въ хорватской литературѣ появился весьма основательный отвѣтъ г. Майкову, въ которомъ безцеремонныя заявленія русскаго славянофила подвергнуты строгой и, можно сказать, уничтожающей критикѣ. Рѣчь идетъ о книгѣ «Hervatska narodnost» соч. Дежелича.

Изъ русскихъ писателей, занимавшихся сербо-хорватскими отношеніями, безпристрастнѣе прочихъ Гильфердингъ, хотя и онъ подчасъ не прочь оказать преимущество сербамъ за ихъ вѣрность православію. Во всякомъ случаѣ, Гильфердингъ болѣе другихъ былъ знакомъ и съ прошлымъ и съ современнымъ состояніемъ хорватской народности, а потому у него часто встрѣчаются сужденія, совершенно отличающіяся отъ шаблонныхъ мнѣній тѣхъ славянофиловъ, которые признаютъ всѣхъ вообще славянъ-католиковъ отщепенцами славянства.

Вотъ что пишетъ, напримѣръ, Гильфердингъ о хорватахъ, какъ они ему представляются по разсказу Константина Багрянороднаго: „Хорватскій народъ постоянно являлся главнымъ историческимъ дѣятелемъ и двигателемъ въ славянскомъ Иллирикѣ, увлекающимъ за собою и сербовъ, погруженныхъ еще въ какую-то младенческую апатію. Хорваты первые пришли изъ за Карпатъ въ Иллирикъ, сербы послѣдовали за ними; хорваты первые приняли крещеніе въ VII вѣкѣ, и среди ихъ, хотя въ неподвластномъ имъ латинскомъ городѣ Сплѣтѣ, установлена была митрополія для иллирійскихъ славянъ. Черезъ ихъ землю христіанство передано было сербамъ; первые опять въ IX вѣкѣ хорваты возобновили, посредствомъ сношеній съ Римомъ и Константинополемъ, угасавшее у нихъ христіанство, и первые показали на дѣлѣ преданность церкви; сербы шли за ними“. Въ другомъ мѣстѣ Гильфердингъ пишетъ: „Точно также розно потекла у хорватовъ и сербовъ жизнь политическая, у хорватовъ—блестящая, возвращающаяся въ

кругу Западной Европы, у сербовъ—чуждая всѣмъ окружающимъ движеніямъ и такая же безгласная и безвѣстная, какъ тогдашняя сербская церковь. Государство хорватское развилось и процвѣло съ необыкновенною быстротою. Преемникъ Томислава, Красиміръ, распространилъ свою власть, кажется (?), по всей Босніи; за нимъ Держиславъ, въ концѣ X вѣка, торжественно принялъ титулъ короля, утвержденный за нимъ византійскимъ дворомъ. Держиславъ царствовалъ отъ границъ Хорутаніи (Каринтіи) и отъ Дуная по всей Далмаціи и Неретвѣ; даже часть Захолмія принадлежала ему. Хорватія стала теперь явною соперницею венеціанцевъ, вынужденныхъ въ послѣдствіи платить дань Хорватамъ“.

Такъ судить историкъ; но не такъ разсуждаютъ писатели вродѣ Майкова, да и всѣ вообще, кому сталъ поперекъ дороги хорватскій „католицизмъ“. А о сущности этого „католицизма“, весьма отличнаго, на примѣръ, отъ польскаго, они ни мало не заботятся, не зная даже того, что хорваты сдѣлали никакъ не меньше сербовъ въ дѣлѣ сохраненія національнаго богослуженія и, стало быть, во вредъ латинизаторскимъ стремленіямъ. О церковной жизни хорватовъ, впрочемъ, будетъ идти рѣчь особо; сначала необходимо сказать нѣсколько словъ собственно объ ихъ народности, несмотря на сходство языка, отличающейся въ довольно значительной степени отъ сербской. Хорваты и сербы служатъ примѣромъ тому, что понятія о языкѣ и народности вовсе не тождественны.

Весьма многія ошибочныя мнѣнія писателей, не изучавшихъ хорватской исторіи самостоятельно, основаны на авторитетѣ Шафарика, который, состоя на сербской службѣ и много занимаясь сербами, такъ увлекся ими, что впалъ въ крайности „пансербизма“, стараясь доказать, что чуть ли не всѣ славяне были сербы. Знаменитый славистъ не останавливался для этого передъ самыми изумительными этимологическими

выводами и лингвистическими сближеніями. Такъ въ словѣ „сарматы“ онъ видѣлъ въ сарм—нѣчто напоминающее сарб — а стало быть сербовъ! Впрочемъ, въ послѣдствіи Шафарикъ призналъ сарматовъ (а стало быть и сербовъ?) не славянами... Точно также, найдя въ одной старинной рукописи слово „Zeriuani“, Шафарикъ тотчасъ дѣлаетъ изъ него „Srbjani“, т. е. опять таки „сербовъ“. Показанія Константина Багрянороднаго, какъ противорѣчащія его собственнымъ фантазіямъ, Шафарикъ по просту отвергаетъ, считая ихъ баснями, даже въ томъ случаѣ, когда они въ высшей степени правдоподобны. Любопытно, что даже Рачкій, который могъ бы имѣть по этому вопросу самостоятельное мнѣніе, слѣпо слѣдуетъ авторитету Шафарика и своими боками побиваетъ Константина Багрянороднаго, увѣряя, напримѣръ, что вѣнчаный авторъ „ошибается“, считая хорватовъ союзниками царя Ираклія: точно Константинъ Багрянородный не могъ знать, какой народъ помогалъ его недавнимъ предшественникамъ! Точно также Рачкій отказывается вѣрить тому, что хорваты сокрушили силу аваръ и противопоставляетъ разсказу Константина свою теорію, что хорваты и сербы въ V или въ VI вѣкѣ съ остальными (?) славянскими племенами двинулись съ сѣвера на югъ. Мы, въ свою очередь, не отрицаемъ того, что и до VII вѣка бывали переселенія, но откуда такая увѣренность въ томъ, что при Иракліи не могло произойти рѣшительнаго покоренія аварскихъ земель хорватами? Неужели Константинъ не могъ знать того, что происходило, сравнительно, недавно (онъ писалъ въ X вѣкѣ) на окраинахъ его собственнаго государства? Вѣдь кромѣ устныхъ преданій, онъ могъ пользоваться и государственными архивами, куда, несомнѣнно, были занесены свидѣтельства о такомъ событіи, каково уничтоженіе аварской орды.

Различіе между сербами и хорватами такъ же старо,

какъ первыя извѣстія, дошедшія къ намъ о раздѣленіи славянскихъ племенъ. Такъ въ нашей лѣтописи весьма опредѣленно сказано: „Бѣ единъ языкъ словѣнскъ: Словѣне иже сѣдяху по Дунаевѣ, гдѣ есть нынѣ угорская земля и болгарская, *Хрватѣ, Серебѣ* и Хорутанѣ, Морава, Чеси, Ляхове и Русь“. Константинъ Багрянородный, сочиненіе котораго является главнымъ источникомъ по исторіи древнѣйшаго расселенія хорватовъ, довольно точно опредѣляетъ границы хорватскихъ поселеній по сравненію съ сербскими. По его словамъ авары (обры) занимали „всю Далмацію“ отъ Албаніи до Дуная, которая потомъ называлась „Хорватія и Сербія“, при чемъ ясно указываетъ, что хорваты заняли весь этотъ край раньше появленія здѣсь сербовъ (*atque ei ipsi Chrobati ad Heraclium confugerunt ante Serblos*) и заняли, такимъ образомъ, нынѣшнюю Хорватію, Босну, Герцеговину, Славонію, Далмацію, Штирію и т. д., словомъ покорили всѣ земли, захваченныя аварами. О сербахъ Константинъ Багрянородный выражается также очень опредѣленно. По его словамъ: „Сербы попросили у императора Ираклія для себя какую либо другую землю. Такъ какъ вслѣдствіе аварскихъ опустошеній земля, называемая теперь Сербіей и Панноніей, оставалась, по изгнаніи отсюда римлянъ, въ пустѣ, то онъ и далъ эти земли сербамъ“. Сказавъ о помощи, оказанной сербамъ хорватами противъ болгаръ, вѣнчанный авторъ ясно перечисляетъ сербскіе города, отличая при этомъ Сербію отъ Босніи (Босоны), въ которой указываетъ два города „Катера и Десникъ“. Любопытно еще утвержденіе того же автора, что сербы на языкѣ римлянъ назывались *servi*, вслѣдствіе чего сербская обувь называлась *servulus*, а *servi* они назывались потому, что служили (*servirent*) римскому императору. Конечно, эта этимологія весьма шатка и если даже ее допустить, то надо признать обратное, а именно превращеніе собственнаго имени *serbli* въ нарицательное *servi*: но тогда пришлось бы допустить, что

римляне сталкивались съ славянами и особенно съ сербами съ древнѣйшихъ временъ чуть ли не до основанія Рима. О границахъ между Сербіей и Хорватіей Константинъ Багрянородный говоритъ, что на юговостокѣ Сербія граничила съ разными странами, а на сѣверѣ— съ Хорватіей. Этимъ воспользовался извѣстный Шафарикъ, стараясь доказать принадлежность Босніи сербамъ. Такъ какъ Боснія или Босна находится между Врбасомъ и Дриной, то Хорватія, по Шафарику, находится между Дунаемъ, Савою и Дравою. Но ученый авторъ забылъ, что Хорватія, о которой пишетъ Константинъ Багрянородный, въ данномъ случаѣ есть далматинская, а не иллирійская или паннонская Хорватія. Впрочемъ, вотъ подлинныя слова Константина:

„*Diocleae montana Serviae finitima sunt. Terbuniae principatus versus montana Serviae adjacet; Zachlumorum principatus montana, quae ad septentrionem Chrobatia, quae in fronte, Serviae contermina sunt. Servia autem in fronte habet caeteros omnes regiones; ad septentrionem quandem Chrobatiae propinqua est.*“. Что здѣсь идетъ рѣчь о далматинской Хорватіи видно изъ слѣд. словъ: „*Chrobatia versus Tzentzena et Chlebena Serviae regionem attingit*“. Извѣстно, что жупаніи, называемыя здѣсь Hlebena и Tzentzena, находились въ нынѣшней Герцеговинѣ и къ югу отъ нихъ была Плѣвская жупанія. Стало бытъ Сербія была къ югу отъ далматинской Хорватіи, т. е. эта послѣдняя къ сѣверу отъ Сербіи, что и требовалось доказать. Что касается Герцеговины или жупаній Hlebena, Tzentzena и Imota (по Конст. Багр.) онѣ къ югу граничили съ Сербіей и съ рѣками Varenta и Buna. Наконецъ о Захлумьи или Захолмьи Констант. говоритъ, что оно на сѣверѣ соприкасается съ хорватами. Здѣсь жили хорваты язычники, которые мало-по-малу принимали христіанство и населили Дубровникъ (Рагузу). Такимъ образомъ ясно, что въ началѣ хорватской исторіи хорваты господствовали

отъ Албаніи до норическихъ Альпъ, отъ Дуная и Дрины до Адриатическаго моря.

Сообразно съ этимъ распространеніемъ хорватской народности, былъ распространень и *хорватскій языкъ*. Доказательство этого положенія особенно важно по той причинѣ, что предпочтеніе, оказываемое многими писателями сербамъ (за ихъ православіе) и словенцамъ (за ихъ имя, тождественное съ общимъ именемъ славянъ), совершенно затемнило этотъ вопросъ и безъ того запутанный разными „иллирскими“, „югославянскими“ и т. п. теоріями. Вся путаница какъ у хорватскихъ, такъ и у иныхъ писателей происходитъ отъ предвзятыхъ теорій. Вотъ что говоритъ, напр., писатель сравнительно безпристрастный, основываясь на авторитетахъ Ягича и Даничича: „Имя хорватовъ въ старину распространялось очень далеко... но въ тѣсномъ смыслѣ это имя принадлежитъ только одной вѣтви западнаго сербскаго (sic) племени,—собственнымъ хорватамъ, занимающимъ особенно такъ называемую провинціальную Хорватію (Кроацію)“. (Пыпинъ, I, 197).

Достаточно прочесть нашу лѣтопись (не говоря уже о Конст. Багр.), чтобы убѣдиться, что назвать хорватовъ вѣтвью зап. сербскаго племени такъ же неосновательно, какъ сказать, напр., что „чехи были вѣтвью зап. лужицко-сербскаго племени“. Какова бы ни была „топографическая и филологическая близость“ сербовъ и хорватовъ (вѣдь и между поляками и чехами въ VII вѣкѣ близость была гораздо значительнѣе, чѣмъ теперь), мы видѣли, что наша лѣтопись отличаетъ «серебъ» отъ «хорватовъ» такъ же ясно, какъ и чеховъ отъ поляковъ. Скажутъ на это, что отличаетъ же лѣтопись и чеховъ отъ мораванъ, нынѣ составляющихъ почти одинъ народъ. Такое возраженіе есть лишь слѣдствіе предразсудка, заставляющаго ученыхъ искать въ прошломъ непременно единства, а въ настоящемъ разнообразія, тогда какъ весьма часто случается, что народности первоначально различныя и даже

враждебныя сливаются въ послѣдствіи въ одну націю (бургундцы, бретонцы, провансальцы и проч.—теперь французы). Точно также сербо-хорватское единство, котораго искали въ прошломъ, есть лишь дѣло будущаго. Пока достигнуто лишь *литературное* единство, такъ что литературный языкъ хорватовъ приняли съ Доситея и сербы: но для объединенія національнаго требуется еще весьма и весьма многое—и прежде всего уничтоженіе предразсудковъ какъ съ хорватской, такъ и съ сербской стороны и безпристрастное отношеніе какъ къ сербамъ, такъ и къ хорватамъ, представителей другихъ славянскихъ народностей.

Можно ли, напр., отдѣлять исторію „хорватской литературы въ собственномъ смыслѣ“ отъ исторіи литературы „далматинской?“ По нашему мнѣнію, для такого раздѣленія нѣтъ серьезныхъ основаній и дѣлая его, мы лишь намѣренно съузили бы значеніе хорватскаго языка и литературы. А между тѣмъ такое подраздѣленіе совершается сплошь и рядомъ...

Древнѣйшіе письменные памятники хорватской литературы написаны народнымъ языкомъ. Въ церковной письменности, конечно, господствуетъ не чистый хорватскій языкъ, а такъ наз. церк.-славянскій „хорватскаго извода“. Трудность филологическихъ изысканій въ этомъ случаѣ особенно велика по той причинѣ, что слависты до сихъ поръ не рѣшили вопроса, что такое, собственно, церковно-славянскій языкъ? Какъ извѣстно, по этому вопросу существуютъ весьма различныя мнѣнія. Одни считаютъ этотъ языкъ древне-болгарскимъ, другіе—древнимъ словенскимъ (хорутанскимъ)—что, впрочемъ, весьма сомнительно — третьи признаютъ его „искусственнымъ“ языкомъ, которымъ говорили въ то время славяне, жившіе въ городахъ византійской имперіи; четвертые—языкомъ Великой Моравіи, гдѣ, главнымъ образомъ, дѣйствовали Кирилль и Меѳодій. Рассматривая религіозный вопросъ у хорватовъ, мы еще возвратимся къ связанному съ этимъ вопросомъ спору о хор-

ватской письменности. Пока можно сказать утвердительно одно, что въ IX—X вѣкѣ славянскіе языки вообще были довольно близки между собою, а стало быть и къ тому языку, на который было переведено священное писаніе. Этимъ объясняется, почему церковный языкъ такъ легко усваивался и, съ небольшими мѣстными измѣненіями, прививался къ литературѣ всѣхъ славянскихъ народностей.

Древнѣйшіе извѣстные до сихъ поръ хорватскіе памятники относятся къ X—XI вѣку. Изъ нихъ особенно знаменита рукопись, извѣстная подъ именемъ *Glagolita Clozianus*. Содержитъ она всего 14 листовъ, писанныхъ *глаголицей*. Въ латинской записи, сдѣланной позднѣе въ XV вѣкѣ, сказано: „Листы, которые находятся въ связкѣ, написалъ мудрѣйшій учитель церкви Божіей, св. Іеронимъ, собственноручно“. Рукопись эта, по смерти Брейзахера, которому она досталась отъ священника Луки Рейнальдуса (а этому послѣднему отъ Ивана Франкопана, господаря Кркскаго острова), попала къ графу Шнурфу, который въ свою очередь приписалъ по нѣмецки: „Dises puech hat sanct Ieronimuss mit aigner hant geschriben in Crabatischer Sprach“; въ латинской записи также сказано, что эта книга есть „часть Священнаго Писанія на хорватскомъ языкѣ“.

Въ 1860 г. извѣстный ученый Чрничъ нашелъ двѣ глагольскія рукописи, одну начала XII вѣка, другую начала XIII вѣка, въ которыхъ прямо сказано, что языкъ, которымъ онѣ писаны—хорватскій (*hrvaški*). Эти памятники замѣчательны въ томъ отношеніи, что языкъ, которымъ они писаны, есть, несомнѣнно, близкій къ народному, весьма существенно отличающійся отъ языка, на которомъ писали Кириллъ и Меѳодій. Кромѣ выраженія „хорватскій языкъ“ мы встрѣчаемъ и выраженіе „хорватское письмо“, примѣняемое, по большей части, къ глаголицѣ и такъ называемой „босанской буквѣ“, иногда же и къ кириллицѣ. Впослѣдствіи часто такія

рукописи переписывались уже латинскими буквами: такъ, напр., Дуклянская лѣтопись не сохранилась въ первоначальномъ видѣ.

Въ Ватиканской библіотекѣ въ Римѣ находится подъ № 7019 рукопись, содержащая лѣтопись на хорватскомъ языкѣ, но латинскими буквами. Въ концѣ этой рукописи сказано:

„Господинъ Дмине Папаличъ нашелъ эту рукопись въ Крайнѣ въ Марковичѣ въ одной старой книгѣ, написанной *хорватскимъ письмомъ*. Названный Дмина переписалъ ее буква въ букву, а я, Іеронимъ Калетичъ, приписалъ къ ней изъ упомянутыхъ книгъ въ 1546 году 7 октября, Богу хвала“. И такъ, эта „книга, писанная хорватскимъ письмомъ“, была найдена Дминой (Дуймой) Папаличемъ въ с. Марковичъ въ „Крайнѣ“, подъ которою здѣсь подразумѣвается горная Далмат. Хорватія, въ предѣлахъ старой Дуклы и Зеты, т. е. въ нынѣшнемъ княжествѣ Черногоріи. Эту хорватскую лѣтопись, по просьбѣ Папалича, перевелъ по латыни Марко Маруличъ въ 1510 году и изъ его предисловія видно, что Папаличъ переписалъ книгу съ рукописи, писанной либо глаголицей, либо босанской буквицей. Къ сожалѣнію, рукопись Папалича, а тѣмъ болѣе та, съ которой онъ списывалъ, утрачены. Ягичъ утверждаетъ, что первоначальная рукопись была не старѣе XIII вѣка, основываясь на томъ, что въ ней написано, напримѣръ, *рук, парупі* (полкъ, наполни), тогда какъ въ болѣе древнія времена писалось *rlk, parlpi*, точно также *uśinjo* вмѣсто *vśinil* (вчинилъ, учинилъ), *pjoj* вмѣсто *pjej* или *jej*. Однако, эти замѣчанія едва ли убѣдительны. По крайней мѣрѣ относительно Дуклянской лѣтописи, которая весьма сходила съ предъидущею (называемою хорватской хроникой) и сохранившейся въ хорватскомъ текстѣ, гдѣ и встрѣчаются упомянутыя Ягичемъ фонетическія особенности, едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что она относится не къ XIII, а къ XII вѣку и что

многое въ ней взято (а можетъ быть и буквально переписано) изъ еще болѣе древнихъ рукописей. Такъ, Дуклянская лѣтопись ссылается на какую-то рукопись, въ которой описано житіе Владиміра, сохранившееся теперь лишь въ греческомъ текстѣ. До смерти Чеслава (т. е. до 935 г.) хорватская хроника совершенно тождественна съ дуклянскою и несомнѣнно, что Папаличъ и Дуклянскій попъ черпали изъ одного и того же стариннаго источника. Для сужденія о языкѣ того времени приводимъ слѣдующій отрывокъ изъ Дуклянской хроники, касающійся перевода евангелія Константиномъ съ греческаго на „хорватскій“ языкъ: I tada biše para Stèpan, i posla listove ka sv. mužu Kostancu, zovući ga k sebi, jere slišao biše, kako pripoviedaše viru Jsusovu i da biše tolik puk obratio na viru Jsusovu i zato ga viditi želiše. I tako sveti muž Kostanc naredi popove... i hrvacki iztumači evangelija i sve epištule crkvene“. Т. е.: И тогда былъ папа Стефанъ, и послалъ листы (письмо) къ св. мужу Константину, зовучи (зовя) его къ себѣ, ибо слышалъ (было) какъ проповѣдывалъ (Конст.) вѣру Иисусову и что обратилъ столько полка (т. е. народа) на вѣру Иисусову и за то его видѣть желалъ. И такъ св. мужъ Константинъ нарядилъ поповъ... и изтолмачилъ (перевелъ) изъ греческаго по хорватски евангелія и всѣ церковныя посланія“.

Я съ цѣлью, при переводѣ, употребилъ выраженія, выясняющія близость стариннаго хорватскаго языка къ русскому. Этотъ старинный языкъ впрочемъ, почти тотъ же какимъ хорватскій народъ и теперь говоритъ.

Если вопросъ о происхожденіи хорватской литературы и письменности *затемненъ лишь благодаря тенденціозности большинства писавшихъ объ этомъ*, то относительно *сербовъ*, дѣйствительно, слѣдуетъ сказать, что начальная исторія ихъ литературы покрыта мракомъ. Причина, однако, здѣсь ясна: она состоитъ въ томъ, что даже въ XI—XV вѣкѣ сербская культура была

еще на весьма низкой ступени развитія и сербамъ постоянно приписывали то, что было сдѣлано хорватами.

Удивительно, какое понятіе имѣютъ кромѣ русскихъ „славистовъ“ и нѣкоторые русскіе „спеціалисты“ объ литературѣ хорватовъ. Такъ видимъ у Зотова въ «*Исторіи всемірной литературы*», что единая хорватская литература раздѣлена: на иллирскую (sic!), далматскую, славонскую, югославянскую, сербскую и хорватскую. Сколько отдѣльныхъ литературъ имѣла бы тогда Россія? Это все равно, какъ если бы кто нибудь сказалъ: кіевская, новгородская, казанская и т. д. литература. Литературу же „иллирскую“ можно сравнить развѣ съ скиѣской.

Впрочемъ въ этомъ случаѣ русскіе профессора и компиляторы виновны лишь въ томъ, что бессмысленно преклоняются передъ авторитетомъ членовъ юго-славянской академіи и Шафарика, написавшаго книгу подъ удивительнымъ заглавіемъ: „Исторія югославянской литературы“, второй томъ которой носить не менѣе изумительное названіе: „Исторіи иллирской (!) и хорватской литературы“.

О какихъ иллирахъ говоритъ здѣсь Шафарикъ? Можно было бы думать, что рѣчь идетъ о Гаѣ и другихъ инициаторахъ такъ называемаго иллирскаго возрожденія. Въ этомъ былъ бы еще какой нибудь смыслъ. Но что сказать о глубокомыслии чешскаго ученаго, который считаетъ „иллирскою“ старинную литературу далматинскихъ хорватовъ, которые при всякомъ удобномъ случаѣ говорятъ о себѣ, что они хорваты, а объ иллирахъ знаютъ не болѣе, какъ наши писатели XVIII вѣка, о скиѣхахъ, или польскіе о сарматахъ. Чтобы не быть голословнымъ, ограничусь слѣдующимъ сопоставленіемъ: у Шафарика (*Geschichte der südslavischen Literatur*. S. 162), находимъ Марка Марулича (1452 — 1507), перваго известнаго хорватскаго поэта, въ числѣ „иллировъ“. Между тѣмъ эпическое произведеніе Марулича „Юдиѣ“ (*Judita*), имѣетъ полное заглавіе, прямо гласящее, что оно сложено „хорватскими виршами“ (*u versih hrvacki složena*).

То же можно сказать и о прочих „иллирахъ“ Шафарика, каковы: Видали, Златаричъ, Луцичъ, Хекторовичъ, Марнавичъ. Минчетичъ, Бруеревичъ, Качичъ и проч.

Извѣстное основаніе имѣеть, теорія, развиваемая нѣкоторыми писателями, въ силу которой южные сербы, будто бы, говорили тѣмъ самымъ нарѣчіемъ, которое сохранилось до сихъ поръ у такъ наз. лужицкихъ сербовъ, и усвоили на югѣ *хорватскій* языкъ. Какъ извѣстно, большинство славистовъ полагаютъ, что такъ-называемые сербы-лужичане не имѣютъ ничего общаго съ южными сербами. Если судить на основаніи языка, то лужицкіе сербы, дѣйствительно, имѣютъ съ южными сербами гораздо менѣе общаго, чѣмъ, напримѣръ, съ чехами или поляками, и лужицкое нарѣчіе прямо причисляется къ западно-славянскимъ. Нельзя, однако, отрицать нѣкотораго реальнаго отношенія между сербами лужицкими и собственно сербами. Совпаденіе названій не имѣло бы особаго значенія, если бы не было и другихъ аргументовъ въ пользу общаго происхожденія сѣверныхъ и южныхъ сербовъ. Главнымъ аргументомъ въ пользу такой теоріи является исторія первыхъ сербскихъ поселеній на югѣ, гдѣ они появились (въ VII вѣкѣ) нѣсколькими годами позднѣе хорватовъ. Константинъ Багрянородный пишетъ объ этомъ слѣдующее: „Сербы некрещенные, которые зовутся и бѣлыми, и которые находятся въ краѣ, названномъ, по ихъ имени, Бойскимъ, граничащимъ съ землею Франкской (саксонской), а также и съ некрещенной Великой Хорватіей, которая также зовется Бѣлою, пришли къ царю Ираклію съ просьбою позволить имъ поселиться въ Греческомъ царствѣ. Онъ имъ дозволилъ и въ 636 г. поселилъ въ Солунской окраинѣ (Θεσσαλονικῆς), которая съ того времени прозвалась Сербіей“. Константинъ Багрянородный во многихъ мѣстахъ упоминаетъ о „Великой Хорватіи“, но нигдѣ у него нѣтъ „Великой Сербіи“.

Важнѣе всего показаніе Константина, что южные

сербы не пришли, какъ хорваты, изъ Бѣлохорватіи, а изъ края именуемаго Бойскимъ, такъ какъ край этотъ захватываетъ тѣ мѣстности, гдѣ живутъ теперь сербы лужицкіе.

Этотъ фактъ показываетъ, что южные и лужицкіе сербы, дѣйствительно, были, по всей вѣроятности, отраслями одного и того же сербскаго племени и что языкъ южныхъ сербовъ только въ послѣдствіи потерпѣлъ значительныя измѣненія подѣ вліяніемъ хорватовъ и славянъ, въ послѣдствіи получившихъ имя болгаръ. Окончательное рѣшеніе этого вопроса станетъ возможнымъ лишь, когда выяснится, темная въ настоящее время, древнѣйшая исторія лужицкихъ сербовъ.

Вопросъ объ отношеніи (южныхъ) сербовъ къ сербамъ-лужичанамъ, вообще, требуетъ еще основательныхъ изслѣдованій. Какихъ, на примѣръ, сербовъ разумѣетъ наша лѣтопись подѣ словомъ *серебъ*, напоминающимъ названіе *sorabi*, *sorobi*, подѣ которымъ знали лужичанъ еще средневѣковые писатели VIII—IX вѣковъ.

Хорватская литература во всякомъ случаѣ имѣла огромное вліяніе на развитіе и даже на возникновеніе сербской литературы и при первыхъ Неманичахъ и, позднѣе ни о какой особой сербской литературѣ, независимой отъ хорватской и отъ церковно-славянской письменности, не можетъ быть и рѣчи.

Вотъ что говоритъ Морозовъ (См. Корша—„Истор. Литерат.“ 728—731 Спб. 1885) о литературѣ сербовъ:

„Въ древне-сербской литературѣ, собственно говоря, нѣтъ оригинальныхъ произведеній, потому что не было никакихъ оригинальныхъ идей. Вся оригинальность мышленія, уже въ самомъ началѣ, заглушена дряхлымъ направленіемъ византійской жизни.

Нигдѣ не видно, чтобы писавшій обсуждалъ смыслъ извѣстнаго факта или значеніе историческаго лица; нигдѣ не говорится о положеніи народа...

Что касается лѣтописей, то онѣ являются у сербовъ—въ видѣ передѣлки греческихъ хронографовъ — очень поздно—послѣ паденія сербскаго царства...

Сербскія лѣтописи состояли всегда изъ двухъ частей: одна заключала въ себѣ общую лѣтопись отъ сотворенія міра, заимствованную изъ хронографовъ; другая — рассказъ о событіяхъ сербской исторіи. Ни тотъ, ни другой отдѣлъ не имѣетъ никакихъ достоинствъ, ни литературныхъ, ни историческихъ; какъ и житія, сербскія лѣтописи носятъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ византійскаго монашескаго риторства; онѣ гораздо бѣднѣе историческими данными, нежели напыщенными похвалами благочестію и набожности „святыхъ“ правителей сербскаго народа, которымъ святость не мѣшала, однакоже, совершать дѣянія, достойныя византійскихъ императоровъ послѣднихъ вѣковъ имперіи. „Эти сказанія—говоритъ Гильфердингъ—могутъ послужить свидѣтельствомъ, какъ мало было въ древнихъ сербахъ способности къ историческому пониманію и представленію. Величайшее, самое поразительное и памятное событіе въ жизни ихъ народа (Косовская битва) не въ силахъ было внушить имъ здравую, фактическую рѣчь; оно расплывалось подъ ихъ перомъ въ какой-то жидкой, безсмысленной фразеологіи, которая не имѣетъ ничего подобнаго даже въ сочиненіяхъ византійскихъ историковъ. Таковъ дѣйствительно характеръ всей старинной сербской словесности; въ ней нѣтъ ни опредѣленнаго образа какого бы ни было лица или событія, ни живого простого слова. Все изысканія, мудреныя фразы, все—общія мѣста; даже названій лицъ и мѣстъ обыкновенно избѣгали сербскіе писатели, старавшіеся, по возможности, замѣнять ихъ неопредѣленными и общими словами. Другая характеристичная черта этихъ сказаній есть безобразная, лицемерная лесть. Она убивала въ древнихъ сербскихъ писателяхъ не только свободу сужденій, но даже *всякое нравственное чувство*“. Условная набожность доходила

до настоящего фарисейства; о народѣ же не было ни помину“...

„Центромъ просвѣщенія и литературы, совершенно несходныхъ съ прежними, дѣлается Далматинское приморье и Дубровницкая вольная община, гдѣ среди сербовъ (?) католиковъ начинается новое движеніе, давшее пышный цвѣтъ въ XVI вѣкѣ“.

Брозъ въ своихъ „Crtice iz hrvatske književnosti“ Sv. 2. VII) пишетъ: „Въ нашей старинной литературѣ хорватскій языкъ зовется или областнымъ именемъ (далматинскій, босанскій, дубровачскій и т. д.) или народнымъ (хорватскій, сербскій) или ученымъ (илирскій, словинскій). Дубровачскіе (дубровницкіе) писатели и другіе, пиша по хорватски, когда говорятъ о разговорномъ языкѣ въ Дубровникѣ и зовутъ его *народнымъ* языкомъ, то всегда называютъ его только хорватскимъ (*не сербскимъ*)“. Въ другомъ мѣстѣ самъ Брозъ, говоритъ: „Во всей хорватской литературѣ, насколько она развивалась въ Далмаціи и въ Дубровникѣ, нѣтъ ни малѣйшаго слѣда того, чтобы народный языкъ назывался сербскимъ и, это послѣднее названіе было для далматинцевъ или дубровчанъ удивительнымъ, такъ какъ имъ сербское имя также чуждое какъ напр. македонское или греческое“.

Я предвижу, что эти взгляды встрѣтятъ рѣзкій отпоръ со стороны фанатиковъ пансербизма, въ родѣ сербскаго проф. Вречьковича и нашего сербофила Майкова. Но я вовсе не желаю умалять истинныхъ заслугъ сербскаго народа. Если хорваты превзошли сербовъ на поприщѣ культуры, то, съ другой стороны, сербы, болѣе хорватовъ, обнаружили способность къ сильной и прочной государственности, хотя и потерпѣвшей удары, но не вполне уничтоженной даже турецкимъ игомъ. Сербы отличались также умѣніемъ отстаивать полную церковную самостоятельность, чего нельзя сказать о хорватахъ. Мы увидимъ, впрочемъ, что и хорваты вели отчаянную, иногда вполне успѣшную, борьбу съ лати-

низаторскимъ вліяніемъ Рима, котораго сербы избѣжали по своему географическому положенію. *Suum cuique*. И если на долю хорватовъ выпадаетъ первый разцвѣтъ литературы, имѣвшей огромное значеніе и для сербовъ, то сербы могутъ смѣло гордиться четырехвѣковымъ существованіемъ печьскаго (ипекскаго) сербскаго патріархата и „Законникомъ“ Душана, о которомъ пишетъ Калайдовичъ: „Въ законѣ и уставѣ сербскаго царя Стефана, въ половинѣ XIV вѣка, изданнаго Раичемъ уже болѣе замѣтно уклоненіе отъ языка словенскаго. И неудивительно. Писецъ Θεодоръ въ своихъ выраженіяхъ сообразовался съ книжнымъ словомъ церковнымъ, а въ законахъ употреблено простое разговорное нарѣчіе сербовъ“.

Даже пресловутый сербскій историкъ Стречковичъ пишетъ: „Мы не взяли за основу нашего книжнаго языка нашъ литературный средневѣковый языкъ, какъ справедливо указывали намъ русскіе — Майковъ и Ястребовъ... но приняли нарѣчіе, на которомъ говорятъ люди такъ сказать, не входившіе въ органическій составъ сербскаго королевства и царства. Это книжное нарѣчіе Вукъ (Караджичъ) назвалъ южнымъ, тогда какъ, оно въ сущности, западное“... Другими словами, западное нарѣчіе есть то, которымъ говорятъ хорваты Славоніи, Далмаціи, Босніи, Герцеговины и бывшей хорватской военной границы.

Это свидѣтельствуется кромѣ многихъ и въ Венеціи напечатанная 1704 г. кириллицею книжка Ивана Филиповича, (уроженца Синя въ Далматіи), который пишетъ: „Свагда намъ было име Ісусово у помочь... и свети Еролимъ, свети Юраі мученикъ, св. Ілія, наше земље протектури, Босне, Ерцеговине, Харвата и свега славнога словинскога народа и ѣзика *харватскога*“...

Видали, дубровн. поэтъ XVI в. пишетъ посланіе поэту тоже Дубровчану, Николаю Налешковичу:

«Niko, hervatskoga diko i slavo jezika,...
Dubrovnik grad divan, ter slavan zadosti....
Svuda ga jes(t) puna slava, svud on slove
Hervatskieh ter kruna gradovâ svih zove.

Австрійскій Панславизмъ, Илиризмъ, Югославизмъ, Тріединое королевство, славосербы.

«Къ сожалѣнію, слишкомъ часто, ученому приходится убѣждаться въ непрочности своихъ заключеній, когда сама основа непрочна, недостаточна фальшива».

А. Пыпинъ.

«Когда сѣверное царство (Россія) положило основаніе своего будущаго величія, тогда и Австрія удѣлила намъ отраву подъ названіемъ «народности». Мы, правда, любимъ нашу народность, и боимся тѣхъ, кто ее менѣе насъ любитъ. Но подъ маскою «народности» Австрія старалась и будетъ стараться о нашемъ общемъ несчастіи, если мы во-время не вступимъ на правый путь. Сами вѣнскіе врали выдумали всеславянскую (илирскую, югославянскую и проч.) народность, и какъ можно болѣе поддерживали и распространяли ее. Главныя цѣли Австріи при этомъ были:

1) Отклонить хорватовъ, чеховъ и поляковъ отъ ихъ народной исторіи и обмануть ихъ метафизическими измышленіями.

2) Переполошить Европу призракомъ всеславянства и такимъ образомъ добыть ея помощь и содѣйствіе всѣмъ австрійскимъ преступленіямъ.

3) Устрашить Россію призракомъ славянскихъ республикъ и побудить ее вести противуславянскую политику.

4) Преслѣдовать восточную церковь подъ предлогомъ, что она есть орудіе «всеславянства», и помогать ей на столько, на сколько отдѣльныя лица изъ этой церкви содѣйствуютъ тому, что задерживаетъ просвѣщеніе и прогрессъ у хорватовъ *).

5) Препятствовать прогрессу мадьярскаго народа будто за то, что онъ врагъ хорватовъ, и въ то же время задерживалъ прогрессъ у хорватовъ, будто за ихъ панславизмъ.»

(Изъ меморандума жупанійскаго собранія въ г. Рѣкѣ 1861 г.).

Въ 1867 году русскій изслѣдователь В. Макушевъ писалъ въ своей извѣстной книгѣ: „Задунайскіе и адриатическіе славяне“ о сербахъ: „Границы сербскаго пле-

*) Напр. въ послѣднее время Германъ Анджеличъ!

мени, заселяющаго сплошною массою Сербію, Боснію, турецкую Кроацію, Герцеговину и Черногорію, доходятъ на югѣ до р. Бояны въ Албаніи“ (стр. 3).

„Южные славяне въ Австріи раздроблены на нѣсколько племенъ, а именно: 1.400,000 сербовъ въ Венгріи, Славоніи, Восточной границѣ и Далмаціи; 1.300,000 хорватовъ въ Хорваціи (Кроаціи), Военной границѣ, Крайнѣ, Истріи и Приморьѣ и въ Венгріи... Изъ четырехъ милліоновъ югославянъ, турецкіе сербы и болгары могутъ рассчитывать на безкорыстную поддержку только одного милліона православныхъ сербовъ, наиболѣе подвергшихся разлагающему славянскій бытъ вліянію Австріи. Что же касается до остальныхъ трехъ милліоновъ католиковъ, то православнымъ сербамъ и болгарамъ Турціи слѣдуетъ болѣе остерегаться ихъ, чѣмъ надѣяться на нихъ, такъ какъ они дѣйствуютъ въ видахъ австрійскаго правительства, издавна считающаго Боснію и Герцеговину своею добычею“.

Отъ такихъ взглядовъ на этнографію и политическія стремленія такъ называемыхъ „юго-славянъ“ католиковъ не далеко и до утвержденія Майкова, что хорватовъ „выдумала“ австрійская полиція! Превративъ значительную часть хорватовъ въ сербовъ, и не признавая, напр., существованія хорватовъ въ турецкой Хорватіи и Далмаціи, проводя неизгладимую черту между католиками и православными, писатели этого направленія могли бы и вовсе не говорить о „юго-славянствѣ“, представляющемъ, съ ихъ же точки зрѣнія, два враждебные лагеря.

Болѣе послѣдовательны представители собственно югославянскихъ теорій, являющихся подъ весьма различными вывѣсками, принимающихъ названіе то иллиризма, то югославизма, то „примиренія“ между сербами и хорватами.

Объ этихъ теоріяхъ мы теперь и скажемъ нѣсколько словъ.

Если даже допустить, что сербы и хорваты состав-

ляли прежде всего одинъ народъ (хотя съ самаго начала ихъ исторіи мы знаемъ ихъ какъ два народа), то воссоединеніе этихъ двухъ разрозненныхъ теперь вѣтвей славянскаго племени возможно лишь на почвѣ культурной взаимности и обоюднаго признанія правъ, добытыхъ тѣмъ и другимъ народомъ въ теченіе ихъ историческаго существованія. Ясно, что это не достигается тѣмъ, что хорваты или же сербы откажутся отъ своей народности, утопивъ ее въ фикціи „югославянства“. Единство хорватовъ и сербовъ есть дѣло будущаго и ставя его какъ идеаль, никакъ нельзя ради этого идеала жертвовать задачами настоящаго. Я уже не говорю о томъ, что „югославизмъ“ и родственныя ему теоріи рѣдко бывали искренними, являясь, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, лишь орудіемъ, которымъ пользовалась Австрія въ борьбѣ противъ хорватской національной идеи.

За исключеніемъ нѣсколькихъ работъ по исторіи литературы и, главнымъ образомъ, сочиненія А. Пыпина (Ист. Слав. Лит., т. I), въ Россіи ровно ничего не писалось о юго-славизмѣ. Большая часть нашихъ авторовъ довольствовались лишь славянофильскимъ воззрѣніемъ, удѣляющимъ сербамъ львиную долю на счетъ хорватовъ.

„Югославизмъ“ во многомъ родственъ славянофильству, но имѣетъ при этомъ чисто австрійскій отпечатокъ, хотя, на словахъ, часто ратуетъ противъ Австріи. По справедливому замѣчанію А. Пыпина, исторія этого австрійскаго панславизма еще не написана, но и самъ Пыпинъ, находясь подъ явнымъ вліяніемъ Яича, Рачкаго и пр., едва ли всегда правильно судитъ объ «иллирствѣ» и «югославизмѣ». Изрѣдка онъ отмѣчаетъ, напр., факты чисто личнаго характера, напр. замѣчаетъ, что первый начинатель иллирскаго возрожденія Людевитъ Гай (1809—1872) не безъ основанія пользовался „сомнительной репутаціей агента Меттерниха“ (стр. 242, сравн. 240). Въ 1843 году „иллиры“ превратились въ юго-славянъ, что А. Пыпинъ объясняетъ слѣдующимъ

образомъ: „Имя Иллировъ, чисто книжное, не имѣвшее корня въ народныхъ понятіяхъ, было оставлено, впрочемъ, потому только, что просто было запрещено австрійскимъ правительствомъ“.

Нельзя отрицать чисто литературныхъ и научныхъ заслугъ многихъ изъ дѣятелей, примкнувшихъ къ этому илирско-славянскому направленію. Такіе писатели, поэты и ученые какъ П. Штось, Деркосъ, Гай, Раковецъ, Бабукичъ, Вразъ, Анте Мажураничъ, (нельзя смѣшивать съ австрійцемъ Иваномъ Мажураничемъ), Нѣмчичъ, Смодекъ, Драшкевичъ и пр. не пройдутъ безслѣдными въ исторіи хорватской литературы. Знаменитое стихотвореніе Гая (1833), напоминающее извѣстную польскую революціонную пѣсню своими начальными строками:

Još Hrvatska nij' propala...

призывавшее всѣхъ „иллировъ“ къ соединенію въ одно коло (хороводъ), въ которомъ указаны народности, жившія въ предѣлахъ стараго Хорватскаго королевства, можетъ служить гимномъ даже для хорватскихъ патріотовъ принадлежащихъ къ „партіи права“. Не раздѣляя мнѣнія, ставящаго Ив. Мажуранича выше всѣхъ „югославянскихъ“, или, правильнѣе, хорватскихъ поэтовъ, все же нельзя отрицать его таланта, во многомъ, впрочемъ, подражательнаго: его главнымъ образцомъ былъ старый дубровницкій поэтъ Гундуличъ. Не смотря на все это, слѣдуетъ признать, что роль „иллирства“ и „югославизма“, какъ политическаго фактора, была скорѣе вредною, чѣмъ полезною. Пусть не говорятъ, что иллирство заслуживаетъ признанія потому, что подготовило дѣятельность Телачича. О самомъ Телачичѣ у насъ судятъ совершенно неправильно. Его борьба противъ мадьяръ велась не подъ хорватскимъ, а подъ австрійскимъ знаменемъ и цѣль ея была спасти Австрію. Телачичъ подготовилъ лишь усиленіе австрійскаго гнета, не отвративъ, въ близкомъ будущемъ, гнета мадьярскаго. Какъ судилъ хорватскій народъ объ Телачичѣ, доказываетъ посмѣшна пословица: „*Боже помилуй Тела-*

чица бана, который принесъ намъ гербовые сборы, соль (т. е. соляной налогъ) и варенный табакъ“ (т. е. другіе налоги).

Крупнѣйшимъ дѣятелемъ въ области „юго-славизма“ въ послѣднее время является извѣстный епископъ Штроссмайеръ, тонкій политикъ, умѣвшій пустить пыль въ глаза многимъ славянофиламъ и прослывшій заклятымъ врагомъ мадьяръ и великимъ „славянскимъ“ патриотомъ. Подозрительными казались инымъ славянофиламъ лишь его уніатскія стремленія, въ которыхъ усматривали новую попытку подчинить православный міръ папскому престолу. Писатели не славянофильскаго направленія, какъ, напр., Пыпинъ, отзываются о Штроссмайерѣ съ безусловной похвалой, превознося его меценатство и „хорватскій“ патриотизмъ и, наконецъ, г-жа Аданъ открыла страницы своего журнала одному изъ ревностныхъ панегиристовъ Штроссмайера. Все это побуждаетъ насъ выставить дѣятельность Штроссмайера въ ея истинномъ свѣтѣ (Ср. газету „День“, № 676).

Онъ тонкій дипломатъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ловкій оппортунистъ. Гдѣ слѣдуетъ, онъ является настоящимъ славянофиломъ, посылаетъ телеграмму на кіевское торжество 900-лѣтія крещенія Руси и даже терпитъ гоненіе отъ императора Франца-Іосифа, котораго (какъ и слѣдовало ожидать) потомъ называетъ любимымъ монархомъ. Искусно подогрѣвая національное соперничество хорватовъ съ мадьярами, и поощряя изъ своихъ обширныхъ денежныхъ средствъ различныя научныя предпріятія, Штроссмайеръ заслужилъ славу мецената и патриота.

Любопытною чертою всей дѣятельности Штроссмайера является, однако, его желаніе во чтобы то ни стало добиться церковнаго единенія между Востокомъ и Западомъ, при чемъ восточные взгляды на организацію церкви, согласно плану Штроссмайера, должны подчиниться западнымъ. Однимъ словомъ, Штроссмайеръ является

ярымъ борцомъ въ пользу той самой пресловутой *unii*, которую наши славянофилы справедливо считаютъ однимъ изъ величайшихъ бѣдствій, когда либо тяготѣвшихъ надъ русскими землями, и которая между прочимъ была однимъ изъ главныхъ поводовъ упорной борьбы между Русью и Польшей.

Мы начали съ общихъ разсужденій, а теперь перейдемъ къ фактамъ.

Вотъ фактъ въ высшей степени любопытный и несомнѣнный уже потому, что засвидѣтельствованъ самимъ Штроссмайеромъ.

Нѣкій богословскій писатель Пирлингъ, написалъ книгу, озаглавленную: „Папство и царская власть“, въ которой трактуетъ, главнымъ образомъ, объ отношеніяхъ католицизма къ русской политикѣ. Епископъ Штроссмайеръ обратился къ автору этого сочиненія съ краснорѣчивымъ письмомъ, въ которомъ ставитъ слѣдующія курьезныя (чтобъ не сказать больше) положенія.

Въ Россіи, по мнѣнію Штроссмайера, все зло состоитъ въ подавленіи народа аристократіей (*sic*). Настанетъ время, когда это ярмо будетъ сброшено и тогда водворится истинная свобода. Въ чемъ будетъ состоять эта свобода? Въ освобожденіи церкви отъ власти государства. Церковь станетъ „автономною“ и „независимою“. Правящіе классы признаютъ, что порабощенная (*sic*) церковь не можетъ быть опорой государственнаго строя. Тогда присоединеніе восточной церкви къ западной станетъ лишь вопросомъ времени. Епископъ Штроссмайеръ даже указываетъ на средство произвести этотъ благодѣтельный переворотъ.

Для этого нужно немного: „Массовое обращеніе русскаго народа въ католицизмъ. Этому „полезному“ дѣлу епископъ будетъ содѣйствовать всѣми своими силами“...

Мы не принадлежимъ къ числу фанатическихъ противниковъ католицизма, пока онъ остается исповѣданіемъ,

заслуживающимъ уваженія какъ и всякія, хотя бы различныя съ нашими, религіозныя убѣжденія. Но католицизмъ воинствующій, католицизмъ, полный самомнѣнія и мечтающій покорить себѣ весь міръ, всегда былъ и будетъ намъ противенъ.

Пожелаемъ почтенному епископу поменьше гордости и самонадѣянности. Многое можно дѣлать путемъ тонкой политики, но подчинить папѣ русскій народъ нельзя.

Въ 1861 и 1866 году Штроссмайеръ и Мажураничъ дѣйствовали, повидимому, какъ враги, но въ дѣйствительности какъ друзья. Оба дѣйствовали предательски противъ народа и государственнаго права королевства Хорватіи.

Меценатство Штроссмайера, обладающаго весьма крупными матеріальными средствами и покровительствующаго основанной, при его содѣйствіи, въ Загребѣ, Югославянской Академіи, имѣло главной цѣлью (не считая цѣлей чисто личныхъ, которыхъ мы не касаемся) проведение тенденцій юго-славянской теоріи, составляющей, какъ сказано, продолженіе прежняго иллиризма. Но конечный результатъ иллиризма есть уничтоженіе самаго хорватскаго имени и замѣна его панславизмомъ въ австрійскомъ вкусѣ. Не говоря уже объ этихъ тенденціяхъ, трудно признать, чтобы одна денежная щедрость Штроссмайера была достаточнымъ вознагражденіемъ за вредъ, нанесенный имъ хорватскому дѣлу всюду, даже въ Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ онъ, повидимому, пытался утвердить австрійское вліяніе посредствомъ хорватовъ какъ слѣпаго орудія.

Любопытныя данныя о Штроссмайерѣ приводитъ А. Старчевичъ въ своей брошюрѣ: (см. *Nek. Uspom.* стр. 35).

Двоедушіе политики Штроссмайера особенно обнаружилось въ эпоху патріотической дѣятельности Евгенія Кватерника, о которой мы уже говорили. „Мажураничъ и Штроссмайеръ—пишетъ Старчевичъ—носились съ Кватерникомъ, пока не узнали, что онъ не продастъ

Хорватіи“. Популярность Кватерника была такъ велика, что онъ безъ всякаго колебанія былъ принятъ членомъ хорватскаго сейма; и этого дѣятеля изгнали изъ отечества безъ малѣйшаго серьезнаго повода, ссылаясь на то, что онъ русскій подданный. „Блаженны—пишетъ Старчевичъ—времена старинныхъ нѣмцевъ, которые исторгали хорватскихъ дѣтей изъ материнскихъ утробъ, но все же не изгоняли хорватовъ изъ ихъ отечества“. Не менѣе двоедушно было поведеніе Штроссмайера по отношенію къ Гаулику (кардиналу въ Загребѣ), объясняемое тѣмъ, что Штроссмайеръ хотѣлъ сѣсть на его мѣсто.

Вражда Штроссмайера къ мадьярамъ имѣетъ источникомъ эпоху 1846—7 года, когда онъ напрасно стремился получить мѣсто профессора догматики въ венгерскомъ университетѣ въ Пештѣ. Это мѣсто получилъ нѣкто Хованый. Послѣ того Штроссмайеръ получилъ мѣсто императорскаго придворнаго капеллана въ Вѣнѣ. Въ тѣхъ поръ начинаются его дѣйствія, какъ орудія вѣнской камарилы противъ свободы хорватовъ и венгровъ. Заслуги его были вознаграждены епископатомъ въ Діаковѣ.

Штроссмайеръ и его сторонники болѣе всего хлопочутъ о насажденіи австрійскихъ и іезуитскихъ тенденцій. Пресловутое же примирительное отношеніе Штроссмайера къ восточной церкви объясняется его чисто уніатскими вожделѣніями, желаніемъ подчинить восточную церковь папской власти, при чемъ имѣются въ виду лишь нѣкоторыя несущественныя уступки, обусловленныя слабостью свѣтской власти папскаго престола и духомъ времени.

О гоненіяхъ, испытанныхъ въ послѣднее время Штроссмайеромъ изъ за его телеграммы по случаю торжества 900-лѣтія крещенія Руси и т. п., Старчевичъ не безъ основанія пишетъ: *on ima još samo jednu želju, i ta je: da postane mučenikom naroda, on koj je mučenikom hervatski narod učinio*“ (у него только одно желаніе: стать мучени-

комъ хорватскаго народа, того народа, который онъ самъ сдѣлалъ мученикомъ).

Г. епископъ не только духовный, но и государственный сановникъ.... Поэтому его юбилей имѣетъ двѣ стороны: политическую и церковную. Его политическія заслуги сводятся къ тому, что онъ ввергнулъ Хорватію въ ея современное положеніе, и покушался даже стереть съ лица земли имя хорватскаго народа. То что онъ сдѣлалъ, онъ старается всѣми средствами упрочить. А что касается заслугъ въ области церковной, онъ, дѣйствительно, помогаль сооруженію въ селѣ церкви, которая была бы прилична въ большомъ городѣ и которая остается по двѣ трети пустою. Несомнѣнно надо соорудить пристойную церковь, но на это можно было затратить меньшія средства, а остатокъ было бы хорошо употребить на поддержку сельскихъ священниковъ, на больныхъ лицъ духовнаго вѣдомства, на устройство больницъ и т. д. Онъ вмѣсто этого помогъ соорудить заведенія, въ которыхъ портится и бумага и юношество. (Намекъ на югославянскую академію и югосл. училища).

Г. епископъ выдаетъ себя за распространителя (католической) вѣры, онъ говоритъ, что старается соединить церкви западную и восточную, намѣренъ крестить магометанъ и, быть можетъ, не желаетъ отпустить съ миромъ даже буддистовъ. Положимъ, какъ духовникъ, онъ обязанъ законнымъ путемъ распространять свою вѣру. Но въ этомъ дѣлѣ, или правильнѣе, словоизверженіи, онъ дѣйствуетъ, какъ человѣкъ, у котораго домъ полонъ мусора, а онъ идетъ мести улицу. Въ дьяковачской епархіи есть много разныхъ вѣрованій и сектъ. Поэтому его преосвященство долженъ былъ бы постараться прежде всего привести ихъ въ лоно своей церкви. А въ теченіе 50 лѣтъ его церковной дѣятельности, онъ не только не сдѣлалъ этого, но при немъ расширились эти секты, а не его религія. „Назаренцы овладѣли бы

всею его епархіей, будь имъ дана полная свобода вѣры!!.

17 янв. 1871 года было засѣданіе австрійскихъ делегацій. Здѣсь заявилъ министръ Бейстъ, что онъ далъ австрійскому посланнику въ Римѣ инструкціи, чтобы этотъ посланникъ держался ихъ при бесѣдахъ съ епископами меньшинства, засѣдавшими на соборѣ въ Римѣ 1869 г.; чтобы эти епископы противились тѣмъ рѣшеніямъ, которыя Бейстъ желалъ устранить!!.

Это меньшинство неотклонило вѣнскія инструкціи. Поэтому это меньшинство епископовъ явилось не въ силу какихъ либо особыхъ убѣжденій и не развилось изъ самыхъ преній о дѣлѣ. Въ меньшинствѣ этомъ былъ и епископъ Штроссмайеръ. Оно, по просту, въ дѣлахъ вѣры, оставило въ сторонѣ и вѣру и церковь и дѣйствовало противъ нихъ, въ помощь австрійскому правительству. Это меньшинство могло даже кощунствовать, такъ какъ было безопасно, находясь подъ защитою австрійскихъ штыковъ. За то они и понесли заслуженное наказаніе. Бейстъ такъ хорошо понималъ низость епископовъ, бывшихъ въ меньшинствѣ, что презиралъ ихъ и не вытерпѣлъ, чтобы явно ихъ не осрамить. И такъ Штроссмайеръ, даже въ Римѣ на соборѣ, отзывался тѣмъ самымъ голосомъ, который былъ ему внушенъ изъ Вѣны. Поэтому неудивительно, что г. Штроссмайеръ дѣйствовалъ одинаково измѣннически и противъ вѣры и противъ отечества, которое даетъ ему многіе милліоны флориновъ“.

Изъ полемическихъ статей, въ которыхъ выражено отношеніе партіи права къ партіи Штроссмайера, весьма важное значеніе имѣютъ появлявшіяся въ журналѣ „Хорватска“ (Hervatska) въ 1869 году статьи подъ заглавіемъ „Sustav naših Slavoserbah“ (программа или, буквально, система нашихъ славосербовъ), принадлежащая перу Е. Кватерника.

Подъ „славосербами“ хорваты подразумѣваютъ ни-

какъ не „сербовъ“, но группу людей, представителями которыхъ въ Хорватіи являются Штроссмайеръ и бывшій канцлеръ въ Вѣнѣ по дѣламъ Хорватіи Мажураничъ. Какъ политическая партія, эта группа существуетъ подъ разными названіями (какъ напр. подъ предводительствомъ Ригера старочешская) и въ другихъ славянскихъ странахъ. Вотъ какъ опредѣляетъ авторъ названной статьи политическія убѣжденія хорватскихъ славосербовъ:

„Въ общеевропейской политикѣ эта партія отстаиваетъ такъ называемый панславизмъ (въ особенномъ, австрійскомъ смыслѣ этого слова); въ восточной политикѣ ратуетъ за такъ наз. юго-славизмъ. Это тотъ же панславизмъ въ миніатюрѣ“.

Яркимъ представителемъ „славо-сербскаго“ направленія явился покровительствуемый Штроссмайеромъ вѣнскій органъ „Розог“, въ которомъ сотрудничалъ извѣстный ученый Рачкій, предсѣдатель Юго-Славянской Академіи.

Коренное заблужденіе юго-славизма очевидно. Въ-мѣсто того, чтобы начать съ упроченія самостоятельности отдѣльныхъ славянскихъ народностей и съ возстановленія ихъ историческихъ правъ, эти панслависты или „славосербы“ начинали съ конца, т. е. намѣревались построить всеславянское или, по крайней мѣрѣ, юго-славянское зданіе, украшенное австрійскимъ флагомъ и освященное благословеніемъ іезуитовъ. Наоборотъ, разумныя и вытекавшія изъ всей предъидущей исторіи хорватовъ, требованія „хорватской партіи права“ признавались этими господами вредными мечтаніями, и говоря о нихъ, славосербы тотчасъ ссылаются на ущербъ, наносимый „великой и сильной Австріи“.

Такъ называемая славянская политика славосербовъ — говоритъ авторъ названныхъ статей — опирается будто бы на Россію, на самомъ же дѣлѣ есть *политика австро-германская*. Славизмъ это только маска, подъ которою славосербы, ради фразъ о славянствѣ, отреклись отъ

факта хорватства; отрекшись отъ хорватства, они въ концѣ концовъ не будутъ ни хорватами, ни славянами, а *рабами*, которымъ угрожаетъ полное „обезнароденъе“ (Sustav Slavoserb. 125). Что въ „руссофильствѣ“ славосербовъ есть задняя мысль, это Кватерникъ пытается доказать разными способами, но главнымъ образомъ опираясь на собственныя показанія славосербскихъ публицистовъ. Такъ (изъ № 464 газеты «Розогъ») онъ извлекаетъ страницы, доказывающія, что пресловутою „Югославіей“ хотятъ воспользоваться, *какъ орудіемъ противъ Россіи*. Въ одномъ мѣстѣ газета «Розогъ» прямо заявляетъ, что „Югославія“ должна быть „нейтральной территоріей вродѣ Швейцаріи“, долженствующей охранять западную Европу отъ русскаго нашествія! Гораздо логичнѣе поступала въ свое время (въ концѣ шестидесятыхъ годовъ) „партія права“, выступая противъ тогдашней русской политики, *какъ противъ* оплота *австро-германскихъ поползновеній* и указывая на Францію, къ которой хорватамъ поневолѣ пришлось обратиться, какъ единственной (въ то время) антинѣмецкой великой державѣ. О разныхъ превращеніяхъ, испытанныхъ „славосербской идеей“, авторъ выражается такъ: изъ „иллиро-славянства“ возникла *система Баха*, изъ югославянства система *Шмерлинга и Белькреди*, изъ „славяносербства“ и „панславизма“ — *дуализмъ*.

Несомнѣнно, что многое, написанное въ этомъ памфлетѣ объ внѣшней политикѣ теперь покажется страннымъ, такъ какъ не все соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ, весьма измѣнившимся обстоятельствамъ; но если вспомнить тогдашнее общеевропейское положеніе и положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, то окажется, что авторъ былъ во многомъ правъ. Такъ, напр., ни мало не обнаруживая непріязни по отношенію къ сербамъ, онъ имѣлъ полное основаніе относиться скептически къ роли, которую „славосербы“ думали навязать Сербіи, считая ее балканскимъ Піемонтомъ, способнымъ объединить всѣхъ южныхъ славянъ. Если вспомнить тогдашнее положеніе

Сербіи, бывшей въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Турціи, то нельзя не согласиться, что сербамъ прежде всего слѣдовало освободить самихъ себя, что они по счастью и сдѣлали.

У всѣхъ славянскихъ народностей, въ ту или въ другую эпоху, являлись два противоположныя направленія, изъ которыхъ одно черезчуръ опиралось на особенности и различія между отдѣльными славянскими племенами, другое придавало черезчуръ большое значеніе идеѣ славянскаго единства, забывая, что это идеаль будущаго, а не фактъ. Но всего замѣчательнѣе, что оба эти противоположныя теченія часто сливались въ одну полумистическую теорію о миссіи какого нибудь отдѣльнаго славянскаго племени, призваннаго обновить весь славянскій міръ. Въ различной формѣ, этотъ туманный мистицизмъ является и у Мицкевича, въ эпоху увлеченія его товіанизмомъ, и у хорватскихъ послѣдователей „иллирской“ теоріи, и у многихъ русскихъ славянофиловъ. Въмѣсто всѣхъ этихъ мистическихъ теорій, ведущихъ лишь къ забвенію здраваго патріотизма, необходимо поставить такъ наз. славянскій вопросъ на почву дѣйствительныхъ интересовъ и правильно понятыхъ идеаловъ каждой славянской народности. Только такое сознательное отношеніе къ жизни приведетъ къ разумному и прочному сближенію.

Въ главныхъ чертахъ мы указали въ началѣ этой главы истинное направленіе австрійскаго панславизма (См. меморандумъ хорватской рѣчской жупаніи, затѣмъ слова А. Старчевича). Теперь, въ заключеніе, приведемъ нѣсколько словъ, выясняющихъ эти принципы Австріи изъ брошюры „Славянскій съѣздъ въ Прагѣ 1848 г.“ И. И. К., ина 1860, стр. 5—6.

„Конечно, Австрія не нація, она только государство, соединеніе нѣсколькихъ провинцій, совершенно-чуждыхъ между собою, неразвивающая никакого принципа, истекающаго изъ общей жизни всѣхъ подвластныхъ ей на-

родовъ, насильно связанныхъ; но, вѣдь, если каждой изъ этихъ народностей предоставить развивать свою національность; то она сама (Австрія) можетъ уничтожиться; а нѣтъ въ мірѣ существа, которое бы сознательно шло къ уничтоженію. Конечно, въ Австріи никогда не была развита особенно и дѣятельность умственная, она заботилась болѣе объ увеличеніи матеріальнаго своего благосостоянія (на счетъ народностей). Конечно, австрійскіе нѣмцы, по своему исключительному характеру, оторвались отъ другихъ германскихъ народовъ и, воспитанные подъ вліяніемъ искусственной политики, не имѣютъ органической съ ними связи, — люди образованные между нѣмцами видятъ въ австрійскомъ устройствѣ оскорбленіе германской націи; но какъ бы ни было, а самоуничтоженія никто не ищетъ. Вотъ почему австрійское правительство, испуганное этимъ литературно-политическимъ движеніемъ славянъ, но не желая, повидимому, придавать ему никакой важности, сначала исподтишка употребляло средства, конечно, не совсѣмъ чистыя, но не костры — избави Боже! а *покупало труды избранныхъ славянъ, которые, обманывая своихъ собратьевъ, ссорили ихъ между собою; усилило полицію, шпіонство; цензура сдѣлалась гораздо строже; ссорило между собою народности и, по возможности, отстраняя угрозу, достигало своей узкой и корыстной цѣли.* Въ глазахъ же Запада оно покрывало свои дѣйствія великою истиною: *предотвращеніемъ стремленія Россіи къ расширенію своихъ предѣловъ, приписывая панславизмъ ея изобрѣтенію*". Точно также М. Погодинъ въ брошюрѣ „Австрія“ говоритъ: Родоначальникомъ славянскаго движенія должно почитать Добровскаго.... въ духѣ болѣе нѣмецкомъ, чѣмъ славянскомъ. Преемниками его были Коляръ поэтъ, и Шафарикъ историкъ и филологъ.

6.

РЕЛИГІЯ И НАЧАЛО ПИСЬМЕННОСТИ У ХОРВАТОВЪ.

1. Ложныя мнѣнія о церковной исторіи хорватовъ.

Можно было бы составить цѣлый сборникъ невѣрныхъ мнѣній, распространяемыхъ о хорватахъ въ нашей наукѣ и литературѣ. Такія мнѣнія мы уже видѣли, когда рѣчь шла о *народности* хорватовъ; но что сказать о взглядахъ, существующихъ у насъ относительно церковно-общественной жизни хорватскаго народа?

Что сказать напр. о мнѣніи, причисляющемъ каждаго православнаго хорвата къ сербскому народу? Впрочемъ обратимся къ взглядамъ имѣющимъ подъ собою хотя нѣкоторую научную почву. Образчикомъ ихъ можетъ служить сужденіе, высказанное анонимнымъ авторомъ статьи, помѣщенной въ нынѣшнемъ году въ журналѣ „Славянскія Извѣстій“. Разсуждая о вліяніи постановленій извѣстнаго Сплѣтскаго собора X вѣка, на которомъ, вслѣдствіе побѣды „латинянъ“, была запрещена славянская литургія, анонимный авторъ утверждаетъ, что *сербь*, не принявшіе постановленій Сплѣтскаго собора, „съ этихъ поръ и отдѣлились въ церковномъ отношеніи отъ хорватовъ, у которыхъ съ той поры католическіе проповѣдники усиленно работали противъ православія и дѣйствовали въ пользу раскола между сербами и хорватами, въ чемъ вполне успѣли“. Это бы еще ничего, хотя и здѣсь надо сдѣлать существенныя поправки. Но тотъ же авторъ увѣряетъ далѣе, что Сплѣтскій соборъ былъ причиною не только церковнаго, но и политическаго разъединенія хорватовъ отъ сербовъ и что послѣ этого собора между хорватами и сербами прекратилось всякое „національное единеніе“.

Если эти слова не являются слѣдствіемъ крайняго незнанія исторіи, то тенденціозность подобной точки зрѣнія слишкомъ очевидна. Что Сплѣтскій соборъ прекратилъ національное и политическое единеніе хорватовъ съ сербами,

это утверждение, которое и оспаривать не стоит. Откуда явились сербы на Сплѣтскій соборъ, въ которомъ только были послы и духовенство хорватскаго государства и народа? Утверждать поэтому, что сербы протестовали противъ постановленій собора, а хорваты подчинились имъ и окатоличились, значитъ грубо искажать исторію, такъ какъ протестовали противъ рѣшеній собора не только выдающіяся личности изъ хорватскаго духовенства, но и народъ, дружно возставшій въ защиту славянской, т. е. хорватской литургіи. Авторъ упомянутой статьи даже самъ рассказываетъ (по Брозу и другимъ источникамъ) о различныхъ эпизодахъ этой борьбы хорватовъ съ латинизаторскими стремленіями Рима. Конечно, борьба не всегда была успѣшна, но и то, что сдѣлано хорватами, заслуживаетъ удивленія, если вспомнимъ, съ какими противниками имъ пришлось бороться.

Первоначальная исторія хорватской церкви до сихъ поръ еще не вполне выяснена. Есть основаніе думать, что многіе хорваты поселились въ Далмаціи и были крещены еще въ апостольскія времена.

Въ новѣйшее время Сасинекъ сталъ доказывать автохтонство хорватовъ на восточномъ побережьи Адриатическаго моря. Какъ бы то ни было, большинство историковъ полагаютъ, что въ митрополіяхъ солинской (салонатской) и сплѣтской, основанныхъ еще въ апостольскія времена и которымъ были подчинены также о-ва Цресъ, Кркъ и Рабъ и города Задаръ, Трогиръ и Дубровникъ (Рагуза), первоначально господствовали обряды латинскій и греческій, и только со временъ Кирилла и Меѳодія окончательно утвердились здѣсь христіанство и славянская литургія хорватовъ, которая, благодаря усиліямъ первоучителей, была признана не только Константинополемъ, но и Римомъ, папами Адрианомъ II (869) и Іоанномъ VIII (880). Хорватскій банъ Седеславъ (877—879) склонялся на сторону Ви-

зантіи, и при немъ въ Хорватіи утвердилась хорватская славянская литургія по греческому обряду, господствовавшая здѣсь до конца XII вѣка, но затѣмъ вытѣсненная хорватско-славянской же (по нѣкоторымъ извѣстіямъ) литургіей, но по римскому обряду. Авторы, излагающіе подобнымъ образомъ исторію хорватской церкви, полагаютъ, что замѣна греческаго обряда—римскимъ, не упразднивъ славянской литургіи, отразилась въ ней, внѣшнимъ образомъ, на перемѣнѣ письма, при чемъ кириллица, будто бы господствовавшая при греческомъ обрядѣ, замѣнилась глаголицей. Нѣкоторые утверждаютъ даже, что глаголицу выдумали, будто бы, католическіе попы, съ цѣлью отвратить хорватовъ и другихъ славянъ отъ православія!

Несомнѣннымъ является лишь одно. Борьба съ такъ называемой славянской литургіей—правильнѣе хорватской—(hervatska misa), какъ называютъ ее древнѣйшіе хорватскіе памятники, началась еще при господствѣ греческаго обряда и значительно усилилась, когда онъ былъ замѣненъ римскимъ. Латинизаторскія стремленія Рима проявились еще въ X столѣтіи, когда папа Іоаннъ X написалъ (924) хорватскому королю или великому жупану Томиславу, и другимъ князьямъ и вельможамъ посланія, въ которыхъ требовалъ исключенія славянскаго языка изъ литургіи. Затѣмъ былъ созванъ пресловутый Сплѣтскій соборъ, на которомъ хорватская литургія подверглась запрещенію. Большинство хорватскаго народа, однако, ни мало не желало подчиниться рѣшеніямъ этого собора. Наоборотъ, въ самомъ соборѣ епископъ нинскій Григорій Добре защищалъ славянскую литургію, а въ народѣ поднялась такая буря, что ни самъ папа Іоаннъ X, ни его преемникъ Левъ VI не рѣшились подтвердить рѣшенія собора.

Является вопросъ, о какой славянской литургіи идетъ здѣсь рѣчь? Была ли это кирилло-меѳодіевская литургія, какъ признано почти всѣми историками, или какая-либо

иная? Здѣсь-то и будетъ умѣстно возвратиться къ взглядамъ и историческимъ изслѣдованіямъ Сасинека, который, впрочемъ, во многомъ согласенъ съ мнѣніемъ Кватерника, Старчевича и Смичикласа, особенно, что касается религіозныхъ вопросовъ.

Вкратцѣ, теорія Сасинека сводится къ слѣдующему: Въ концѣ VI вѣка Хорватія будто бы раздѣлялась на „аварскую“ — между Дравой и Савой и славянскую — по ту сторону Савы. Въ послѣдней аваръ вовсе не было. Въ 597 г. авары взяли не Солинъ, а Саланъ-Камень, а въ 600 г. хорваты взяли Солинъ. Въ аварской Хорватіи, а не въ славянской происходила борьба между аварами и хорватами. Въ аварской Хорватіи даже церковная жизнь шла инымъ путемъ, чѣмъ въ славянской, а именно въ первой (аварской) была Меѳодіемъ введена кирилловская литургія, тогда какъ во второй, по мнѣнію Сасинека, славянская литургія существовала задолго до Кирилла и Меѳодія, чуть ли не съ IV вѣка. Въ очеркѣ церковной исторіи хорватовъ мы еще встрѣтимся къ взглядамъ Сасинека, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, есть значительная доля преувеличенія. Весьма сомнительно, напр., чтобы Константинъ Багр. могъ ошибиться относительно такого обстоятельства, каково пребываніе аваръ въ Далмаціи въ VII вѣкѣ. Онъ даже прямо упоминаетъ, что еще во время его царствованія различались останки аваръ отъ хорватовъ. Допуская также возможность крещенія хорватовъ до IX и даже до VII вѣка, трудно сомнѣваться въ томъ, что часть — и весьма значительная — ихъ при Иракліи оставалась язычниками. Иначе придется отвергнуть показанія не одного Константина Багр., но и многихъ лѣтописцевъ, не знавшихъ о существованіи его сочиненій.

2. Начало письменности у хорватовъ и славянская литургія.

Вопросъ о происхожденіи славянской литургіи у хорватовъ тѣсно связанъ съ вопросомъ объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ, а этотъ послѣдній, не смотря на многочисленныя изслѣдованія, накопившіяся по этому предмету, еще далекъ отъ окончательнаго рѣшенія. Главная трудность состоитъ, какъ извѣстно, въ опредѣленіи времени и способа происхожденія такъ называемой *глаголицы*. Первоначально на этотъ счетъ существовали два мнѣнія: одно, приписывавшее изобрѣтеніе глагольскаго письма еще Іерониму, жившему въ IV столѣтіи, другое—утверждавшее, что глаголица изобрѣтена, будто бы, значительно позднѣе кириллицы, въ XII или XIII вѣкѣ, католическимъ попомъ или монахомъ, приписавшимъ свое собственное изобрѣтеніе Іерониму, съ цѣлью отстранить западныхъ славянъ отъ употребленія кириллицы. Позднѣе явились новыя гипотезы, изъ которыхъ одна приписывала изобрѣтеніе глаголицы Кириллу, другая, впервые высказанная англичаниномъ Тэйлоромъ, провозгласила, что глаголица и кириллица имѣютъ аналогичное происхожденіе, а именно первая является подражаніемъ курсивному греческому письму, точно такъ же, какъ кириллица является подражаніемъ унціальному письму грековъ. Но, какъ будетъ ясно изъ послѣдующаго, и эту гипотезу еще нельзя считать окончательною.

Необычайное распространеніе глаголицы у *хорватовъ* и то обстоятельство, что въ хорватской письменности она удержалась долѣе всего—можно сказать, почти до новѣйшаго времени—выдерживая конкуренцію не только съ кириллицей, но и съ латиницей, дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что глагольское письмо было, дѣйствительно, изобрѣтено гдѣ-нибудь на берегу Адриатическаго (Ядранскаго) моря, т. е. въ приморской Хорватіи и что оно имѣетъ хотя нѣкоторую связь съ тѣми первобытными „чертами и рѣзами“, которыя, по сви-

дѣтельству черноризца Храбра, употреблялись славянами въ языческія времена.

Константинъ Багрян. рассказываетъ, что хорваты по своемъ крещеніи заключили какой-то договоръ съ папой, по которому они обязывались „жить въ мирѣ съ сосѣдями и не предпринимать никакой войны, за что Богъ, въ случаѣ надобности, защититъ ихъ отъ враговъ черезъ св. Петра, ученика Христова“. Хорваты впоследствии смотрѣли на св. Петра, какъ на своего патрона и защитника.

„Этотъ рассказъ—говоритъ К. Я. Гротъ, хотя его и называютъ многіе баснословнымъ и наивнымъ (какъ это дѣлаетъ Рачкій), все-таки имѣетъ, можетъ быть, какое-нибудь историческое основаніе и во всякомъ случаѣ характеризуетъ тогдашнія обстоятельства и отношенія.

Трудно сказать, какая именно могла быть побудительная причина подобнаго обязательства передъ папскимъ престоломъ: внушеніе ли византійской политики, или *желаніе самого папы обезопасить Италію отъ хорватовъ*; быть можетъ, тутъ крылась и та, и другая причина. Въ этомъ рассказѣ Константина есть обстоятельство, которое обращаетъ на себя особенное вниманіе; это то, что *хорваты скрѣпили свое условіе съ папой собственными подписями. На это свидѣтельство Конст. опираются нѣкоторые, для доказательства древности славянскихъ писменъ*“ Такого примѣра крещенія не было ни у одного народа—онъ даетъ самое лучшее свидѣтельство, на сколько былъ великъ страхъ въ Римѣ и Царьградѣ передъ нашествіемъ хорватовъ язычниковъ.

„Нашъ взглядъ на добросовѣстность Константина—говоритъ далѣе К. Я. Гротъ—не позволяетъ намъ допустить, чтобъ онъ сталъ прибѣгать къ такимъ выдумкамъ для объясненія факта, вполне соотвѣтствующаго и собственнымъ взглядамъ Рачаго на хорватовъ VII вѣка“. Скептицизмъ ученаго каноника, въ данномъ случаѣ, объясняется его отношеніями къ Риму.

Въ показаніяхъ черноризца Храбра (писателя Х вѣка) есть замѣчательное мѣсто, гдѣ сказано, что, крестившись, славяне первоначально писали на своемъ языкѣ римскими и греческими буквами (это и впослѣдствіи встрѣчалось, напр., въ Македоніи), но такое письмо оказалось весьма неудобнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчаетъ Храбръ, какъ написать греческими буквами: животъ, или зѣло, или чаянье, или широта. Это, говоритъ онъ, продолжалось долго, но „человѣколюбецъ Богъ“ послалъ, наконецъ, славянамъ Константина философа (Кирилла), который изобрѣлъ имъ буквы—однѣ по греческимъ буквамъ, другія по славянскимъ рѣзчамъ.

Относительно изобрѣтенія глаголицы мы не имѣемъ столь ясныхъ данныхъ. Мнѣніе, приписывающее это изобрѣтеніе Іерониму (жившему въ 346—420 г.), давно уже было распространено среди ученыхъ. Его повторяетъ, напр. писатель XVI вѣка Адамъ Богоричъ; того же мнѣнія держится хорватскій ученый, францисканецъ Рафаэль Леваковичъ († около 1650) и далматинецъ Матей Караманъ († 1771). Тоже повторяютъ и чешскіе ученые, напр. оломуцкій епископъ Дубравскій († 1553), Велеславинъ († 1599) и знаменитый Коменскій († 1670); то же утверждаетъ и лужичанинъ Абрагамъ Френцель († 1740). Старинные писатели при этомъ обыкновенно ссылались на письмо самого Іеронима къ Софронію, въ которомъ самъ святой утверждаетъ, что онъ перевелъ писаніе на далматинскій языкъ, а между тѣмъ именно въ далматинской Хорватіи глаголица всегда была весьма распространена. Здѣсь невольно являются слѣдующія соображенія: извѣстно, что латинскій переводъ писанія, извѣстный подъ именемъ Вульгаты, былъ сдѣланъ тѣмъ же Іеронимомъ, а между тѣмъ старинный славянскій текстъ есть, очевидно, переводъ съ греческаго, греческій же текстъ во многомъ отличается отъ Вульгаты. Поэтому, пока нами не будутъ найдены, восходящіе по крайней мѣрѣ къ IX или X вѣку, глагольскіе

переводы отрывковъ писанія, тождественные съ Вульгатой, гипотеза, приписывающая изобрѣтеніе глаголицы Іерониму останется весьма шаткою. Сходство съ Вульгатой позднѣйшихъ текстовъ ничего не доказываетъ, такъ какъ весьма легко могли потомъ исправлять переводы, сличая ихъ съ Вульгатой.

Въ XVIII вѣкѣ явились еще инныя гипотезы, вродѣ той, которую высказалъ, напр., ученый ректоръ дубровницкой семинаріи, Клементъ Грубишичъ (1766). Стараясь доказать, что глаголица еще древнѣе св. Іеронима, онъ приписывалъ ее нѣкому „фрижанину“, утверждая, что „фрижане“ были славяне, а ихъ буквы тождественны съ рунами старыхъ „гетовъ и готовъ“ и изъ этихъ рунъ возникла, будто бы, глаголица. Ниже мы увидимъ, что въ этомъ мнѣніи все же было зерно истины. Далматинецъ Пастричъ († 1708) утверждалъ, что глаголица развилась изъ кириллицы. Добнеръ († 1790), наоборотъ, доказывалъ, что кириллица возникла изъ глаголицы.

Отецъ славянской филологіи Добровскій († 1829) увѣрялъ, что глаголица возникла никакъ не раньше XII вѣка и, быть можетъ, вскорѣ послѣ злополучнаго Сплѣтскаго собора 1059 года. Добровскій первый высказалъ мысль, за которую ухватились многіе изъ православныхъ писателей (напр. Платоновъ въ своей брошюрѣ: Антиэнциклика), что глаголицу изобрѣли католическіе попы для отчужденія славянъ отъ восточной церкви.

Это мнѣніе потерпѣло сильный ударъ вслѣдствіе открытія, сдѣланнаго словенцемъ Копитаромъ, который въ 1836 году издалъ глагольскій памятникъ глубокой древности. Большинство ученыхъ признало, что эта рукопись написана не позднѣе X вѣка, стало быть значительно раньше Сплѣтскаго собора. Послѣдствіемъ этого открытія было, между прочимъ, возстановленіе Шафарикомъ гипотезы Добнера, въ силу которыхъ глаго-

лица признается письмомъ болѣе древнимъ чѣмъ кириллица.

Наконецъ, англичанинъ Тэйлоръ выставилъ упомянутую уже гипотезу объ общемъ происхожденіи какъ глаголицы, такъ и кириллицы изъ греческихъ письменъ, гипотезу поддержанную и Ягичемъ ¹⁾).

Но все же гипотеза Тэйлора не выясняетъ самаго главнаго, а именно вопроса о времени происхожденія глаголицы, такъ какъ и эта послѣдняя, и кириллица, могли возникнуть изъ греческихъ письменъ и въ VII и въ IX вѣкѣ. Эти соображенія въ связи съ упомянутымъ выше открытіемъ Копитара, наводятъ, однако, на мысль, что въ хорватовъ глаголица имѣетъ, несомнѣнно болѣе древнее происхожденіе, нежели кирилловское письмо. Во всякомъ случаѣ, мнѣніе, приписывающее изобрѣтеніе глаголицы католическимъ фанатикамъ XII или XIII вѣка, можно считать окончательно похороненнымъ, и въ нѣкоторыхъ глагольскихъ буквахъ нельзя не видѣть слѣдовъ весьма древняго, быть можетъ іероглифическаго письма. Наконецъ, что касается сравнительной древности обѣихъ извѣстныхъ глаголицъ, то, по всей вѣроятности, хорватская угловатая глаголица

¹⁾ О глаголицѣ см. Berčić, *Chrestomatia linguae veteroslovenicae caractere glagolitico* Pragae 1859; Grubišić, *In originem et historiam alphabeti Slavonici Venetiis* 1776; Dobrovský, *Glagolitica Praha* 1807. Kopitar, *Glagolita Clozianus, Vindobonae* 1836. Otto. *Slovník Naučný Praha* 1888—89 D. II (Azbuka), гдѣ указана новѣйшая литература предмета. Популярно въ книгѣ Novovjekí Izumi 1883 т. II изд. Матицы хорватской. Изъ русскихъ сочиненій укажу лишь на слѣд.: Бодянский. О времени происхожденія славянскихъ письменъ. Москва 1855. Григоровичъ въ изв. Имп. ак. н. 1852 т. I и въ журн. мин. нар. просв. 1852. Его же: Глагольское 4-ое евангеліе Спб. 1856. Срезневскій въ изв. имп. ак. н. 1859 т. VII и въ журн. мин. нар. пр. 1848 и 1852. См. «Матеріалы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римск. и славянскихъ» (Москва 1855) изданные по случаю столѣтняго юбилея московскаго университета.

древнѣе круглой болгарской: извѣстно, что вообще всѣ древнѣйшія письма, какъ, напр., самое древнее еврейское, финикійское, руническое, пали и т. п. (не говоря уже о клинообразныхъ письменахъ) имѣли скорѣе угловатый характеръ, ибо это были „черты и рѣзы“, проводимые острымъ орудіемъ на твердыхъ предметахъ.

Сказанное о древности глагольскаго письма совершенно сходится съ новѣйшими изслѣдованіями о судьбахъ славянской литургіи у хорватовъ, и только при такомъ взглядѣ на глаголицу становится яснымъ, отчего въ хорватской литургіи такъ упорно держалось употребленіе именно глагольскаго, а не кирилловскаго письма. Объяснять это употребленіе глаголицы однѣми „интригами“ католиковъ, по малой мѣрѣ, наивно. Личный нашъ взглядъ на происхожденіе глаголицы сводится къ тому, что эта азбука, изобрѣтенная далматинскими славянами, т. е. хорватами, во всякомъ случаѣ явилась раньше изобрѣтенія кирилловскаго письма и представляетъ, по всей вѣроятности, смѣсь весьма разнообразныхъ наслоеній, частью оставшихся еще отъ языческаго времени, частью же явившихся извнѣ, отъ грековъ, римлянъ, а быть можетъ и отъ восточныхъ народовъ. Такое происхожденіе глаголицы объясняется исторіей распространенія христіанства, возникшаго на Востокѣ и прошедшаго сквозь горнило грекоримской культуры.

Благодаря тенденціозности многихъ писателей-славистовъ, исторія хорватской восточной и западной церкви въ IX и X вѣкѣ до сихъ поръ представляетъ сущій хаосъ. Хорватскій лѣтописецъ, конечно, указываетъ вполне опредѣленно, что Константинъ (Кириллъ), послѣ проповѣди у хозаръ, явился по призыву папы Стефана и „нарядилъ поповъ и книгу хорватскую и перевелъ съ греческаго хорватскую книгу и по хорватски перевелъ евангеліе и всѣ церковныя посланія и какъ Старый, такъ и Новый Завѣтъ и учинилъ

книги съ папинымъ допущеніемъ и нарядилъ мессу и утвердилъ землю въ вѣрѣ Христовой . . . и обратилъ въ Римъ путь свой и направилъ путь свой въ королевство Святополка, котораго обратилъ было въ вѣру (истинную); тогда же царствовалъ (у хорватовъ) мудрый и добрый король Будимірь, который Константиномъ былъ наученъ вѣрѣ. И узнавъ о пришествіи Константина, король сталъ весьма веселъ и съ почтеніемъ принялъ его и тогда Константинъ началъ проповѣдывать... И король всему увѣровалъ и крестился со всѣми, которые еще были некрещенные въ его королевствѣ... И пробылъ блаженный тутъ съ королемъ нѣсколько дней и ушелъ въ Римъ. И царствуя Будимірь имѣлъ сына и далъ ему имя Звонимірь. И такъ прожилъ 31 годъ и умеръ и остался королемъ Звонимірь“. Уже изъ этого разсказа можно заключить, что Константинъ дѣйствовалъ среди народа, до извѣстной степени подготовленнаго къ принятію христіанства. Совершенно невѣроятно, чтобы хорваты, имѣвшіе, еще съ VII вѣка, и даже раньше, постоянныя столкновенія съ грекоримскимъ міромъ, всѣ оставались язычниками до самыхъ временъ Кирилла и Меѳодія, т. е. до второй половины IX столѣтія. Извѣстно, что солинская епархія, т. е. древнѣйшая христіанская община въ Далмаціи, была весьма обширна и власть солинскаго архіепископа простиралась даже на Паннонію между Дравой и Савой. Когда въ VII вѣкѣ хорваты взяли и раззорили Солинъ, возникла сплѣтская епископія, въ которой, безъ сомнѣнія, вскорѣ появился весьма сильный славянскій элементъ и которая, по всей вѣроятности, была главнымъ разсадникомъ христіанства между хорватами. Этимъ еще вовсе не предрѣшается вопросъ о преобладаніи у хорватовъ съ самого начала римскаго обряда надъ греческимъ, такъ какъ въ VII вѣкѣ, хотя и было различіе между восточною и западною церковью, обусловленное различіемъ греческой культуры отъ римской, но о настоящемъ раз-

дѣленіи церквей не могло быть и рѣчи. Сверхъ того есть и прямыя указанія на то, что въ Далмаціи, даже во время окончательной побѣды латинизма надъ византизмомъ, греческій обрядъ продолжалъ существовать на ряду съ римскимъ. Простой народъ, болѣе чѣмъ высшіе классы, былъ привязанъ къ восточной церкви, гдѣ постоянно сохранялся хорватскій церковный языкъ, понятный народу.

По нашему мнѣнію, дѣло распространенія христіанства между хорватами, начавшееся съ самыхъ первыхъ столкновеній ихъ съ грекоримскимъ міромъ, имѣло, первоначально, слѣдующій ходъ: ко времени проповѣди Кирилла и Меѳодія хорваты уже составляли главное ядро христіанской общины въ Далмаціи, съ преобладаніемъ римскаго вліянія надъ греческимъ, но ни то, ни другое не исключало возможности существованія литургіи на славянскомъ языкѣ.

Хорватскій историкъ Смичикласъ („Ровіест хрватска I. стр. 211, 219 и 243) говоритъ: „Несомнѣнно, что въ хорватской церкви богослужебныя книги еще со временъ св. Іеронима были писаны по обряду восточной церкви. Псалтирь хорв. архіепископа Θεодосія (887—892) служитъ этому лучшимъ доказательствомъ, а также то, что король хорватскій Томиславъ въ нач. X стол. короновался по обряду восточно-римскихъ императоровъ..... Извѣстно, что первый Сплѣтскій соборъ не могъ воспретить хорватскую литургію, которую столь храбро защищалъ епископъ Григорій нинскій“.

Второй Сплѣтскій соборъ былъ въ XI вѣкѣ занятъ тоже вопросомъ и о самомъ сплѣтскомъ архіепископѣ *Дабралѣ*, который былъ женатъ и имѣлъ дѣтей. Передъ соборомъ онъ оправдывался такъ: „Это моя законная жена, и я ее отпустить не могу, ибо мнѣ по обряду восточной церкви свободно (sic) имѣть жену“. Старчевичъ на основаніи документовъ утверждаетъ, что примѣры

женитьбы даже высшаго духовенства, а тѣмъ болѣе низшаго, встрѣчаются въ XII и даже XIII вѣкѣ.

Если такой случай могъ имѣть мѣсто даже съ архіепископомъ, то можно себѣ представить, какъ крѣпко отстаивало низшее духовенство хорватскую литургію и обряды восточной церкви противъ натиска латинянъ.

Въ XVII вѣкѣ Леваковичемъ былъ найденъ глагольскій псалтырь начала XIII столѣтія, переписанный попомъ Николаемъ Рабляниномъ изъ рукописи, составленной по повелѣнію послѣдняго сплѣтскаго архіепископа, упомянутаго Θεодосія, современника Меѳодія († 885). Этотъ псалтырь IX вѣка, по несчастію, не сохранился, а между тѣмъ на основаніи его можно было бы рѣшить, дѣйствительно ли онъ переведенъ солунскими братьями или, по крайней мѣрѣ, ихъ учениками. Съ другой стороны, нѣтъ и вполне достовѣрныхъ свидѣтельствъ въ пользу теоріи, приписывающей просвѣтительную дѣятельность между хорватами почти исключительно солунскимъ братьямъ, такъ какъ не сохранилось вполне яснаго доказательства даже самого пребыванія Меѳодія въ далматинской Хорватіи. (Лѣтописецъ говоритъ объ одномъ Кириллѣ). Относительно учениковъ Меѳодія, разбѣжавшихся вслѣдствіе латинско-нѣмецкихъ преслѣдованій, есть прямые указанія, что они бѣжали къ болгарамъ, но о пребываніи ихъ у хорватовъ ровно ничего неизвѣстно. Извѣстно также, что съ появленіемъ учениковъ Меѳодія въ Болгаріи, здѣсь сильно стала распространяться кириллица, и по всей вѣроятности отчасти вытѣснила болѣе древнее глагольское письмо, заимствованное болгарами у хорватовъ. Ничего подобнаго мы не видимъ у хорватовъ, и сказанное выше о древности глаголицы прямо позволяетъ предположить, что борьба, затѣянная латинизаторами въ X и XI вѣкѣ противъ славянской литургіи, относилась не столько къ кирилловской литургіи, сколько къ той, которая пользовалась глагольскимъ письмомъ. Весьма возможно, что

и постановленія Сплѣтскаго собора были направлены, главнымъ образомъ противъ „глаголашей“, въ чемъ убѣждаетъ и аналогія съ позднѣйшей исторіей хорватской церкви, въ которой мы видимъ именно борьбу не кириллицы, а глаголицы съ латиницей. Все это только гипотезы, но вѣдь и защитники „кирилловской“ теоріи до сихъ поръ не представили въ свою пользу сколько нибудь убѣдительныхъ фактовъ, тогда какъ въ пользу древности глаголицы у хорватовъ говоритъ уже ея позднѣйшее необычайное распространеніе. Достаточно сказать, что въ XV вѣкѣ глаголица распространилась по всей Далмаціи, зашла въ сѣв. Албанію и Боснію, а на сѣверѣ распространилась по Истріи и по всей Хорватіи между Куной и моремъ... Но объ этомъ послѣ.

Возвратимся къ исторіи Сплѣтскаго собора. Напомнимъ, что Григорій, епископъ нинскій или нонскій, въ первой половинѣ X вѣка отстаивалъ хорватскую (славянскую) литургію и рукоположилъ нѣкоего Сергія епископомъ бѣлградскимъ (*Slovensky Letopis* V, 38). Тогда прелаты приморскихъ городовъ, большею частью приверженцы латинизма, обратились къ папѣ Іоанну X и тотъ велѣлъ созвать соборъ съ цѣлью обсужденія вопроса о славянской литургіи. Папскіе послы привезли письма къ королю хорватскому Томиславу, князю хлумскому Михаилу, епископу солинскому Іоанну, его суффраганамъ, и къ жупанамъ, священникамъ и всему живущему *per Sclavoniam et Dalmatiam* народу; другое письмо было послано особо къ епископу Іоанну и его суффраганамъ. Вслѣдствіе этого и былъ созванъ соборъ 925 года, на которомъ большинство высказалось противъ славянской литургіи, которая была (по X канону этого собора) допущена лишь съ особаго папскаго дозволенія и по отсутствію „латинскихъ“, т. е. знающихъ по латыни священниковъ.

Принято думать, что эти постановленія касались

спеціально кирилло-меѳодіевской литургіи. Такое мнѣніе основано, главнымъ образомъ, на слѣдующемъ мѣстѣ посланія папы Іоанна къ епископу и его суффраганамъ:

Absit hoc a fidelibus, qui Christum colunt, et aliam vitam per operationem se credunt posse habere, ut doctrinam Evangelii atque Canonum volumina, Apostolicaque etiam praecepta praetermittentes, ad Methodii doctrinam confugiunt, quem in nullo volumine inter sacros Auctores comperimus.

Что здѣсь именно разумѣется св. Меѳодій, въ этомъ, конечно, не можетъ быть сомнѣнія, и попытка Сасинька доказать, что здѣсь идетъ рѣчь не о личности Меѳодія, а о книгѣ (volumen), именуемой Меѳодій, едва ли удачна, такъ какъ прямой смыслъ послѣднихъ строкъ состоитъ въ томъ, что, не слѣдуетъ дѣйствовать по примѣру тѣхъ, кто, оставляя апостольскія правила, прибѣгаетъ къ ученію Меѳодія, котораго (т. е. Меѳодія) мы ни въ одной книгѣ не находимъ помѣщеннымъ въ числѣ святыхъ отцовъ т. е. церковныхъ авторитетовъ. Но незачѣмъ и прибѣгать къ натяжкамъ. Что такое ученіе Меѳодія, о которомъ говоритъ здѣсь папа? По самому смыслу созванія собора, здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь объ ученіи, въ силу котораго литургія должна совершаться на славянскомъ языкѣ. Что на это ученіе могли ссылаться и хорватскіе глаголаши, вовсе не усвоившіе кирилловскаго письма и кирилло-меѳодіевской литургіи, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Съ другой стороны никто не отрицаетъ несомнѣннаго распространенія, въ тѣ времена, кирилло-меѳодіевскаго обряда въ *посавской Хорватіи*: эта послѣдняя принадлежала даже къ паннонской архіепископіи, столицею котораго былъ Срѣмъ, гдѣ управлялъ самъ св. Меѳодій. Но между знаніемъ далматинскимъ духовенствомъ „ученія“ Меѳодія и утвержденіемъ господства кирилло-меѳодіевской литургіи въ Далмаціи еще весьма и весьма большая разница.

Вотъ какимъ образомъ излагаетъ исторію „крещенія“ хорватовъ новѣйшій писатель—Сасинекъ:

„Кто черпаетъ свою историческую мудрость изъ враждебныхъ славянамъ источниковъ, для того еще въ XI и XII вѣкѣ „хорваты и далматинцы“ должны представляться не только язычниками, но дикарями... Вѣдь сказано же въ одномъ позднѣйшемъ документѣ (1217) что св. Владиславъ, король венгерскій, основалъ въ Загребѣ епископію, чтобы подавить въ Хорватіи идолопоклонство! Раймондъ называетъ хорватовъ дикарями, не имѣющими ни малѣйшаго понятія о Богѣ (*agresti homines qui Deum ignorabant*). Все, что не было латинскимъ, считалось языческимъ.... Въ IX вѣкѣ, когда дубровничане обратились къ греческому императору Василию (867—886) прося помощи противъ сарацинъ, императоръ выслалъ флотъ, освободившій Дубровникъ. Такимъ образомъ приморскіе города подпали вліянію восточныхъ императоровъ и константинопольскихъ патріарховъ. Безъ сомнѣнія они покровительствовали здѣсь глагольской литургіи. Ихъ примѣру послѣдовала славянская іерархія Хорватіи. Это „присоединеніе“ къ Константинополю невѣрно называется „крещеніемъ“. Папы, въ свою очередь, пытались подчинить славянъ Хорватіи Риму и папѣ Іоанну VIII: въ 879 г., дѣйствительно, удалось побудить къ такой „уніи“ великаго жупана Бранимира. Съ этою цѣлью Бранимиръ отправилъ Теодосія, дьякона нинскаго, въ Римъ, гдѣ папа рукоположилъ его въ епископы: такъ какъ Іоаннъ, архіепископъ солинскій, Виталій—ядранскій, Доминикъ—озеровскій и другіе были подчинены Царьграду. Папа потребовалъ отъ другихъ епископовъ подчиненія Риму, съ тѣмъ, что простить за прошлое, если это было сдѣлано изъ боязни грековъ и пиратовъ. Однако, епископы не послушались папы и новый сплѣтскій (салонитанскій) архіепископъ Маринъ былъ рукоположенъ посланнымъ Фотіемъ Вальпертомъ, патріархомъ аквилейскимъ... При Бранимирѣ

болгарскій царь Борисъ вторгся въ Хорватію, но, потерпѣвъ уронъ, заключилъ миръ. При переговорахъ о мирѣ, епископъ нинскій Θεодосій велъ переговоры съ папой относительно римско-болгарской уніи (т. е. подчиненія Болгаріи въ церковномъ отношеніи Риму). При сынѣ Бранимира Мутимірѣ.... мы видимъ употребленіе латинскаго языка въ церковныхъ актахъ... Отсюда ясно, что приморскіе города значительно подчинились Риму. Вскорѣ взяла верхъ и латинская литургія, которая, при Томиславѣ, на Сплѣтскомъ соборѣ, сдѣлала попытку совсѣмъ вытѣснить славянскую“.

Мы видѣли, что эта попытка была весьма неудачна. Между тѣмъ въ XI вѣкѣ „собственная Хорватія“ или, точнѣе, Хорватія по ту сторону Савы, подпала власти византійскихъ императоровъ, и въ ней-то сильно распространилась кириллица, тогда какъ глаголица удержалась, главнымъ образомъ, на своей родинѣ, въ Далмаціи. Въ XII вѣкѣ, при Мануилѣ (1143—1180) кириллица сдѣлала новые успѣхи у посавскихъ хорватовъ. Въ 1059 году епископы приморскихъ городовъ жаловались папѣ Николаю на распространеніе славянской литургіи; но и здѣсь не идетъ рѣчь о кириллово-меѳодіевской литургіи, если только не ссылаться на весьма сомнительный авторитетъ Θомы архидьякона, который рассказываетъ о св. Меѳодіи самыя нелѣпыя басни, смѣшиваетъ готовъ съ славянами и считаетъ Меѳодія еретикомъ, а именно аріаниномъ, и изобрѣтателемъ готическаго письма. Вотъ это удивительное показаніе заклятаго врага славянскаго обряда, которое, однако, часто цитируется серьезными писателями, отстаивающими „кирилловскую теорію“: „Dicebant enim gothicas literas a quodam Methodio haeretico fuisse inventos. Quae Gothi (sic!) petere student, saepenumero audisse me recolo: sed propter Arianos, inventores literaturae hujus modi, dare eis licentiam, in sua lingua tractare divina, sicut praedecessores mei, sic et ego nullatenus audeo“. Возможно ли послѣ

этого допустить, чтобы кирилло-меѳодіевская литургія, дѣйствительно, господствовала въ Сплѣтѣ, если чело-вѣкъ, во всякомъ случаѣ начитанный, могъ писать та-кія нелѣпости о Меѳодіи!

Дальнѣйшая исторія славянской литургіи у хорва-товъ уже слишкомъ ясно показываетъ, что борьба шла не между латинянами и учениками солунскихъ братьевъ, а между латинизаторами и такъ наз. глаголашами, т. е. хорватами и это одно уже доказываетъ, что глагольское письмо не могло быть изобрѣтеніемъ „католическихъ поповъ“, желавшихъ, якобы, отвратить народъ отъ уче-нія Кирилла и Меѳодія; наоборотъ, представители гла-гольской письменности были хранителями народныхъ славянскихъ началъ и имъ обязаны приморскіе хор-ваты тѣмъ, что они одни изъ всѣхъ католическихъ славянскихъ народностей сохранили литургію на на-родномъ языкѣ вплоть до нашихъ дней.

При папахъ Николаѣ II (1059—1061) и Алексан-дрѣ II (1061—1073), правою рукою которыхъ былъ Гильдебрандъ, въ послѣдствіи папа Григорій VII (1074—1085), движеніе противъ славянской литургіи значи-тельно усилилось. Борьба съ императорскою властью и стремленіе не только освободиться отъ этой власти, но и подчинить ее папству, привело къ стремленію уси-лить въ католическомъ мірѣ духъ единства и дисцип-лины. Не довольствовались тѣмъ, что старались ввести всюду латинское богослуженіе: оно должно было быть еще спеціально римскимъ. Такъ въ Миланѣ въ то вре-мя употреблялась такъ наз. Амвросіева литургія, хотя и на латинскомъ языкѣ, но отличная отъ римской. Па-па Николай II воспротивился этому и пытался вве-сти римскую литургію, чѣмъ возбудилъ значительное неудовольствіе не только въ народѣ, но и въ духовен-ствѣ. Точно также Александръ II и Григорій VII воз-будили въ Испаніи сильное волненіе, вслѣдствіе попыт-ки ввести римскій обрядъ вмѣсто мѣстной литургіи:

дѣло дошло даже до кровопролитныхъ возстаній. При такихъ условіяхъ славянской литургіи пришлось пережить трудные дни. На просьбу чешскаго короля Вратислава сохранить славянскую литургію, папа Григорій VII отвѣтилъ знаменитымъ посланіемъ, въ которомъ отвергъ чешскія притязанія, утверждая, что славить Бога можно только на 3 языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ. Точно также отнесся Римъ и къ хорватамъ. Второй Сплѣтскій соборъ (1059), бывшій въ царствованіе Кресимира (Петра I), и происшедшій въ его личномъ присутствіи, былъ уже гораздо удачнѣе съ латинской точки зрѣнія, нежели первый. Здѣсь вновь было воспрещено служить литургію по славянски и ослушникамъ грозили строгія кары. Нѣкоторые историки пытаются обфлить Кресимира, замѣчая, что онъ обратился къ папѣ съ просьбою дозволить славянскую литургію, если не по восточному, то хоть по римскому обряду. Какъ бы то ни было, но папа Александръ II подтвердилъ рѣшенія собора, что возбудило въ хорватскомъ народѣ сильный ропотъ. Мѣстами дѣло доходило до закрытія церквей и разстриженія непокорныхъ священниковъ, продолжавшихъ служить по славянски.

Въ XIII столѣтіи папство, утомленное борьбою съ упорными хорватами, вынуждено было сдѣлать уступки. Епископъ сеньскій (Сень, въ приморской Хорватіи Филиппъ (1246—1280) обратился къ папѣ Иннокентію IV съ просьбою разрѣшить старославянскую литургію по латинскому обряду, что и было дозволено (1248) всюду, гдѣ она раньше была въ употребленіи. Просьба Филиппа весьма замѣчательна. Онъ пишетъ папѣ, что старославянская литургія ведетъ свое начало отъ Іеронима и постоянно употреблялась въ Хорватіи и Далмаціи. Въ прошеніи сказано, что въ Славоніи есть особый шрифтъ, которымъ пользуется духовенство этой страны, утверждая, что имѣетъ его отъ блажен. Іеронима. Конечно папа въ подобномъ вопросѣ едва ли

могъ дѣйствовать наобумъ и не дозволилъ бы провести себя монахамъ, если бы они тогда только изобрѣли глаголицу. Что и раньше существовала глагольская литургія по римскому обряду, доказывается, между прочимъ, показаніемъ бенедиктинцевъ изъ Омышля (крской епископіи), которые въ 1250 г. заявили папѣ, что не имѣли случая научиться по латыни и что они и ихъ предшественники всегда служили на славянскомъ языкѣ, хотя и по римскому обряду.

Само собою разумѣется, что въ пользу кирилловской теоріи остается одинъ доводъ, повидимому неотразимый. Древнѣйшіе глагольскіе фрагменты, какъ, напр., пражскіе, принадлежатъ греческому обряду, а не римскому. Отсюда выводятъ, что кирилловскій обрядъ у одной части хорватовъ былъ лишь въ послѣдствіи вытѣсненъ глаголитической литургіею, якобы неразрывно связанною съ римскимъ обрядомъ. Между тѣмъ гораздо болѣе прямой выводъ состоитъ въ томъ, что шрифтъ не опредѣляетъ обряда, что глагольскія книги могли быть писаны и по восточному обряду, и по римскому, смотря по мѣстности и времени ихъ появленія. Для Венгріи мы имѣемъ, напр., несомнѣнныя историческія свидѣтельства, что здѣсь дѣйствительно кирилловская литургія сначала была вытѣсняема глагольской и лишь послѣ являлась латинская; но это не есть еще доказательство всеобщаго и безусловнаго первенства кирилловскаго письма и безусловной связи глаголицы съ латинизмомъ. Для Далмаціи, какъ мы видѣли, факты говорятъ совсѣмъ иное.

Въ XV, а особенно XVI и XVII вѣкѣ глаголица имѣла у хорватовъ весьма обширное распространеніе. По изслѣдованіямъ хорватскаго историка Ткальчича, въ XV вѣкѣ попы глаголаши были въ Босилевѣ, Липникѣ (подлѣ Карловца), Озлѣ и Стеничникѣ (подлѣ Глины); въ XVI в. въ Чичахъ, Дубовцѣ, Великой Горичѣ, Гранешини, Хрнетичѣ, Св. Иванѣ на Моравчѣ и т. д. Въ XVIII в. упоминается попъ глаголашъ въ

Великой Млакѣ. Кромѣ хорватовъ, глагольская литургія въ XIV и XV в. встрѣчалась у чеховъ и у поляковъ, но нигдѣ не имѣла такого обширнаго распространенія, какъ въ хорватской церкви.

Конецъ прошлаго столѣтія можно считать концомъ самостоятельной глагольской церковной письменности. Благодаря ей, традиція славянскаго богослуженія никогда не прерывалась въ нѣкоторыхъ хорватскихъ епископствахъ, какъ, напр., въ Сѣньскомъ, Кркскомъ, Задарскомъ, Сплѣтскомъ, Шибеникскомъ. Въ XV и XVI вѣкѣ славянской литургіи пришлось выдержать новый напоръ—со стороны венеціанской республики; она и его выдержала съ успѣхомъ. Даже въ началѣ настоящаго столѣтія велась подобная борьба, напр., на островѣ Лошинѣ, гдѣ усиліямъ такихъ латинизаторовъ, каковы епископы крскій Шинтичъ и сѣньскій Іежичъ, не удалось истребить славянской литургіи. Оба они обращались и въ Вѣну, и въ Римъ: въ 1804 году папа, напротивъ того, повелѣлъ оставить въ покоѣ славянскихъ священниковъ. Еще недавно газеты сообщали, что латинизаторскія стремленія новѣйшаго сплѣтскаго прелата, не пожелавшаго дозволить славянской литургіи въ память Кирилла и Меѳодія, возбудили умы и повели многихъ къ переходу въ православіе. Развернутое такимъ образомъ самими хорватами Кирилло-Меѳодіевское знамя не должно, однако, заставлятъ насъ забывать о скромной, но почетной роли, принадлежащей глагольской письменности.

Исторія глагольской печатной литературы завела бы насъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ только, что пришла пора болѣе объективнаго отношенія къ этому вопросу. Если глагольское письмо и не могло способствовать общенію хорватовъ съ тѣми славянскими народностями, которыя развивали, по преимуществу, кирилловскую письменность, то все же оно сослужило свою службу славянству, защитивъ хорватовъ отъ напора латиниза-

торовъ. Лишь благодаря этой славянской традиціи у нихъ сохранились совершенно особыя отношенія къ папству, благодаря которымъ православный міръ можетъ смѣло подать руку хорватамъ, не опасаясь быть непонятымъ: тѣмъ болѣе, что въ новѣйшее время русскій языкъ и русская литература нашли себѣ многочисленныхъ любителей именно среди хорватскаго особенно — молодого духовенства, которое является рѣшительной опорой русско-хорватскихъ стремленій. Но, съ другой стороны, необходимо, чтобы и въ нашей публицистикѣ и особенно въ духовной литературѣ выработалось болѣе правильное отношеніе къ хорватскому народу и чтобы у насъ перестали смѣшивать уніатскія поползновенія нѣкоторыхъ преданныхъ Риму и Австріи прелатовъ съ тѣмъ дѣйствительнымъ духовнымъ сродствомъ, которое теперь уже, не смотря на разность обрядовъ, существуетъ между католиками-хорватами и православнымъ славянствомъ. Католицизмъ, какъ уже нами доказано выше, вовсе не состоитъ въ необходимой связи съ хорватствомъ. Всегда были и теперь есть хорваты не только западнаго, но и восточнаго обряда.

В. Макушевъ (Зад. и адр. слав. с. 10) приводитъ свидѣтельство Касича, что въ XVI в. „большая часть католиковъ между Савою и Дравою не ходитъ въ церковь и для совершенія бракосочетанія и другихъ таинствъ обращается къ православнымъ священникамъ"... что „много католиковъ (въ Босніи) обратилось въ православіе, кальвинизмъ и аріанизмъ, а нѣкоторые даже потурчились“. Что хорваты были противны Іезуитско-латинизаторскимъ стремленіямъ это утверждаютъ тоже историки: Старчевичъ, Лопашичъ, Смичикласъ и пр.

Историческія свидѣтельства доказываютъ, что было даже время, когда весь хорватскій народъ отстаивалъ восточный обрядъ болѣе стойко, чѣмъ иныя народности, находившіяся подъ прямымъ вліяніемъ Византіи.

7. КОРОНОВАНИЕ ХОРВАТСКИХЪ КОРОЛЕЙ ВЪ ГОРОДАХЪ ДАЛМАТИНСКОЙ ХОРВАТИИ.

U toj gori oganj gori
A u gori kolo igra:
Liepa Mare *) kolo vodi
Njoj na glavi zlatna kruna...
Zlatna kruna sitni biser.
Popuhnulo tihi vjetar
I odnese Mari krunu...
Ljuto cvili liepa Mare
«Vajme meni tugo moja
Tko bi meni krunu našo
Zlato moje biser sitni
Njegova bih ljuba bila».

*) Хорватія.

(Народная хорватская пѣсня).

Дубровникъ Зету ка сестру люби
А она нѣга признае братомъ
Тако се исто свои с Хрватомъ...
Да они мени могу да бране,
Да я не любим као год ове,
Хрватску брачју те соколове...
А насъ Балканце све нешто дѣли
Народность, вѣра, заплети неки...
А кадъ би се ти юнаци
Слогомъ братскомъ извезали
Бише истокъ или западъ
На саблями дочекали.

Князь Николай I.

(Балканская Царица).

Kad narod primi kralja tudje kervi, svejedno je kao kad osebni čovjek promieni svoje rodno ime. Odriče se po neki način djedovah svojih, koji su slavu i snagu svoju savijali oko kralja svoje kervi, jer se s častnim imenom kralja svoje krvi i narodno ime pronosilo poštovano med narodi.

(Hrv. poviest str. 264).

Tade Smičiklas.

..., „Кадъ знамо извор сплетака, лако нам ње тражити лек проти њима. Перви и најсигурни, можда њедини лек био би тай, да народи медью Дунаемъ, чернимъ и адріатичким морем, начине њедну державу. І Име, облик те державе не спадаю на ствар. То њединство не може се помислити другче, него на темелю подпуне њеднакости свих повѣстничкихъ народахъ. Та держава имала би доста снаге за бранити свою самосталност и неовисност прама свакому“.

(«Hrvat» 1868)

А. Старчевичъ.

Въ высшей степени любопытенъ обычай, доказывающій, какъ живы до настоящаго времени воспоминанія хорватскаго народа о той отдаленной эпохѣ, когда онъ имѣлъ свою національную династію. Объ этомъ обычай писали лишь весьма немногіе. Наболѣе полны свѣдѣнія, сообщаемыя по этому предмету Милиновичемъ, хорватскимъ патріотомъ, въ настоящее время занимающимъ архіепископскую католическую кафедру въ Черногоріи.

Обычай этотъ сохранился, главнымъ образомъ, въ Шибеникѣ, куда, по преимуществу, переселились жители древняго столичнаго хорватскаго города Біограда (Бѣлградъ приморскій) послѣ раззоренія его венеціанцами. Въ Біоградѣ всегда происходило коронованіе хорватскихъ королей. Въ память этого, переселенцы установили слѣд. обычай. Ежегодно, какъ разъ въ день Рождества, они избирали и короновали „хорватскаго короля“, который втеченіи 15 дней пользовался вполнѣ неограниченной властью.

Всѣ граждане, всѣ должностныя лица, духовные и міряне собирались въ городской дворъ (зданіе ратуши) и составляли вече, на которомъ избирали извѣстнѣйшаго и именитѣйшаго гражданина королемъ. Избраніе совершалось при великомъ ликованіи и громкихъ восклицаніяхъ. „Королю“ надѣвали на голову корону, облакали его въ королевскія одежды и толпою отправлялись въ церковь св. Іакова, гдѣ онъ садился на королевскій тронъ и присутствовалъ при богослуженіи. Въ церкви ему оказывали настоящія королевскія почести, кадили ему ѳиміамомъ и приносили ему цѣловать крестъ и евангеліе. Затѣмъ всѣ возвращались въ городской дворъ, „король“ садился на престолъ и принималъ поклоны и почести, какъ настоящій король. Въ это время онъ назначалъ бановъ, капитановъ, князей, жупановъ, племичей, великашей, великаго дворецкаго (оберъ-гофмейстера), великаго судца, щитоносцевъ, конюшихъ, витязей, вождей

четь и т. д. Стража оберегала королевскій дворъ, городскіе старѣйшины торжественно вручали королю городскіе ключи, поздравляли его и выслушивали его привѣтствія. „Хорватскій король“ рѣшалъ спорныя дѣла и всѣ подчинялись его рѣшеніямъ. Таковы послѣдніе отголоски старинной хорватской королевской власти... ¹⁾).

Въ южной окраинѣ прежнихъ хорватскихъ земель, въ нынѣшней Черногоріи, по нынѣ царствуетъ народная династія Нѣгушей. На сколько черногорцы умѣли сохранить хорватское народное имя, наилучшимъ свидѣтельствомъ служить то, что въ Царьградѣ черногорцевъ и въ настоящее время называютъ хорватами, а ихъ вождя (капитана) *Хорватъ-башомъ* ²⁾).

Въ Черногоріи сохранился драгоцѣннѣйшій памятникъ хорватской старины, лѣтопись „попа Дуклянина“ XII вѣка, написанная письмомъ и языкомъ хорватскимъ. Въ этой лѣтописи утверждается, на основаніи народнаго преданія, что при послѣднемъ хорватскомъ королѣ Звонимірѣ была произнесена „клятва“, павшая на весь народъ, что у него будетъ королемъ чужеземецъ по крови и по языку. Преданіе утверждаетъ, что Звониміръ пытался побудить народъ къ участію въ крестовомъ походѣ, что возбудило бунтъ, во время котораго онъ погибъ; за что и была произнесена упомянутая клятва, которая прорицаетъ народу бѣдствія подъ гнетомъ чужихъ правителей.

„За исключеніемъ Черногоріи, всѣ остальные хорватскія земли до сихъ поръ не освободились изъ подъ этой „клятвы“. Но хорватскій народъ своими вѣковыми страданіями давно искупилъ вину. Можно поэтому надѣяться, что проклятіе будетъ, наконецъ, снято и что въ недалекомъ будущемъ хорватскій народъ опять возстановитъ царство „народнаго имени, языка и крови“, царство, которое будетъ основано на любви народной, на народномъ счастьи и соединеніи хорватовъ съ остальными балканскими народностями.

¹) Архієпископъ Симонъ Милиновичъ былъ такъ любезенъ, что указаль намъ главные источники, изъ которыхъ можно почерпнуть свѣдѣнія объ обычаѣ «коронованія хорватскихъ королей», сохранявшемся у хорватовъ еще въ началѣ настоящаго столѣтія. Самъ Милиновичъ, кромѣ статьи въ журн. Vienac 1873 г. писалъ объ этомъ предметѣ въ журналѣ Hrvatski Učitelj, гдѣ перечислены главные источники. Кромѣ того, слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующіе источники: 1) Katalinić, Storia della Dalmazia, IV. Каталиничъ былъ самъ родомъ изъ Каштеловъ и въ эпоху французскаго владычества въ Хорватіи, при Наполеонѣ, служилъ во французской службѣ. Онъ выражаетъ сожалѣніе, что обычай, нетронутый венеціанцами, былъ воспрещенъ французами. 2) Tomazeo Appendice del Dizionario enciclopedico. 3) Letture di famiglia 1857—1858 (журналъ, издаваемый въ Триестѣ. 4) Fortis, Viaggio in Dalmazia. Здѣсь описаны обычаи, сохранившіеся до французскаго владычества въ Шибеникѣ. Въ Синѣ также избирали «хорватскаго короля» и, по словамъ архієпископа Милиновича, онъ самъ зналъ нѣкоего Ивана Цабрича, послѣдняго изъ избранныхъ, котораго до самой его смерти такъ и звали «королемъ», 5) Manuale della Dalmazia 1873. Здѣсь описано, какъ близъ Задра на о-вѣ «Ижъ великій» также избирали и короновали «хорватскаго короля» и до сихъ поръ въ мѣстной церкви сохраняется корона, служившая при подобной коронаціи.

²) Одинъ изъ теперешнихъ самыхъ древнихъ хорватскихъ дворянъ, боснійскій мусульманъ изъ рода Кулевновичей, извѣстный Тахвилъ-паша имѣлъ прямо прозвище «Хорватъ», — Его мать была дочь волимана. Его отецъ Ибраимъ-паша, въ Франкфуртсколь сеймѣ 1562 г. говорилъ на хорватскомъ языкѣ. (См. Кукульевичъ Glasooiti Hervati; Херманъ Pjesne muhamedovaca II).

Макушевъ (относившійся иначе скептически къ хорватамъ и тогдашнему правительству Черногоріи) упоминаетъ: что въ цетинской типографіи было печатано «во время герцеговинскаго возстанія (1859 г.) народная пѣснь «Хрват-баша Черногорски», въ которой воспѣвается освобожденіе изъ тюрьмы капитана черногорцевъ, проживающихъ въ Константинополѣ, бывшимъ посланникомъ нашимъ (русскимъ), княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ, и *Возваніе къ Боснякамъ*».

А) Хорватскій сеймъ 1861 года.

(Къ стр. 42).

**КОРОЛЕВСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНІЕ, СДѢЛАННОЕ СЕЙМУ
И ОТВѢТЫ СЕЙМА.**

1. О торжественномъ избраніи бана, о избраніи протонотаріуса (prabilježnika) и верховнаго капитана, затѣмъ объ отношеніи тріединого королевства къ Венгріи и о соединеніи Далмаціи съ Хорватіей и Славоніей.

Мы, Францъ Іосифъ первый и т. д. Честные, почтенные и т. д. На основаніи нашего, изданнаго съ цѣлью упорядоченія государственно-правовыхъ отношеній монархіи, диплома отъ 20 октября 1860 г., мы возобновили уставы нашихъ королевствъ Хорватіи и Славоніи, и сообразно съ этимъ постановили нашимъ высочайшимъ рѣшеніемъ отъ 23 феврала сего года, на основаніи 58 параграфа закона 1790—1 годовъ), чтобы хорватско-славонскій саборъ (сеймъ) былъ созванъ. Вслѣдствіе этого, заодно съ нашимъ собственноручнымъ рескриптомъ на имя бана этихъ королевствъ, барона Іосифа Шокчевича отъ 20 окт. 1860 г., указываемъ вамъ, чтобы, устроивъ торжественный вводъ бана и объявивъ законнымъ образомъ избраніе протонотаріуса, а также верховнаго капитана этихъ королевствъ, вы прежде всего занялись соборнымъ обсужденіемъ вопроса объ отношеніи нашихъ королевствъ Хорватіи и Славоніи къ нашему Венгерскому королевству, а также способа, который съ этою цѣлью указанъ въ нашемъ упомянутомъ рескриптѣ, посредствомъ коего возможно соглашеніе съ венгерскимъ сеймомъ, и затѣмъ чтобы результатъ вашего совѣщанія былъ поднесенъ для нашего королевскаго рѣшенія и подтвержденія.

По отреченіи отъ престола нашего высочайшаго государя, дяди нашего, его величества императора и короля Фердинанда перваго, а для королевствъ Венгерскаго, Чешскаго, Хорватскаго и Славонскаго сего имени пятаго, и по отказѣ отъ престолонаслѣдства наияснѣйшаго государя отца нашего эрцгерцога Франца Драгутина, въ силу прагматической санкціи мы были призваны государствовать въ нашей монархіи, и объявивъ о

вступленіи нашемъ на престоль 2 декабря 1848 года всѣмъ народамъ нашей державы, вслѣдствіе нашихъ рѣшеній отъ 20 октября 1860 г. мы признали за благо, имѣя въ виду въ смыслѣ уставныхъ законовъ совершить королевское показаніе и священное коронованіе, а также съ цѣлью изданія нашего королевскаго вступительнаго диплома отъ дня—2 апрѣля минувшаго года въ славномъ и столичномъ городѣ нашемъ Будимѣ, созвать саборъ (сеймъ), которымъ, съ помощью Божіею, мы желаемъ предсѣдательствовать; посему васъ призываемъ, объявляя вамъ о коронованіи короля венгерскаго, а также далматинско-хорватско-славонскаго, по одному и тому же чину коронованія, дабы вы къ предстоящему коронованію избрали представителей тѣхъ королевствъ изъ вашей среды, и отправили ихъ во-время въ Будимъ. Такъ какъ мы, наконецъ, многократно уже изъявили наше желаніе уважить предложенныя намъ желанія королевствъ Хорватскаго и Славонскаго касательно возсоединенія Далмаціи, а также съ этой цѣлью рѣшеніемъ нашимъ отъ 21 февраля минувшаго года постановили, дабы вскорѣ имѣющій состояться далматинскій саборъ сначала избралъ своихъ пословъ, которымъ съ соборомъ хорватско-славонскимъ надлежитъ разсмотрѣть вопросъ о соединеніи Далмаціи съ Хорватіей и Славоніей, — того ради васъ призываемъ, дабы вы разсмотрѣли вопросъ о соединеніи Далмаціи съ Хорватіей и Славоніей и о соглашеніи съ далматинскими послами и совмѣстныя рѣшенія по этому предмету поднесли бы для нашего королевскаго подтвержденія. Предоставляя себѣ въ остальномъ, сообразно обстоятельствамъ, сдѣлать вамъ также и другія королевскія предложенія, пребываемъ вамъ нашего императорскою и королевскою милостью благосклонными.

Дано въ нашемъ императорскомъ, престольномъ и столичномъ городѣ Вѣнѣ, въ Австріи, 26 февр. 1861 года. Францъ Іосифъ. Иванъ Мажураничъ. Францъ Жигровичъ - Преточкій. (Šulek, Naše pravice 344—346).

2. Представленіе сабора (сейма) его величеству королю относительно возсоединенія хорватскаго (тріиднаго) королевства, сдѣланное въ 1861 г.

Ваше императорско-королевское апостольское величество, король и государь нашъ милостивый! Хорватско-славонскій саборъ, созванный послѣ двѣнадцатилѣтняго неуставнаго времени въ главномъ городѣ Загребѣ, не можетъ, къ сожалѣнію, назвать себя инымъ именемъ, кромѣ того, которымъ уже въ теченіе двухъ вѣковъ часто называли себя его предшественники: «*nos reliquiae Regnorum Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae*».

Съ прискорбіемъ мы именно замѣчаемъ, что вопреки столькимъ заявленіямъ и обѣщаніямъ высочайшихъ предшественникамъ вашего величества, вопреки установленному и естественному праву, въ этомъ саборѣ нѣтъ представителей изъ одной половины королевства Хорватскаго и Славонскаго и изъ цѣлаго королевства Далмаціи.

Чѣмъ же провинилась эта большая часть народа нашего и вѣрноподданныхъ вашего величества, что не смѣютъ принимать рѣшеній совмѣстно со своими братьями, относительно общей ихъ судьбы? Ваше величество! Въ той половинѣ Хорватіи и Славоніи, которая исключена изъ нашего соборнаго совѣщанія и уже въ теченіе трехъ вѣковъ, полна бѣдствій и рабства, тамъ народъ находится подъ ружьемъ и проливаетъ рѣками свою кровь за домъ и престолъ вашего величества и за оборону имперіи для Европы. Такова его заслуга! Хорватско-славонская окраина, стоя подъ ружьемъ днемъ и ночью, живя въ безпрестанномъ осадномъ положеніи безъ гражданскихъ правъ, является далеко отсталою въ развитіи своихъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ, и даже съ каждымъ днемъ все болѣе гибнетъ отъ уменьшенія народонаселенія и возрастаетъ въ нищету.

Такова ея награда! Наука, искусство, промышленность, торговля, разумное земледѣліе, все это можетъ быть извѣстно лишь по имени въ краѣ, который постоянно чувствуетъ надъ своей головою мечъ.

Ваше величество! Всѣ эти огромныя и безпримѣрныя жертвы народъ нашъ приносилъ съ радостью, покуда отечеству и престолу вашего величества угрожала гибель отъ заклятаго врага христіанства. Теперь, когда эта опасность миновала, важно и справедливо, чтобы увѣнчанный славою и покрытый ранами герой отдохнулъ и чтобы отнынѣ онъ сталъ съ иными просвѣщенными народами подвизаться на полѣ всяческихъ гражданскихъ доблестей.

Свѣтлая корона! Прадѣды нынѣшнихъ пограничныхъ хорватовъ засѣдали въ 1527 и 1712 г. в Цетинѣ и Загребѣ, и тамъ, съ остальными своими кровными и уставными братьями возводили твоихъ славныхъ предшественниковъ и предшественницъ на престолъ хорватскій: Далмаціи, Хорватіи и Славоніи.

Они участвовали на нашихъ саборахъ еще при блаженной памяти королевѣ Маріи Терезіи.

Въ 1848 году также собрались въ единомъ саборѣ, чтобы обсудить, какъ спасти монархію отъ гибели.

Ваше величество! Развѣ вѣрность, преданность и приверженность хорватско-славонской окраины къ престолу вашего величества была бы меньше, если бы она имѣла участіе въ нашемъ саборѣ? Нѣтъ, ни исторія ни самая суть дѣла не доказываетъ этого. Свободный народъ есть прочнѣйшая и неколебимѣйшая основа королевскаго престола.

Поэтому—да будетъ намъ позволено заявить отъ чистаго сердца—стало такъ горько на душѣ у вѣрнаго хорватскаго народа, когда онъ узналъ, что благородное сердце вашего величества, которое дипломомъ отъ 20 октября 1860 и повелѣніями отъ 26 февраля с. г. всѣмъ землямъ своей пространной монархіи объявило и возвратило уставную свободу, но при этомъ забыло единственно о военной окраинѣ (границѣ), которая заслужила эту свободу своею кровью, и даже на оборотъ, высочайшимъ рескриптомъ отъ 21 февраля с. г. на имя бана тріединого королевства барона Иосифа Шокчевича у ней нарочно отнять самыя потребности, желанья и надежды.

Ваше величество! Эти мрачныя вѣсти, эти прискорбныя рѣшенія тѣмъ болѣе поразили весь хорватскій народъ, что ваше величество неоднократно изъявили готовность передъ цѣлымъ свѣтомъ, что хорватско-славонская окраина есть нераздѣльная часть королевства Хорватскаго и Славонскаго, что всѣ подданные вашей обширной державы должны одинаково нести воинскую повинность, и что различія, существующія между пограничными частями этого государства, должны уравниваться и всѣмъ имъ необходимо обезпечить пользованіе одинаковыми правами. Одинаковыя обязанности должны влечь за собою одинаковыя права.

На основаніи этихъ словъ и заявленій вашего величества, для геройской пограничной области, на которую возложена наитягчайшая обязанность, обязанность жертвовать ежечасно жизнью за своего монарха, должны бы широко открыться сеймовыя врата (тріединого) хорватскаго королевства.

Въ области хорватской границы лежитъ приморскій городъ Сень.

Ваше величество! Городу Сеню удѣлены издавна всѣ тѣ льготы, которыми пользуются остальные свободные королевскіе города въ нашемъ отечествѣ. Эти льготы подтверждены многими предшественниками вашего величества, какъ особыми повелѣніями.

ми, такъ и рѣшеніями хорватско-венгерскихъ саборовъ, такъ, напр., статьей 12 собора 1608; 23—1630; 42—1638; 50 и 57—1647, 32—1649; 69—1655; 96—1659; 77—1681; 128—1715; 57—1741; 39—1751; 60—1790; 11—1802 и хорватскихъ саборовъ ст. 10—1827; 39—1845 и 23—1848.

Но эти льготы, которыя городъ Сень добылъ вѣрностью и храбростью, остаются мертвою буквою съ тѣхъ поръ, какъ онъ подчиненъ управленію крутой военной власти. Съ той поры городъ Сень, котораго сама природа, давъ ему съ одной стороны плодородныя поля, съ другой—открывъ ему синее море, предназначила къ мореплаванію и торговлѣ, въ судоходствѣ и въ торговлѣ, а, слѣдовательно, и въ благосостояніи, не только не идетъ впередъ, но двинется вспять, и въ то время, какъ тѣ приморскіе города, которымъ удѣлено самоуправленіе, движутся впередъ, г. Сень ежедневно все болѣе упадаетъ.

Г. Сень можетъ надѣяться на лучшую будущность, если ваше апостольское величество, подтвердивши инструкціи объ устройствѣ хорватско-славонскихъ муниципій, предложенныя послѣ банской конференціи, изволить постановить ст. 19: «чтобы королевскій свободный городъ Сень имѣлъ право представительства, съ правомъ засѣданія и голоса въ скупщинахъ рѣчской жупаніи».

Но та самая власть, которая такимъ неусыпнымъ окомъ бдѣетъ надъ Сенею, до сихъ поръ умѣла препятствовать осуществленію его законныхъ правъ. А чтобы аномалія была еще болѣе значительна, пустивъ представителей города въ хорватско-славонскій саборъ, велѣли имъ принять и ввести общинный законъ отъ 7 ноября 1860 г., написанный для Границы. Такимъ образомъ, представители г. Сени на саборѣ хорватско-славонскомъ судятъ о законахъ, которые не должны были бы связывать ни ихъ самыхъ, ни ихъ согражданъ!

Ваше величество! Королевство Далмація съ Кварнерскими о-вами издревле была неразлучною сестрою Хорватіи и Славоніи. Она полна лучшихъ воспоминаній славнаго прошлаго Хорватіи.

Славные предшественники вашего величества добыли Далмацію на основаніи того же самаго права, по которому владѣютъ Хорватіей и Славоніей, и обязались однимъ и тѣмъ же двухстороннимъ договоромъ охранять цѣлость хорватскаго (тріединого) королевства, а искалѣченное исцѣлять въ возможно скорое время. Съ тѣхъ поръ право нашего народа на цѣльность нашей земли ни мало не устарѣло.

Послѣ столькихъ стремленій и просьбъ, принесенныхъ въ теченіе этого времени въ хорватско-венгерскихъ и хорватско-славонскихъ саборахъ, наконецъ, ваше величество, многократно словесно и письменно изъявили желаніе соединить королевство Далмацію съ Хорватіей и Славоніей, а что наиболѣе придаетъ надежды хорватско-славонскому сабору, это собственноручный рескриптъ вашего величества отъ 26 февраля минувшаго года, гдѣ указано упомянутое соединеніе и только починъ соединенія предоставляется договору этого сабора съ далматинскими представителями.

На отеческое пожеланіе вашего величества и на зовъ своихъ единоплеменныхъ братьевъ прежде всего отозвались славный Дубровникъ и героическій Которъ. Оба эти города съ прилежащими къ нимъ округами, составлявшіе нѣкогда независимыя области, высказались за соединеніе, но это было противъ намѣренія и желанія двухъ другихъ округовъ собственной Далмаціи.

Достиженію этого соединенія противились, къ сожалѣнію, тѣ, отъ кого могли бы менѣе всего ожидать этого и король, и его вѣрноподданные.

Ваше величество! Кромѣ нѣсколькихъ итальянцевъ и поитальянченныхъ, которыхъ сердце влечетъ въ иную сторону, главными противниками правъ хорватскаго народа были и являются теперь сами органы правительства вашего величества. Неслыханная вещь, но истинная! Честные и вѣрные подданные вашего величества, искренніе друзья своего отечества и народа, преслѣдуемы, изгоняемы, ввергаемы въ темницы единственно ради того, что настаиваютъ на исполненіи королевскаго слова и на соединеніи того, что соединило установленное и естественное право.

Послѣ этого не удивительно, что при подобномъ несправедливомъ избирательномъ законѣ, какой существуетъ въ Далмаціи. Дубровникъ и Которъ, при бюрократическомъ гнетѣ, непріязненные для хорватскаго народа интриги и всяческія насилія въ виду самаго сейма, пришли на руку противникамъ соединенія, и они въ самомъ (далматинскомъ) сеймѣ достигли большинства.

Свѣтлая корона! Такъ какъ ваше величество владѣете Далмаціей на основаніи договоровъ 1517 и 1712 годовъ, такъ какъ Далмація, по историческому праву, есть часть тріединого коро-

левства, вы навѣрное не захотите отказаться отъ слова, да н а г о сему хорватско-славонскому сабору и основанному на упомянутыхъ договорахъ и трудахъ.

Ваше величество! Сей саборъ такъ увѣренъ въ томъ, что укрѣпленіемъ и упроченіемъ тріединого королевства укрѣпляется и упрочается престолъ вашего величества на всемъ югѣ Европы, что рѣшается представить на благоусмотрѣніе вашего величества слѣдующее предложеніе: было бы хорошо осуществить права тріединого королевства на иныя пограничныя страны ибо это связано съ интересами вашего высокаго дома.

Къ Хорватіи нѣкогда принадлежала Метличская окраина (Metlička), часть Штаерской (Штирії) по ту сторону Сутлы, нѣкоторая часть Загорской жупаніи; также значительная часть Истріи.

Первый далматинско-хорватско-славонскій король изъ высочайшаго дома вашего величества, Фердинандъ I, провозгласилъ, что желаетъ въ удобное время возстановить Хорватію въ этихъ предѣлахъ, когда эти части уже были присоединены къ наслѣдственнымъ австрійскимъ землямъ: *«Concernenter unionem patriarum Austriacarum et Croatiae Majestas sua respondet, quod nunc propter ingens negotiorum sarcimen super illa in praesenti deliberare nequeat, sed congruo tempore deliberabit»*. (Касательно воссоединенія австрійскихъ частей съ Хорватіей его величество отвѣтилъ, что теперь, вслѣдствіе множества дѣлъ, не можетъ объ этомъ разсуждать, но въ удобное время обсудить).

Это обѣщаніе до-сихъ-поръ не выполнено, но этотъ хорватскій саборъ надѣется, что ваше величество захотите его исполнить, насколько это дозволяютъ существующіе до сихъ поръ международные договоры, насколько они касаются этихъ австрійскихъ предѣловъ.

Ваше величество! По ту сторону рѣкъ Уны и Савы живутъ народъ, который никогда не раздѣлялъ судебъ хорватскаго (тріединого) королевства, но не только по своему прошлому, а также по географическому положенію и единокровности долженъ раздѣлять наши судьбы въ будущемъ.

Когда мы тамъ начнемъ сокрушать то, что не основано ни на правдѣ ни на томъ, что служить основой остальныхъ христіанскихъ державъ, тогда ваше величество стяжаете великія заслуги въ пользу нашего народа, человечества и вашего дома; тогда нить народной и династической политики, отъ которой, къ сожалѣнію, отступили съ нѣкотораго времени, опять возобновится

тамъ, гдѣ была прервана и соединить то, что по праву исторіи и по природѣ должно было бы быть соединено.

Ради этого, хорватско-славонскій саборъ приступаетъ въ настоящую минуту къ престолу вашего величества съ униженной мольбою, дабы ваше величество изволили какъ можно скорѣе милостиво повелѣть: чтобы хорватско-славонская Граница послала на нашъ нынѣшній саборъ, по свободному почину, на основаніи избирательнаго закона 1848 года, своихъ избранныхъ представителей и чтобы стародавній уставъ хорватско-славонскій распространился теперь же на эту Границу; чтобы г. Сѣнь неотложно былъ избавленъ отъ военной власти и устроился какъ свободный городъ на основаніи устава; наконецъ, чтобы согласно обѣщанію, королевство Далмація съ Дубровникомъ и Которомъ, а также Кварнерскіе острова соединились съ королевствомъ Хорватскимъ и Славонскимъ.

Ваше величество! Нашъ нынѣшній (земскій) саборъ долженъ рѣшить столько важныхъ предметовъ, что справедливо можетъ быть поставленъ на ряду съ соборами 1527 и 1712 годовъ. За то, чтобы потомство не могло осудить его, необходимо и должно, чтобы въ немъ было представительство всего народа всего тріединого королевства.

Сей (земскій) саборъ съ неограниченнымъ довѣріемъ приступаетъ къ престолу вашего величества, такъ какъ убѣжденъ, что милостивый король, который является достойнымъ преемникомъ оцѣнить жертвы, принесенныя за него народомъ тріединого королевства, и выслушаетъ его законныя и праведныя мольбы, а этимъ снискаетъ въ ихъ сердцахъ живой залогъ довѣрія и непоколебимой вѣрности. Въ Загребѣ, день 1 мая 1861 г. Вашего священнаго величества покорнѣйшіе всегда вѣрные подданные. Саборъ тріединого королевства Далмаціи, Хорватіи и Славоніи (Šulek, — Naše pravice str. 363).

На этотъ адресъ послѣдовалъ королевскій отвѣтъ, отъ 9 мая 1861 г., въ которомъ военной Границѣ дозволено отправить пословъ на саборъ тріединого королевства.

3. Изъ адреса сейма тріединого королевства въ отвѣтъ на королевскіе рескрипты отъ 26 февраля, 12, 14 и 27 марта 1861 г.

«Справедливыя и законныя стремленія тріединого королевства встрѣтили отпоръ въ мадьярской централизациі, которая прежде всего въ законахъ сабора 1847—8 годовъ получила свою гибельную для самостоятельности и народности тріединого королевства основу. За то народъ тріединого королевства никогда и не при-

знавалъ этихъ законовъ, но на основаніи своего государственнаго права, находящагося подъ покровомъ всеобщей европейской свободы, устроилъ свою государственную жизнь на ширскихъ началахъ. Роковой для государствъ и престоловъ 1848 годъ и послѣдовавшая за нимъ въ Австріи десятилѣтняя эпоха абсолютизма такъ измѣнили государственно-правовыя отношенія тріединого королевства, такъ разрушили и подкопали до основанія всѣ учрежденія, уже сросшіяся издавна съ жизнью народа тріединого королевства, такъ сократили государственное право этихъ королевствъ, что нѣтъ словъ, которыми бы мы выразили безмѣрное сожалѣніе и печаль, овладѣвшую нами, когда мы увидѣли, что насъ самовластно лишили нашего стариннаго, подтвержденнаго столькими и столь славными двухсторонними договорами устава и ввергли въ ту злополучную систему абсолютизма, который все у насъ отнялъ, что намъ мило и любо, все, что намъ было наиболѣе свято, убилъ насъ матеріально и морально и довелъ насъ до того, что скоро угаснетъ послѣдняя искра довѣрія, которое народъ нашъ питалъ всегда по отношенію къ своему королю».

Далѣе заявляется формальный протестъ (prosvjed) противъ самовластнаго нарушенія устава и саборъ заявляетъ, что ограждаетъ себя противъ всякихъ послѣдствій этого нарушенія.

4. Изъ рѣчи А. Старчевича 26 іюня 1861 года.

«Независимость, самостоятельность порою высказывается несомнѣнно въ осуществленіи верховнаго права, на основаніи котораго народъ избираетъ правителя, а также въ правѣ вести войну. Фердинандъ І Габсбургъ не предлагая нашимъ отцамъ, чтобы они шли договариваться съ венграми, прямо послалъ къ хорватамъ своихъ пословъ хлопотать о томъ, чтобы его выбрали королемъ, и хорваты, не спрашивая никого, выбрали его. Габсбургъ не приглашалъ хорватовъ договариваться съ венграми по поводу того, могутъ ли напасть на Ивана Запольшю.... Точно также ни мало не сомнѣвались въ независимости нашего отечества, когда велась война противъ Бочкая, Бетленъи, Текели, Ракоція и противъ мятежа 1848 года? Не сомнѣвались также Габсбурги въ полнѣйшей и законнѣйшей самостоятельности нашего отечества, когда настаивала чтобъ хорваты безъ договора съ Венгріей, признали Габсбурговъ женскаго колѣна (въ силу прагматической санкціи) своими законными королями? Избраніе Габсбурговъ нашими королями было принято сеймомъ нашего королевства, въ эпоху

междоусобицъ, когда народъ управлялъ самъ собою. А послѣ того про права наслѣдованія были распространены на Габсбурговъ женскаго колѣна, и всѣ войны противъ Венгріи были объявлены сеймами нашего королевства—сеймами, о законности которыхъ у нашихъ королей не было и малѣйшаго сомнѣнія. Если бы Австрія сомнѣвалась въ законности отношеній хорватовъ къ Венгріи, если бы она не признавала законной самостоятельности и независимости нашего отечества, она бы этимъ явно доказала, что Габсбурги сидятъ незаконно на престолѣ королевства хорватскаго, такъ какъ кромѣ хорватовъ никто не давалъ имъ этого престола и никто ихъ на этомъ престолѣ не поддерживалъ. Если бы Габсбурги — Фердинандъ I и Карлъ III рассматривали Хорватію какъ часть Венгріи, то съ какой стати они настаивали бы у нашихъ отцовъ чтобы тѣ признали ихъ и ихъ дѣтей своими королями?... Австрія знаетъ, что Габсбурги царствуютъ единственно на основаніи свободнаго избранія ихъ хорватами, что Габсбурги подтверждали сеймовыя рѣшенія безъ всякаго договора съ Венгріей, и что даже въ ихъ царствованіе хорватскіе сеймы законнѣйшимъ образомъ объявляли войны Венгріи, съ подтвержденія самихъ Габсбурговъ; Австрія знаетъ это все, знаетъ это и весь свѣтъ, знаемъ и мы. Почему же Австрія не скажетъ, какъ и почему Хорватія стала прикрѣпленной къ Венгріи? А потому, что если бы она заявила это, то тѣмъ самымъ сказала бы во всеуслышаніе передъ всѣмъ міромъ, что Габсбурги утратили всякое право на наше отечество, а это потому, что получили его отъ нашего народа свободнымъ и независимымъ а потомъ противъ договора и присяги сдѣлали его подданнымъ чужой земли.

Австрія знаетъ, что правитель, который предаетъ народъ безъ его вины, въ рабство или измѣняетъ ему, перестаетъ быть правителемъ, а становится узурпаторомъ.

5. Изъ рѣчи А. Старчевича на сеймѣ въ засѣданіи бывшемъ въ 1866 г. 27 января.

Господа, я желаю высказать вамъ свою политическую точку зрѣнія. Говорю вамъ, что кромѣ исторіи, кромѣ жизни я ничего не признаю за вѣрную и прочную основу политики.... Но съ этой моей точки зрѣнія, во имя нашей 340 лѣтней исторіи подъ австрійскимъ владычествомъ, я скажу что, Австрія вездѣ одна и таже. Она не измѣнялась и не измѣняется и я вамъ скажу, во имя исторіи, что подобныя Австріи деспотическія державы не улучшаются, а гибнутъ. Въ минуты опасности, всякій шагъ ея

правительства отзывается обманомъ, по минованіи опасности каждый шагъ ея является низкимъ мщеніемъ. Во время гибели, она кроткій агнецъ, съ которымъ можно сдѣлать, что угодно; послѣ опасности этотъ агнецъ превращается въ бѣшеннаго волка, который давитъ все, что попадется ему на пути, и перестаетъ давить только тогда, когда увидитъ, что надо оставить въ покоѣ, чтобы содрать денегъ или же заставить себѣ рабствовать. Пока Австрія внѣ опасности, въ ней тяжелѣе всего тому, кто ей болѣе всего сдѣлалъ добра. И въ этой палатѣ и внѣ ея мы слышали сѣтованія, что насъ хорватовъ, мало, что мы бѣдняки и розрознены. Это истина. Но кто во всемъ этомъ виновать, кто намъ причинилъ все это и кто теперь все это дѣлаетъ? Кто иной, какъ не Австрія. Докажите мнѣ, что турокъ сдѣлалъ нѣчто подобное въ тѣхъ земляхъ, которыми онъ овладѣлъ съ помощью оружія? Укажите мнѣ хотя на одинъ грѣхъ хорватскаго, народа? Я не хочу сказать, противъ династіи Габсбурговъ, но хотя бы противъ самой вашей Австріи? Укажите мнѣ господа, тогда и я въ ту же минуту перейду на вашу сторону! (Восклищанія: живіо!) Когда вы вопите противъ неволи хорватской, когда вы ищете средствъ противъ нея, противъ прошедшаго и настоящаго, и въ тоже время заступаетесь за Австрію, то вы поступаете такъ, какъ если бы сказали: волкъ терзаетъ овецъ, поэтому волка надо сдѣлать пастухомъ!

Я слышалъ, что меня называютъ упрямымъ, какъ если бы я не хотѣлъ уговариваться не только съ Австріей, но ни съ однимъ правительствомъ, которое не Богъ знаетъ какъ свободолюбиво. Это мнѣніе объ мнѣ совершенно не основательно. Если бы кто-нибудь сегодня спросилъ меня: хочешь ли уговариваться съ Россіей? Я бы сказалъ: хочу, господа! Почему? Потому, что знаю, что есть земля, по имени Финляндія, есть земли и у Балтійскаго моря, которыя подпали подъ власть Россіи, имѣя свои особыя мѣстные права. Эти права Россія признала, хотя вовсе не было обязана сдѣлать этого: и до сихъ поръ ни мало не сократила и не урѣзала ихъ ¹⁾).

Вы скажете, что Россія урѣзала польскую конституцію. Это правда. Но Россія можетъ сказать, что, вѣдь, поляки бунтовали

¹⁾ А если и сокращала, то развѣ незаконныя привилегіи меньшинства, угнетавшаго массу населенія, какъ напр. привилегіи прибалтійскихъ бароновъ и литератовъ, т. е. горсти нѣмцевъ, угнетавшихъ коренное населеніе эстовъ и латышей. Австрія же всегда поступала обратно угнетая большинство въ пользу меньшинства.

противъ нея и она покарала ихъ за мятежъ. Но во всякомъ случаѣ, Россія не попирала международнаго права ни одной изъ своихъ народностей; ей святы эти права, хотя ее не связываютъ писаніе уговоры и въ большей части случаевъ у нея вовсе нѣтъ никакихъ договоровъ съ своими подданными. У насъ хорватовъ совсѣмъ не то.

Пусть меня спросить кто либо: желаешь ли договариваться съ Пруссіей? Хочу. Почему? Потому что, съ начала XVII вѣка, Нефшательскій кантонъ избралъ прусскую династію своими правителями. Этотъ кантонъ сохранилъ свои права и свою самостоятельность: Пруссія никогда ихъ не нарушала. Десять лѣтъ тому назадъ Нефшатель отдѣлился отъ Пруссіи безъ замѣшательства и затрудненій, отдѣлился такъ же, какъ и присоединился. И то, и другое зависело отъ его свободной воли.

Пусть меня спросятъ, хочешь ли договариваться съ Франціей? Я скажу — хочу. Почему? Потому что знаю, что въ Пиринеяхъ есть республика Андора, которая, по уговору съ Франціей, сохранила свою самостоятельность, и даже Франція ограждала ее отъ Испаніи... Но чтобы слишкомъ не трудиться спросите меня, желаю ли я уговариваться съ Турціей? (Смѣхъ) Я скажу: хочу господа. Почему? Потому, что знаю, что около 500 лѣтъ подъ владычествомъ турокъ находятся Придунайскія княжества и я знаю, что Турція ни разу не нарушила права этихъ земель: тамъ были перевороты, бунты, которые турки подавляли, но народу всегда сохраняли договорныя права и его самостоятельность...

И такъ, господа, я готовъ договариваться со всякимъ правительствомъ, но не съ тѣмъ, которое заключаетъ договоры лишь для того, чтобы тотчасъ попрасть ихъ,—которое ни на словахъ, ни въ присягѣ не думаетъ ни о чемъ другомъ, какъ только о томъ, чтобы осквернить клятву и богохульствовать.... Я не хочу договариваться съ правительствомъ, для котораго ничто не свято, кромѣ собственной корысти».

Б) Письмо барона Г. Рукавина 1889 года.

Намъ доставлена копія письма барона Георгія Рукавина, предсѣдателя клуба хорватской партіи государственнаго права къ графу Эгберту Белькреди. Помѣщаемъ этотъ любопытный документъ, лишь съ небольшими сокращеніями.

Эгберту графу Белькреди.

Въ отвѣтъ на ваше письмо, честь имѣю заявить, что я за-

нимаю не только въ Хорватіи, но и во всей монархіи среди дворянства изолированное положеніе, такъ какъ мои политическія убѣжденія прямо требуютъ возстановленія историческихъ и естественныхъ правъ хорватскаго народа.

Въ легитимной монархіи, на подобіе нашей, созданной изъ нѣсколькихъ индивидуальностей, должна каждая отдѣльная часть пользоваться полной равноправностью. Но большинство индивидуальностей въ нашей монархіи лишено своихъ историческихъ и естественныхъ правъ, въ числѣ ихъ и хорватскій народъ. Мы, хорваты, стонемъ подъ чужимъ гнетомъ: каждый пришелецъ можетъ здѣсь лучше охранять свои интересы и живетъ ему свободнѣе, чѣмъ намъ, хорватамъ.

Вы изволили упомянуть о задачахъ дворянства. Дворянство имѣетъ въ нынѣшнія времена лишь въ томъ случаѣ значеніе, если оно не чуждается своего народа, охраняя его обычаи, достоинство и интересы—иначе дворянство только лишняя каста или историческій анахронизмъ.

Ваше превосходительство состоите членомъ чешской аристократіи, по крайней мѣрѣ, я васъ такимъ считаю, иначе бы вамъ не отвѣчалъ, и я вѣрю, что вы желаете (?) восполнить приведенныя условія существованія дворянства, но что не имѣли до сихъ поръ случая осуществить это желаніе.

Хорваты, словинцы, чехи, русскіе, словаки и румыны занимаютъ въ монархіи очень незавидное положеніе: они подвержены постоянному угнетенію и насилію, пользуются только тѣнью какой-то лже-конституціи, а, главное, не имѣютъ достаточно людей, готовыхъ рѣшительно воспротивиться угнетенію. Вотъ вамъ и прекрасная, естественная задача дворянству: быть блюстителемъ правъ и интересовъ каждой отдѣльной народности! Только тутъ недостаточно сидѣть въ мягкомъ фотелѣ, или проявлять слѣпую «лояльность» въ ожиданіи вознагражденія—тутъ нужно пуститься въ тернистое поле труда и борьбы!

Хуже всего, что эти угнетаемыя національности не могутъ надѣяться на улучшеніе своей участи безъ потрясенія монархіи, такъ какъ она теперь состоитъ въ тѣсномъ союзѣ съ ея естественнымъ и историческимъ врагомъ, съ германской имперіей, которая не выбираетъ средствъ, чтобы удовлетворить свой ненасытный аппетитъ. Но это обстоятельство не смѣетъ заставить васъ опустить руки, а, напротивъ, должно ободрять насъ къ борьбѣ, тѣмъ болѣе, что, слава Богу, и мы не одиноки въ мірѣ.

Есть Франція, эта самая культурная въ мірѣ нація, оказавшая уже не разъ громадныя услуги человѣчеству; есть могуще-

ственная Россійская Имперія, съ самой благородной и благочестивой династіей во главѣ, оказавшая благодѣянія какъ другимъ народамъ, такъ и другимъ династіямъ...

Мои политическіе единомышленники еще во-время, уже давно, желали (а можетъ быть еще и теперь не поздно), чтобы наша монархія вступила въ союзъ съ этими двумя міровыми факторами. Мы и теперь желаемъ пріобрѣсти ихъ симпатіи, особенно же симпатіи единоплеменной Россіи. Если насъ, членовъ хорватской партіи права, и называетъ кое-кто изъ злобы «нелояльными» или подобно д-ру Ригеру говоритъ, что наши взоры обращены внѣ нашей монархіи, то не стоитъ обращать вниманія на такія слова. Мы, т. е. партія права, можемъ и желаемъ показать Россіи, что мы не предатели своего народа и отечества, а его защитники.

Наша монархія вошла уже въ столь васальное отношеніе къ Германіи, что въ Хорватіи конфискують, штрафуютъ и противозаконно прекращають органъ «Нерватска» (Хорватія) нашей партіи потому, что онъ отмѣчаетъ безстыдство и хищность Германской имперіи, поскольку это возможно во время насилія, своеволия, беззаконія, какое царствуетъ нынче у насъ въ Хорватіи («День», № 493, 1889 г.). Къ стр. 16. Рукавина.

В) Отношеніе словинцевъ

къ государственному праву хорватовъ.

Изъ того, что сказано въ различныхъ мѣстахъ нашей книги о территоріальныхъ границахъ соотвѣтствующихъ государственному праву хорватовъ, становится яснымъ, что словенцы въ этнографическомъ и въ политическомъ отношеніи являются составною частью хорватскаго народа, хотя достаточно прочесть тоже историческое изслѣдованіе Кватерника подъ заглавіемъ: «Јавно ili deržavno pravo Нерватаh» (Нгват g, 1868. str. 218—284), чтобъ этотъ вопросъ былъ вполне ясенъ.

«Въ этомъ отношеніи между хорватами и словенцами существуетъ полнѣйшая солидарность. Притягательная сила между этими двумя племенами доходитъ до того, что словенцы мечтають объ одномъ общемъ съ хорватами литературномъ языкѣ». (См. Одесск. Славян. Сборн.).

Общность государственно-правовых интересов словенских и хорватских потерпѣла огромный ущербъ, благодаря системѣ австрійской и дуализму. Гнетъ австрійскаго полицейскаго государства, подъ давленіемъ котораго происходятъ выборы въ областныя сеймы, весьма тяжело палъ на словенцевъ, у которыхъ до-сихъ-поръ еще не образовалось сколько-нибудь вліятельной партіи, которую можно было бы сравнить съ хорватскою партіей права. Однако, въ послѣднее время и у словенцевъ замѣчается поворотъ къ лучшему. Такъ напр. издающійся въ Люблянѣ журналъ «Словански Светъ», вступившій въ третій годъ своего существованія и первоначально отстаивавшій лишь этнографическій принципъ (народную автономію словенцевъ) теперь стоитъ на государственно-правовой точкѣ зрѣнія, открыто проповѣдуя необходимость политическаго объединенія словенцевъ съ хорватами. Значительное вліяніе на словенцевъ оказала, въ этомъ случаѣ, исторія злополучнаго чешско-нѣмецкаго соглашения. Наиболѣе смѣлый защитникъ правъ словенскаго народа, депутатъ рейхстата Грегорецъ (хотя и числящійся въ составѣ правой, ядро которой составляютъ польскіе паны и старочехи) произнесъ замѣчательную рѣчь, въ которой уже прямо высказалъ болѣе широкій взглядъ на такъ назыв. народную автономію, расширивъ ее до понятія политической самостоятельности подъ покровомъ хорватскаго права. Между прочимъ, ораторъ сказалъ: «Хорваты имѣютъ свое государственное право, съ которымъ находятся въ связи и земли обитаемыя словенцами, и это въ силу прагматической санкціи, которую принялъ хорватскій сеймъ въ 1712 г., стало быть на 10 лѣтъ раньше венгерскаго. Въ этомъ государственномъ актѣ выражено, что только тотъ потомокъ Габсбургской династіи долженъ быть признаваемъ законнымъ королемъ Хорватіи, Далмаціи и Славоніи, который въ то же время является властелиномъ земель Штаерской, Краньской и Кюрошки (Штиріи, Краины и Хорутаніи». Но словенскою народностью австрійскіе ученые также съумѣли воспользоваться для своихъ цѣлей—раздробить хорватовъ именемъ и нарѣчіемъ. Но уже въ 1884 г. видимъ извѣстнаго дѣятеля словенскаго, Тавчара, который по случаю чествованія «Кола» заявилъ въ Загребѣ, что желательно было бы не говорить объ отдѣльной народности словенцевъ и хорватовъ но объ одной т. е. объ народности хорватской. На это послѣдовалъ торжественный отвѣтъ хорватовъ Фольнеговича подпредсѣдателя партіи право и Dr. Маканца. Остается пожелать, чтобы эта программа политическаго объединенія словенцевъ съ хорватами укрѣпилась въ сознаніи всего словенскаго народа. (Къ стр. 16).

Г) „Русская тайна“.

(Къ стр. 45). Въ своихъ «Горькихъ Воспоминаніяхъ» (Görke ueromene) Евгенъ Кватерникъ излагаетъ, между прочимъ, исторію низкихъ интригъ, затѣянныхъ противъ него партією Штроссмайера и Мажуранича. Слѣдуетъ пояснить, что о Кватерникѣ былъ пущенъ его врагами слухъ, будто онъ, въ бытность свою въ Россіи, пользуясь довѣріемъ русскаго правительства, добылъ весьма важную «тайну», а именно документъ, касающійся палестинскихъ дѣлъ и затѣмъ, будто бы, продалъ этотъ секретъ Австріи, за что и получилъ разрѣшеніе возвратиться на родину. На самомъ дѣлѣ, въ этомъ случаѣ Кватерникъ былъ просто жертвою интриги и клеветы. Вся эта пресловутая исторія съ «русской тайной» сводится къ слѣдующему. Пока Австрія и ея орудія епископъ Штроссмайеръ и т. п. считали Евг. Кватерника «своимъ», они носились съ нимъ, какъ съ любимымъ дѣтищемъ и пытались употребить его, какъ оружіе противъ мадьяръ. Убѣдившись въ томъ, что Кватерникъ не австріецъ, а хорватскій патріотъ, они постарались не только изгнать его изъ отечества, но и бросить тѣнь на его репутацію. Съ этой цѣлью и была придумана «русская тайна». Дѣло въ томъ, что въ Петербургѣ была напечатана въ маломъ количествѣ экземпляровъ брошюрка о русскихъ интересахъ въ Малой Азіи. Кватерникъ имѣлъ неосторожность показывать эту брошюрку Штроссмайеру и другимъ людямъ, честности которыхъ довѣрялъ. Хотя эта брошюра далеко не была государственной тайной и была давно извѣстна на Западѣ, но эта неосторожность Кватерника дала въ руки его враговъ оружіе, которымъ они не замедлили воспользоваться. Нелѣпость обвиненія слишкомъ очевидна, такъ какъ совершенно невозможно допустить, чтобы Кватерникъ, при его взглядахъ на Австрію, сталъ продавать ей русскіе секреты. Если бы онъ даже, въ дѣйствительности, имѣлъ въ рукахъ русскія тайны и былъ бы, къ тому же, человѣкомъ низкаго нравственнаго уровня, то простой расчетъ заставилъ бы Кватерника эксплуатировать свои документы не въ Австріи, а во Франціи или въ Англіи, такъ какъ для Австріи русская политика въ Малой Азіи не представляла особаго интереса. Несмотря на всю неправдоподобность этой клеветы, она, какъ и все дурное, легко нашла вѣру и не только органъ епископа Штроссмайера, но и новосадская «Застава», а вслѣдъ за нею и г. Пыпинъ въ своей «Исторіи Славянскихъ Литературъ» говорили о «сомнительныхъ приключеніяхъ» Кватерника. Безпристрастное разсмотрѣніе этого дѣла выясняетъ, что Кватерникъ

поступалъ дѣйствительно весьма неосмотрительно, довѣряясь людямъ, которые, подъ маскою добрыхъ хорватскихъ патріотовъ, являлись тайнымъ орудіемъ австрійской политики ¹⁾).

По словамъ Кватерника онъ имѣлъ полную возможность убѣдиться въ томъ, что въ Россіи никто не считалъ взглядовъ, изложенныхъ въ упомянутой брошюрѣ, государственной «тайной» и что здѣсь относились вполне равнодушно даже къ обсужденію ихъ въ заграничной журналистикѣ, тѣмъ болѣе, что взгляды автора брошюры давно стали извѣстны всему католическому міру и подобная явная «тайна» не могла быть никѣмъ продана Австріи даже за ломаный грошъ.

Хотя этотъ вопросъ касается, повидимому, только личной репутаціи одного хорватскаго дѣятеля, но мы сочли умѣстнымъ привести и этотъ эпизодъ, дополняющій характеристику пріемовъ, къ которымъ прибѣгала Австрія и ея слуги. Дѣйствительно, можетъ ли быть что либо подлѣе этого: съ одной стороны Австрія обвиняла Кватерника въ продажѣ ея же правительству русской тайны, т. е. выставяла хорватскаго патріота австрійскимъ шпіономъ; съ другой стороны, того же Кватерника выгнали изъ его отечества подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ русскій подданный, причемъ прямо дѣлали намекъ на то, что онъ «мо-

¹⁾ Кватерникъ пишетъ: И с руске стране одлучих одбити сваку и найманю сумню гледи уступа рускога нацрта као каквое «тайне». Будучи да ње баш у оно време сиријско и палестинско питање оружаном посредовањем Францезке, горучим за Еуропу постаяло; дакле ако икада, то сигурно у оном толи осбиљномъ хипу, Русији би било морало животом до тога стајати, да непродје у католички свѣт основа, коју ње, или ако ю ње руска влада сцѣнила каковом тайном свѣту, непознатом:—да будем инди и с руске страни сигуран, што ње држати до оне књижице, у којој се развијају битни интереси Русије у Малој Азији: обратим се у писмом од 12 ружна 1860 изравно на самога писца и сочинителя онога списка: директора, наиме, црноморско - трговачкога паробродарскога друштва, г. Новосильскога у Петрограду. У томъ самъ листу хотице изтакнуо најделикатнија по тайну руско-источну политику мѣста, из књижице церпљена; неби ли тиме потакнуо Русе на признање важности њезина садржаја као тайне каквое, која одкрита могла би прекријати знамените руске основе у светих мѣстима, и да ми се, дослѣдно тому одзовну; што ако не учине, запретих им не с Аустріом, него изравно с Францезком. Уједно ставих Новосильском у рок одговора до 15 листопада 1860—т. г., Али Руси су сами тако мало важности оному својему нацрту давали; дотично тако су се мало лецали, да та тобожня «тайна» у свѣт продре: да пису за сходно држали на мой лист и понуду ни одговорити! Чиме су најясније доказали, да њимъ ње посве равнодушно, ако ја онај спис и путем журналистике обљоданим. Њер су они најбоље знали, да у ње тайне он невреди ни њеднога рубља: кано-ти бивши вечъ католичком у свѣту одавно не тайном. («Hervatska» 1871. № 12).

сковскій агентъ» и ставили ему въ вину «восторженный пріемъ», яко бы оказанный ему въ Россіи славянофилами.

Такъ поступаетъ Австрія и съ отдѣльными людьми, и съ цѣлыми народами.

Д) Нарѣчія хорватскаго языка.

Нѣкоторые «слависты» утверждаютъ, что хорваты, будто бы, приняли литературный языкъ сербовъ и, такимъ образомъ, не имѣютъ своего собственнаго (см. J. Prodan «Обраѣунъ Zadar 1889).

Австріей основанная «южнославянская академія» старалась очень о распространеніи этого утвержденія. Гильфердингъ также пишетъ въ своей книгѣ «Общеславянская азбука»:

«Въ настоящее время хорваты усвоили себѣ, какъ литературный языкъ, нарѣчіе сербское, съ тѣмъ только различіемъ, что они пишутъ его латинскими буквами, тогда какъ сербы употребляютъ русскія... Но хорватскій языкъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. языкъ народа въ Хорватіи (подъ Хорватіей подразумѣваетъ Гильфердингъ провинцію Хорватію). во многомъ отъ него (т. е. отъ литературнаго языка) отличается, Этотъ собственно-хорватскій языкъ дѣлится на два нарѣчія: приморское, такъ называемое чакавское, (по слову ча, замѣняющему что, по сербски што), употребляемое въ Хорватскомъ приморьѣ и на близлежащихъ островахъ, и словено-хорватское, такъ называемое кайкавское, (по слову кай, вмѣсто что), употребляемое въ округахъ Загребскомъ, Вараждинскомъ и Крижевацкомъ, т. е. въ предѣлахъ королевства Хорватіи (Кроаціи)».

При всемъ нашемъ глубокомъ уваженіи къ учености и безпристрастію Гильфердинга, мы вынуждены сказать, что приведенная цитата свидѣтельствуешь о подчиненіи автора предвзятымъ взглядамъ и ложнымъ теоріямъ Вука и славо-сербскихъ писателей. Изъ дальнѣйшаго станетъ ясно, что въ числѣ хорватскихъ нарѣчій есть и чистое штокавское, которое Гильфердингъ признаетъ исключительной собственностью сербовъ, будто бы надѣлившихъ хорватскій народъ своимъ литературнымъ языкомъ.

Съ другой стороны «австрійскій славистъ» Ягичъ, отрицаетъ Кайкавщину, какъ хорватское нарѣчіе этой части хорватовъ, гдѣ всегда народъ свой языкъ *хорватскимъ* называетъ: «отъ Дравы подлѣ Питомачи черезъ Вировитицу и Бѣловаръ до Цирквеной, подлѣ Капелы до Лупоглавы; отсюда идя изъ Иванича Мославиною до села Лонья и Ясеновца на Савѣ, затѣмъ Савою до Петриньи и Купою до Карловца, отсюда къ сѣверозападу черезъ

Драганичъ, Крашичъ, Ястребарско, пока обойдя Жумберакъ, не дойдемъ до Драги въ Краинѣ». Таковы, по Ягичу, границы *кайкавинны*, которые намѣчены здѣсь точнѣе, чѣмъ у Гильфердинга, но приблизительно въ тѣхъ же предѣлахъ. Гораздо труднѣе опредѣлить границы между *чакавинной* и *штокавинной*—а это и является главнымъ источникомъ путаницы, допущенной напр. Гильфердингомъ. Сверхъ того, необходимо замѣтить: 1) что *чакавина* въ старину была гораздо распространеннѣе чѣмъ теперь и, быть можетъ, захватывала всю область нынѣшней *штокавинны*; 2) что филологическая наука слишкомъ мало занималась *чакавиной* и ея нынѣшнія границы опредѣлены весьма неточно; 3) что такъ называемая *штокавина*, въ свою очередь, раздѣляется на весьма различныя между собою поднарѣчія: такъ называемое *икаевское* съ преобладаніемъ звука *и*, *экаевское* съ преобладаніемъ звука *э*, *іекаевское* съ преобладаніемъ звука *іе* или *йе*. Преобладаніе звука *и* или *икавина* встрѣчается и у *чакавцевъ* (подобно тому какъ малорусское мягкое *і* соотвѣтствуетъ великорусскому *ѣ*). Обыкновенно принято утверждать, что въ Истріи, во всемъ хорватскомъ Приморьѣ, на кварнерскихъ и нѣкоторыхъ далматинскихъ островахъ господствуетъ *чакавина*, тогда какъ въ Далмаціи и на иныхъ островахъ взяло верхъ нарѣчіе *штокавское*. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить: что Далмація, а по всей вѣроятности и нынѣшняя Черногорія и Дубровникъ были раньше не *штокавскими*, а *чакавскими*; обратно, въ хорватскомъ приморьѣ, гдѣ обыкновенно предполагаютъ господство одной *чакавинны*, встрѣчаются и чистые *штокавцы*. Наболѣе распространена *штокавина* въ южной Венгріи, Сербіи, Славоніи, бывшей Хорватской Военной Границѣ, Босніи, Герцеговинѣ, Турецкой Хорватіи, Далмаціи и Черногоріи.

Для нашихъ читателей, знающихъ уже, что нынѣшняя Далмація, Дубровникъ, Боснія и Герцеговина затѣмъ и Славонія между Савой и Дравой—все это исконныя хорватскія земли, станетъ яснымъ изъ одного этого перечисленія, что считать *штокавинну* исключительною принадлежностью сербовъ можно лишь по незнакомству съ исторіей или ради предвзятой тенденціи, которою руководствовались напр. Вукъ¹⁾, Копитаръ, Миклошичъ. Шафарикъ, Ягичъ и пр. Болѣе правильны сужденія серба Даничича, который старался доказать, что сербы и хорваты составляютъ одинъ народъ (что невѣрно) и на этомъ основаніи отвергали рѣзкія раздѣленія между *штокавинной* и такъ называемыми «собственно-хорватскими» нарѣчійми (и поступалъ правильно).

¹⁾ О привязанности В. къ деньгамъ см. Кочубинскаго «Нач. г. русс. славя».

Вполнѣ правильный взглядъ на этотъ вопросъ высказываетъ Брозъ, замѣчающій въ своихъ «Crtice» (часть I, 163 и слѣд.), что было время, когда штокавщину считали сербской, а кайкавщину словенской, увѣряя, что кайкавцы — похорваченные словенцы ¹⁾. Выходило, что на долю хорватовъ остаются одни чакавцы, и по ихъ малочисленности, можно сказать, что почти ничего не оставалось. Сербскій ученый Даничичъ, написавшій цѣлую книгу о различіяхъ между сербскими и хорватскими нарѣчіями, долженъ былъ открыто признать несостоятельность подобной точки зрѣнія. По его словамъ, кромѣ кайкавцевъ и чакавцевъ есть несомнѣнно люди, говорящіе «совсѣмъ какъ мы», т. е., какъ сербы, но зовущіе себя не сербами, а хорватами ²⁾. Отсюда Даничичъ выводитъ не совсѣмъ правильное заключеніе, что сербы и хорваты одинъ народъ, и только различаются именами, т. е. одна часть зоветъ себя сербами, другая хорватами.

Хотя единство языка не есть еще единство народа, но за Дьюрой Даничичемъ остается та заслуга, что онъ еще въ 1866 году провозгласилъ литературное сербско-хорватское единство, не приписывая литературный языкъ ни сербамъ, ни хорватамъ, называя его хорватскимъ или сербскимъ и высказавъ ясно и опредѣленно, что всѣ три нарѣчія: кайкавское, чакавское и штокавское встрѣчаются у хорватовъ, такъ что невозможно болѣе утверждать, что штокавщина есть нарѣчіе исключительно сербское. Замѣчательнъ объ этомъ вопросѣ очеркъ, написалъ Д. И. Проданъ въ своей брошюрѣ «Обраћун izmedju Srba i Hrvata».

Вотъ нѣкоторые различія между штокавщиной и чакавщиной, по Вуку, Брозу и Строхалу (Strohal, Osebine današn. riečkoga narječja).

Вмѣсто *што* или *шта* чаковцы говорятъ *ча*. Различіе это несущественно, такъ какъ *што* есть лишь позднѣйшая форма, которую нѣкогда писали *что* или, точнѣе, *чѣто*, гдѣ *то* есть указательное мѣстоимѣніе, *чѣ* соотвѣтствуетъ *ча*. Подобное различіе видимъ и въ русскихъ нарѣчіяхъ. Литературное русское *что* у многихъ великоруссовъ произносится *што*, а у малороссовъ *шо*, замѣною шт=щ. Въ сложныхъ словахъ и у чакавцевъ есть *што* напр. ништо.

¹⁾ Что кайкавцы хорваты, и что «словенски» и «хорватски» одно и то же значеніе имѣть, объ этомъ историческія данныя привелъ І. Милчичъ въ своемъ очеркѣ «Jesu li kajkavci Hrvati, i govore li hrvatski» (Vienac, 1880).

²⁾ Осим поменутиѣх Хрвата, ѣднихѣхъ и другихъ, кайкаваца и чакаваца, има народа, койи говори сасвийемъ овако као ми, али се не вове Србима, него Хрватима, и то име любви и нѣимъ се поноси исто тако, као што ми любимо српско име».

Въ глагольныхъ окончаніяхъ у чакавцевъ старинное окончаніе *л* вмѣсто штокавскаго *о*, напр. *копал*, *молил*. То же и въ другихъ окончаніяхъ, напр., *какъ* вм. *као*. Точно также говорятъ и хорваты кайкавцы. Но и у штокавцевъ встрѣчается *кал*, *ждрал*, *дійел*, *подбйел* и даже въ восточной Сербіи въ алексиначскомъ округѣ говорятъ: бил сам, дошал ѿе ѿучер, говорил ми ѿе.

Вм. *оъ* (*dj*) и *лъ* (*lj*) является *j*. Что касается замѣны *дъ* черезъ *ѿ* напр. *мейа* вм. *медъа*, чего въ современной штокавщинѣ не встрѣчается, ее слѣдуетъ отличать отъ замѣны *лъ* черезъ *ѿ* или *ъ* напр. *земъа* (*zemja*) вмѣсто *земля*, *zemlja*. Здѣсь *земъа* или *земъа* есть старинная форма. Въ Черногоріи до сихъ поръ говорятъ и *земля* и *земъа* (сравн. русское *земля* и *бросить о земъ*), *сломльенъ* и *сломьенъ* и т. д.

Вмѣсто *с* (*чъ*) у чакавцевъ встрѣчается *tj* (*тъ*) напр. *братъа*, *прутъе*. Это также старинная форма. Самъ Вукъ замѣчаетъ, что босняки, особенно магометане, говорятъ *братъа* вм. *брачъа* (*braća*). Вмѣсто *шт* является *щъ* напр. *огньище* (*ognjišće*).

Звукъ *h* чакавцы выговариваютъ всегда какъ русское *х*, но не придыхательно.

Вмѣсто *писати* и проч. у чакавцевъ *писат*, *молит*. Но слѣдуетъ замѣтить, что *i* вообще отбрасывается во многихъ хорватскихъ памятникахъ съ XIV вѣка и что штокавцы въ крушевачскомъ и ягодинскомъ округахъ Сербіи говорятъ *читат*, *писат*, *казат*, и т. д.

Изъ всего показаннаго ясно, что различія между штокавщиной и чакавщиной частью возникли въ позднѣйшее время, частью не могутъ быть точно опредѣлены. Сверхъ того, какъ чакавщина, такъ и штокавщина, въ свою очередь, раздѣляются на многіе говоры и подговоры, такъ что являются разныя промежуточные нарѣчія.

Въ виду особеннаго значенія, которое имѣетъ штокавщикъ, скажемъ еще нѣсколько словъ объ этомъ нарѣчьи.

Что касается штокавщины, она раздѣляется на три главныхъ говора: восточный, западный и южный. Въ восточномъ преобладаетъ звукъ *е*, въ западномъ *і*, въ южномъ *іје* или *је*. Такъ напр. *молоко*, *вѣра*, у восточныхъ штокавцевъ произносится: *mlêko*, *vêga*; у западныхъ *mlîko*, *vîga*; у южныхъ *mlijêko* *vjêga*. Въ Сербіи, исключая, однако, западной ея части, преобладаетъ восточный говоръ и характеристичнымъ его представителемъ является ресавскій говоръ въ чупрійскомъ округѣ на Ресавѣ, гдѣ говорятъ напр. *песат* вм. *pisat*. На югѣ этотъ говоръ распространяется до Косова, на сѣверъ идетъ до Срѣму, на западъ до

Вуковара и по ю. Венгрии. Западный говоръ преобладаетъ во всей Славоніи, западной Боснѣ и значительной части Далмаціи. Въ западной Сербіи и восточной Боснѣ, а также въ бывшей Хорватской Военной Границѣ, въ южной Далмаціи отъ Неретвы, въ Герцеговинѣ и Черногоріи господствуетъ южный говоръ, особенно рѣзко выразившійся въ Герцеговинѣ. Означенные здѣсь предѣлы не могутъ быть точно отграничены, такъ какъ во многихъ мѣстностяхъ замѣчается смѣшеніе разныхъ говоровъ.

И штокавское нарѣчіе, будучи младшимъ изъ всѣхъ хорватскихъ (и сербскихъ) нарѣчій, раньше всѣхъ, однако, достигло высокаго литературнаго развитія, особенно въ Далмаціи и Дубровникѣ, колыбели классической хорватской литературы. *Отнять ее у хорватовъ, значитъ извратить всю хорватскую исторію.* Здѣсь достаточно напомнить многочисленныя утвержденія дубровницкихъ писателей XVI и начала XVII вѣка, изъ которыхъ видно, что они сами считали себя хорватами. Такъ Динко Златаричъ († 1607) пишетъ о себѣ, что перевелъ по хорватски (hrvatsku) Софоклову Электру, а далѣе говоритъ, что Александръ Великій былъ сербскій (sic) король и вообще отличаетъ себя отъ сербовъ, какъ уже упомянуто. Такъ же пишетъ Маркъ Бруеревичъ, Дубровницкій поэтъ XVIII вѣка:

Ti koj dni traješ i noći knjige promećuē
Pomnivo tražeć zlovinškoga naroda slave
Bil uzrok men, po sreći, dokazati znao
S pivnice jer svako do glasovita Pregata
Slavne bi se slatko h e r v a t s k e odreko starine.
(Dabrovník, III, sv. str. 55).

Видали далѣе называетъ Дубровникъ короною всѣхъ хорватскихъ городовъ. Подобныхъ примѣровъ можно привести безчисленное множество, но ни одного, изъ котораго можно было бы заключить, что дубровницкіе и далматинскіе писатели прошедшихъ вѣковъ считали себя сербами.

Впрочемъ хорватскіе писатели, блюстя свое имя и свой языкъ, слѣдовали только примѣру самаго народа, который сумѣлъ сохранить и свои юнацкія (героическія) пѣсни, какъ это и самъ Вукъ Караджичъ свидѣтельствуешь: «Юнацкіе пѣсни въ Срѣмѣ, въ Бачкѣ и въ Банатѣ поютъ хуже, нежели въ Сербіи, да и въ самой Сербіи подлѣ Савы и Дуная хуже нежели въ нутри, — особенно въ Босніи и въ Герцеговинѣ. Такъ и къ западу отъ Срѣма, чѣмъ далѣе идемъ черезъ Славонію къ Хорватіи и къ Далмаціи, всѣ юнацкія пѣсни въ народѣ болѣе въ обычаѣ». (см. Нанод. срп. прјесме, стр. XIX, у Линисци 1824).

ЭПИЛОГЪ.

СУЖДЕНІЕ ХОРВАТА ОБЪ АВСТРІИ *).

«Она причинила намъ много зла, и причиняетъ теперь, преимущественно вслѣдствіе нашего ослѣпленія, причинить и еще, не смотря на прозрѣніе, но дни ея сочтены, и скоро европейская географія будетъ говорить уже о бывшей Австріи».

М. Полюдинъ, Австрія, 1854).

«Я готовъ договариваться со всякимъ правительствомъ, но не съ австрійскимъ, которое заключаетъ договоры лишь для того, чтобы тотчасъ поправить ихъ,—которое ни на словахъ, ни въ присягѣ не думаетъ ни о чемъ другомъ, какъ только о томъ, чтобы осквернить клятву и богохульствовать... Я не хочу договариваться съ правительствомъ, для котораго ничто не свято, кромѣ собственной корысти».

А. Старчевичъ. 1866.

«Мы (Австрія) удивимъ Европу своею неблагодарностью...»

Шварценбергъ.

Съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, при своихъ первыхъ князьяхъ и короляхъ, хорваты рѣшали всѣ государственныя дѣла по соглашенію съ своими правителями. На томъ же основаніи, послѣ того какъ вымерла хорватская династія, народъ избиралъ многихъ королей чужой крови. На томъ же основаніи, избрали хорваты

*) Настоящій эпилогъ присланъ намъ однимъ хорватскимъ публицистомъ, который прочелъ нашу книгу въ корректурныхъ листахъ и сдѣлалъ намъ многія полезныя указанія. Принссимъ ему нашу сердечную благодарность.

и Фердинанда Габсбурга и его наследниковъ въ 1527 г.; добровольно приняли прагматическую санкцію въ 1712 г., утвердивъ тѣмъ и габсбургско-лотарингскую вѣтвь на хорватскомъ престолѣ. Только *на этомъ основаніи* царствующая въ Австро-Венгріи династія Габсбурговъ *имѣетъ право владѣть Хорватіей*.

Кромѣ особы государя называемаго въ Хорватіи королемъ, а въ Австріи „кайзеромъ“, хорваты не имѣютъ ровно никакого международнаго отношенія къ Австріи. Нынѣшнее незаконное положеніе Хорватіи является лишь послѣдствіемъ грубаго нарушенія ея правъ.

По несчастью лживость и коварство Австріи издавна вошли въ поговорку. Эта пословица не нова для тѣхъ, кто сколько-нибудь знаетъ духъ Австріи и нѣмецкій характеръ ея правителей. Кому же исторія Австріи извѣстна болѣе подробно и въ правильномъ освѣщеніи, тотъ знаетъ: что вся эта исторія сводится къ цѣлому ряду самоуправствъ и проявленію гнета и произвола; къ ползанію передъ сильнѣйшими и попиранію слабаго; что ничтожество, глупость и варварство, являются синонимами австрійской политики.

Намъ скажутъ, быть можетъ, что мы судимъ слишкомъ строго. Возьмемъ исторію Австріи и на каждой страницѣ найдемъ доказательства перечисленныхъ качествъ. Исторія докажетъ намъ и ту истину, что Австрія, какъ у хорватовъ, такъ и у другихъ народностей, умѣла всегда найти, подготовить и воспитать людей подлыхъ, эгоистовъ и честолюбцевъ, которыхъ хорошо оплачивала, давала имъ видныя мѣста и почести, указывала ихъ народу и рекомендовала ихъ ему, подъ видомъ ученыхъ сановниковъ, даже друзей народа, патріотовъ, меценатовъ, „первыхъ сыновъ отечества“, панславистовъ, славянъ, иллировъ, югославянъ и пр.

Всѣхъ подобныхъ людей у насъ принято называть „славосербами“. Славосербы являются хотя не единственнымъ, но однимъ изъ опаснѣйшихъ орудій тайныхъ

интригъ Австріи. Болѣе достойнаго орудія она едва ли могла себѣ найти. Не удивительно поэтому, что многіе „сыны народа“, выросли въ невѣдѣніи и рабствѣ, воспитанные подобными учителями, усвоившіе ихъ науку на гибель народа. Только этимъ можно объяснить, почему Австрія уцѣлѣла до нашихъ дней. Но теперь „народы“ прозрѣли, это орудіе Австріи притупилось, и ею овладѣлъ смертельный ужасъ. И безъ того Австрія издавна трепещетъ передъ Россіей. На Востокъ ее ненавидятъ болѣе, нежели Турцію. Не будемъ уже говорить о ея слабости: въ военномъ отношеніи она слабѣе Турціи, такъ какъ эту послѣднюю одушевляетъ хоть одинъ принципъ — исламъ. Выгнанная изъ Германіи, въ своемъ домѣ ненавидимая и презираемая своими народами, гдѣ и въ чемъ, какое вліяніе можетъ имѣть она въ вопросахъ международныхъ?

Люди и народы, короли и государства соединяются между собою ради взаимныхъ выгодъ.

Часть хорватовъ поддалась мольбамъ Фердинанда Габсбурга и избрала его своимъ королемъ. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ и хорваты увидѣли что ждать имъ какой-либо выгоды отъ Габсбурговъ — нельзя. Они убѣдились, что это избраніе было, напротивъ того, великимъ бѣдствіемъ для народа. Этотъ Габсбургъ и его преемники, со своими нѣмцами, соперничали съ турками въ дѣлѣ раздробленія хорватскаго отечества. Но въ дѣлѣ лжи, въ дѣлѣ попиранія хорватскихъ правъ, въ оскверненіи народныхъ святынь, въ обираниі земли и погубленіи народа, нѣмцы не имѣли соперниковъ; турки далеко не могли съ ними состязаться, такъ какъ турокъ честенъ и вѣренъ данному слову. Жалобы, протесты, представленія сеймовъ и непрестанная борьба сыновъ Хорватіи, являются лучшимъ тому свидѣтельствомъ. Неслыханнымъ кажется то событіе хорватской исторіи, что Петръ Зриньскій, гроза турокъ, долженъ былъ искать съ ними союза въ Царьградѣ противъ Габсбурговъ

и Австріи. Явное доказательство, что турки были менѣе гибельны для хорватскаго народа, нежели нѣмцы и Австрія.

Другое доказательство: извѣстенъ австрійскій законъ, воспрещающій народу хорватскому и венгерскому бѣжать и уходить отъ „благодѣяній“ Австріи въ турецкое „рабство“. А между тѣмъ даже дворянство добровольно уходило къ туркамъ и сражалось заодно съ ними противъ австрійскихъ „освободителей“. Впрочемъ, для выясненія того, каковы австрійскія благодѣянія, достаточно указать на нынѣшнее положеніе Босніи и Герцеговины подъ австрійскимъ управленіемъ. Боснійскіе хорваты, безъ различія церкви и вѣры, оставляютъ свои очаги и отцовскіе дома, лишь бы избавиться отъ „отеческихъ попеченій“ Австріи. Боснія, бывшая въ старину хорватской окраиной, земля благодатная по природнымъ условіямъ. Въ свое время и другія окраины Хорватіи, находящіяся теперь подъ властью Габсбурговъ, были землями богатыми, плодородными. Къ тому же здѣсь море съ удобными гаванями, судоходныя рѣки, поля, дубравы, ископаемыя богатства, однимъ словомъ, все, что дѣлаетъ народъ богатымъ.

Эти земли, въ древности называвшіяся Далмаціей, Илирикомъ и Панноніей, получившія отъ римлянъ названіе земного рая, были предметомъ спора между народами востока и запада, до тѣхъ поръ, пока хорваты ими не овладѣли. Не смотря на всѣ свои природныя богатства, земли эти, нѣкогда благодатныя и находившіяся въ счастливомъ географическомъ положеніи, доведены до нищеты. Таковы плоды и результаты „отеческихъ“ попеченій славнаго австрійскаго владычества.

Но Австрія не только сама не сдѣлала хорватамъ ничего хорошаго; она даже уничтожила и то доброе, что еще оставалось съ прежнихъ временъ. Почему она такъ дѣйствовала? Сознавая свои прегрѣшенія противъ Хорватіи и зная смѣлость хорватовъ, она боялась, какъ бы

у нихъ не явилось самосознаніе. Она помнила, что хорваты, сознающіе свои права, не могутъ иначе отвращать послѣдствій австрійскаго произвола, какъ тѣми средствами, которыми дѣйствовали Зриньскій и Франкопанъ. Въ эпоху, когда жили и дѣйствовали оба эти мужа, Хорватія, еслибы ей не препятствовала Австрія, могла достигнуть высшаго разцвѣта своей національной культуры. Хорватское имя въ то время славилось въ отдаленнѣйшихъ странахъ Запада. Такъ во Франціи, лучшая часть конницы носила названіе кроатской (хорватской). Людовикъ XIV, личный другъ Зриньскихъ, находился съ ними въ перепискѣ и былъ даже шефомъ пѣхотнаго полка, также носившаго названіе кроатскаго (хорватскаго). Что касается заслугъ Зриньскихъ по отношенію къ Габсбургамъ, то одинъ изъ нихъ, Петръ, спасъ во время шведской войны, Фердинанда, отца Леопольда; а этотъ послѣдній, вмѣсто благодарности, велѣлъ казнить его на вѣнской площади, за то, что онъ отстаивалъ права своего народа.

Послѣ умерщвленія Зриньскихъ и Франкопановъ, вражда и ненависть Австріи къ хорватамъ особенно усилилась. Тамъ, гдѣ не хватало ея обычнаго орудія — славосербовъ, Австрія дѣйствовала подъ маскою религіи, и во имя какъ западной, такъ и восточной церкви. Во всей исторіи нѣтъ ни одного случая, чтобы Австрія заступилась за хорватское имя или народность, а наоборотъ она всегда прикрывалась вымышленными и ею изобрѣтенными „народностями“, вродѣ иллирской, босанской, далматинской, краинской, югославянской, словонской и т. д. Однимъ словомъ придумывали все, лишь бы стереть съ лица земли имя хорватское, т. е. народное и историческое имя. Именемъ хорватскимъ и волею хорватовъ, а не иллировъ и т. д., приглашены были Габсбурги на хорватскій престолъ. Не относительно иллировъ и проч., а относительно хорватовъ Габсбурги имѣютъ обязательства; относительно

хорватовъ, а не иллировъ, они нарушили свои многочисленные клятвы и присяги. Иллиры и прочіе не могутъ, не имѣютъ права, но хорваты могутъ и имѣютъ право призвать Габсбурговъ къ отчету. Кто не желаетъ честно расплачиваться съ заимодавцемъ, тотъ старается какъ-нибудь отвилиться. Такъ поступала Австрія относительно хорватовъ. Отдѣлаться отъ заимодавца легче всего такимъ образомъ, чтобъ его уничтожить, отнять у него имя, народность, языкъ, т. е. по-просту убить его. Въ этомъ и состоитъ истинный смыслъ дѣйствій Австріи, которая старается раздѣлить хорватовъ искусственными границами: территоріальными, этнографическими и вѣроисповѣдными.

Такимъ образомъ хорватъ-заимодавецъ исчезаетъ; онъ является подъ новымъ именемъ и, не имѣетъ болѣе права требовать отъ Австріи уплаты долга. — —

Нѣтъ народа, который понесъ бы столько жертвъ и сдѣлалъ бы такъ много для габсбургской династіи, сколько народъ хорватскій. Это исторически засвидѣтельствовали и сами Габсбурги. Нѣтъ народа, къ которому династія отнеслась бы съ подобной неблагодарностью, отрицая всѣ его права, нарушая данныя клятвы: все это испытали хорваты отъ Австріи. Если бы Габсбурги были искреннѣе, они могли бы исторически засвидѣтельствовать и эту истину. Кромѣ многихъ иныхъ постороннихъ свидѣтельствъ, мы могли бы сослаться хоть на прокламацію Наполеона I, къ хорватскому народу; но лучше сошлемся на тотъ фактъ, что когда Хорватія изъ подъ власти Наполеона должна была возвратиться подъ власть австрійскихъ законовъ и съ этою цѣлью было собрано въ Карловцѣ дворянство, чтобы добровольно высказаться въ пользу Австріи, то за возвращеніе подъ власть австрійскихъ законовъ высказались изъ 323 голосовъ только 3, а противъ Австріи 320.

Чтобы не слишкомъ распространяться, перейдемъ къ новѣйшему времени. Здѣсь уже не надо писанной

исторіи, такъ какъ она написана кровавыми словами въ сердцахъ живущаго еще старѣйшаго поколѣнія. Результаты видны въ современномъ состояніи народа, который сталъ жертвою своей честности, „прирожденной вѣрности“ и „безпримѣрной доблести“ въ рукахъ лукавыхъ и злостныхъ „благопріятелей“. Единственная кривда, которую справедливо могутъ поставить въ укоръ хорватскому народу, есть та, что хорваты борясь за Австрію, спасали ее и Габсбурговъ отъ гибели и такимъ образомъ, грѣшили противъ самихъ себя и своей будущности. Эту кривду хорваты искупаютъ втеченіи болѣе чѣмъ 360 л.

Какія жертвы не понесли хорваты за Австрію въ одномъ 1848 г.? И какъ имъ оплачено? То, что для другихъ—казнь, для хорватовъ—плата. Гдѣ бы были теперь Габсбурги и Австрія, если бы хорваты съ самаго начала не стали на ихъ сторону? Если бы не Австрія и не ея орудіе—славосербы, то не дошло бы до ужасовъ войны 1848 года между хорватами и венграми—войны, одинаково злополучной для обоихъ народовъ. Но что за дѣло Австріи до счастья, крови, мира между народами, если она въ крови народовъ утоляетъ свою жажду, въ ихъ несогласіи ищетъ свою крѣпость? Если бы народы жили между собою въ любви и въ мирѣ, защищали бы свое право, заодно пролагали путь къ добру и свободѣ, тогда зачѣмъ Австрія? Она можетъ существовать только тамъ, гдѣ есть очагъ раздора, проклятія и вѣчной ненависти между народами!

Еще недавно у мадьяръ было много патріотизма. Но у иныхъ явилось и бахвальство которое, кажется, имъ врождено. Такъ они думаютъ, что Венгрія принадлежитъ только мадьярамъ.

Эта болѣзнь препятствуетъ имъ видѣть другихъ народовъ кромѣ мадьяръ. Одержимые ею, они старались навязать и хорватамъ свой языкъ. Кошутъ говорилъ, что не можетъ найти Хорватіи на картѣ; хорваты въ отвѣтъ на это, вооружились, чтобы научить мадьяръ географіи.

Видя хорватскія вооруженія и убѣдившись, что Хорватія существуетъ не только на картѣ, но и въ жизни, Кошутъ выразилъ желаніе воспользоваться урокомъ и завязать съ хорватами дружбу. Хорваты согласились бы на это и предпочли бы пролитію крови. Но здѣсь то и выразилась звѣрская похоть Австріи, которая боялась, что у нея ускользнетъ жертва, давно ею подмѣченная.

Австрія видѣла въ вооруженіяхъ хорватовъ свой оплотъ и крѣпость, въ мадьярахъ — свою первую жертву, а въ крови обоихъ народовъ возстановленіе своего господства.

И это кровавое дѣло Австрія замышляла сама, но начала, продолжала и завершила лукаво и коварно чужими руками, чтобы на несчастьи и рабствѣ народовъ основать свою силу и крѣпость. Для вящаго поруганія хорватовъ, для вознагражденія за то, что они усмирили бунтъ, Австрія надѣла и бунтовщикамъ и хорватамъ одинъ и тотъ же саванъ, извѣстный подъ именемъ „системы Баха“. Выказавъ столько храбрости, она приклеила къ этой системѣ ярлыкъ подъ названіемъ „великой, единой и сильной Австріи“, которая съ своимъ девизомъ *viribus unitis* стала кичиться и передъ хорватами и передъ Россіей — во время Крымской войны.

„Великая и сильная Австрія“, побитая и изгнанная 1859 г. изъ Италіи, съ кротостью обратилась къ „своимъ народамъ“ посредствомъ рескрипта извѣстнаго подъ именемъ Октябрьскаго диплома 1860 года, за которымъ послѣдовалъ февральскій патентъ 1861 года.

Спрашивается, чего добивалась Австрія съ этими дипломами и патентами отъ Хорватіи и Венгріи? Она желала, чтобы оба эти королевства провозгласили себя ея провинціями, другими словами, чтобы хорваты и народы Венгріи проливали свою кровь и тратили деньги, на войны, которыя вздумаетъ вести Австрія или другіе противъ Австріи. Австрія желала, чтобы они уплачи-

вали ея государственный долгъ, который принесъ имъ не какую либо выгоду, а раззореніе. Словомъ Австрія желаетъ, чтобы хорваты и венгры добровольно сдѣлали съ собою и съ своимъ отечествомъ то, чего Австрія въ теченіи вѣковъ не могла сдѣлать при помощи оружія и интриги. Жертвы, которыхъ требуетъ Австрія при помощи этихъ указовъ, это рабство и народная смерть хорватовъ и народовъ Венгріи.

Еще въ 1860 г. Австрія думала, что хорваты, находясь нѣсколько вѣковъ подъ ея ярмомъ, утратили умъ, забыли свое прошедшее, отреклись даже отъ помысловъ о лучшей жизни, что они забыли не только австрійскія подлости, совершенныя подъ именемъ „благодѣяній“, — но что они забыли даже дерзкое вѣроломство, проявившееся въ рескриптѣ 7 апрѣля 1850 года, которымъ объявляется „хорватско-славонскому народу благодарность“. Какая благодарность? Австрійская. Благодарность, выразившаяся, какъ сказано выше, въ системѣ Баха, вводящей нѣмецкій языкъ, кромѣ Границы, и въ такъ называемой провинціальной Хорватіи. Эта система отворяетъ врата швабскому культуртрегерству, швабскимъ фирманамъ и параграфамъ, произволу и шпіонству, ограбленію народа, словомъ, дѣлу австрійской культуры. Такова благодарность, таковы дары Австріи хорватамъ за „прирожденную вѣрность престолу“. Но можетъ быть лгутъ хорваты, а не Австрія?

Прочитаемъ давно опубликованный международный актъ, котораго до нынѣшняго дня Австрія не опровергла, да и не можетъ опровергнуть:

«Отъ милліона слишкомъ жителей Границы, (не считая „провинціальной Хорватіи“, которая также воевала), только въ 1848 г. осталось 30,000 вдовъ и 50 — 60,000 сиротъ, потерявшихъ отца, брата, мужа, покровителей своихъ, на бранныхъ поляхъ Австріи. „Насъ было въ 1847 году приблизительно 1.100,000. На основаніи

статистики теперь насъ должно было быть 1.244,000. А насъ оказывается 1.074,000, т. е. на 170,000 меньше, чѣмъ слѣдовало полагать. Это, по истинѣ, страшная потеря. А мы платимъ такую дань не со вчерашняго дня, а втеченіи 300 лѣтъ». Такъ говорили въ своемъ адресѣ Францу-Іосифу представители Военной Границы въ хорватскомъ сеймѣ 1861 года.

Въ полной надеждѣ, что хорваты все это забыли и что не только захотятъ поблагодарить Австрію за эти благодѣянія, но даже какъ охотно пойдутъ въ вѣнскій рейхсратъ, и станутъ тамъ какъ простые слуги Австріи, слушать дальнѣйшія ея приказанія и принимать дальнѣйшія благодѣянія изъ Вѣны: въ этой надеждѣ Австрія и созвала хорватскій сеймъ 1861 года.

По истинѣ, подъ властью Австріи у хорватовъ отнято все, что дѣлаетъ народы счастливыми и навязано имъ все, что дѣлаетъ ихъ несчастными. Но хорваты, вѣря въ Бога, въ свою десницу, въ друзей угнетенныхъ народностей, не утратили надежды на будущность. Какъ сказалъ въ прошломъ году, по одному случаю, представитель славной династіи, царствующей въ странѣ, нѣкогда принадлежавшей къ составу земель хорватскихъ, „хорваты изъ всѣхъ нашихъ южныхъ народовъ болѣе всего сохраняютъ старый народный духъ и характеръ“. Въ этихъ словахъ — глубокая истина. Именно въ этомъ и сила отпора, проявляющагося всюду, гдѣ только хорваты могутъ сколько-нибудь выразить свои стремленія и чувства.

Въ хорватскомъ саборѣ 1861 года, на удивленіе всѣхъ здравомыслящихъ людей, явилась „австрійская партія“, съ епископомъ Штроссмайеромъ и канцлеромъ Мажураничемъ во главѣ.

Эта партія, сколько могла, скрывала свои намѣренія, пока истинные сыны народа не убѣдились въ томъ, что это не партія, а кучка людей, частью продавшихся Австріи сознательно, частью ставшихъ ея слѣпымъ орудіемъ.

Эти австрійскіе слуги имѣли въ рукахъ власть, деньги, должности, содѣйствіе правительства. Не смотря на то, въ Хорватіи они не могли дѣйствовать за Австрію прямымъ путемъ, этого не посмѣлъ бы никто, такъ какъ народъ весь противъ Австріи. Какимъ же образомъ дѣйствуютъ въ Хорватіи „австріанцы“? По австрійски. Ложью, обманомъ, обѣщаніями и подкупами. Гдѣ это не помогаетъ, они провозглашаютъ догму, гласящую, что хорваты сами по себѣ не могутъ жить (!) а нуждаются либо въ австрійцахъ, либо въ мадьярахъ. Этотъ догматъ распространяли „славосербы“ всѣми возможными способами. Но достаточно малѣйшаго соображенія, чтобы понять, что мнимый „догматъ“ не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. „Славосербы“, желая подтвердить этотъ догматъ и укрѣпить „австрійскую партію“, предлагали заручиться содѣйствіемъ депутатовъ отъ Военной Границы, которая въ то время была лишена права имѣть своихъ представителей на хорватскомъ сеймѣ, думая, что новые депутаты будутъ за Австрію. Въ числѣ этихъ депутатовъ было много граничаръ-поселянъ, которыхъ считали „неучами“ и надѣялись обмануть.

Противъ этой кучки „славосербовъ“, другими словами противъ Австріи, стояли во главѣ хорватской „партіи права“ скромные дѣятели, истинные сыны и заступники народа, рѣшительные мужи, въ числѣ ихъ Кватерникъ и Старчевичъ. Въ рукахъ хорватскихъ дѣятелей нѣтъ ни мощи, ни власти, есть только сила убѣжденія, что они защищаютъ правое дѣло. У нихъ нѣтъ ни средствъ, ни богатства, исключая горячей любви къ отечеству и къ несчастному народу. Но не смотря на то, подъ хорватское народное знамя стало все сколько-нибудь честное, разумное и не продажное. Борьба началась въ сеймѣ. Укажемъ читателю на нѣкоторые отрывки изъ рѣчей, сеймовыхъ постановленій и рѣшеній, приведенные въ приложеніяхъ къ этой книгѣ. Здѣсь достаточно

сказать слѣдующее: хорватскій народъ устами хорватской партіи права, и посредствомъ адреса сейма 1861 года, напомнилъ гласно Австріи и царствующему Габсбургу, что хорваты не желаютъ быть ни рабами, ни слугами; что они народъ, имѣющій свой уставъ (конституцію) и свои права, созданныя разумомъ и народною жизнью и освященные втеченіи вѣковъ кровью сыновъ Хорватіи, права, отъ которыхъ народъ никогда не отказывался; что юридическое отношеніе Хорватіи и Австріи всегда было не иное, какъ къ какой либо другой державѣ; что отношенія Хорватіи и Венгріи были разорваны войною 1848 года, войною злополучною для обоихъ королевствъ, но международною, и что оба королевства могутъ, если хотятъ, опять уладить свои взаимныя отношенія, какъ имъ угодно, подобно тому какъ втеченіи многихъ вѣковъ они уговаривались между собою, не ожидая и не требуя вмѣшательства Австріи въ ихъ государственныя дѣла. Тогда же было высказано, что Австрія поправа коварствомъ и лукавствомъ права хорватовъ, превратила независимое и самостоятельное хорватское королевство въ свою провинцію; что хорватскій народъ охотно ухватится за *первое подходящее средство*, чтобы уничтожить беззаконіе и ввести законное положеніе въ своемъ отечествѣ; что Габсбурги, которые и сами столько разъ, по необходимости, признавали себя обязанными хорватамъ, удержались на престолѣ единственно благодаря помощи хорватовъ; что царствующій Габсбургъ долженъ возвратитъ Хорватіи ея цѣльность и уставъ, охранить право королевства и что только въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ право царствовать надъ хорватами и въ Хорватіи.

Какъ всякимъ прогрессивнымъ стремленіямъ, и этимъ высказаннымъ въ адресѣ вождедѣніямъ народа противилась австрійская партія, которая сообщила въ Вѣну, что Австрія можетъ быть спокойна за успѣхъ своего дѣла. Тогда Шмерлингъ явно провозгласилъ, что хор-

ваты скоро будутъ въ рейхсратъ. Славо-сербы хотѣли подавить голоса представителей народа, выражавшіеся даже въ самыхъ умѣренныхъ рѣчахъ членовъ партіи права.

Къ удивленію славо-сербовъ и Австріи, эти голоса были поддержаны простыми и „неучеными“ граничарами. Эти поселяне показали, какъ они насытились „культурою“, принесенною австрійскимъ владычествомъ. Не смотря на всѣ интриги и махинаціи, не удалось подавить мощной голосъ хорватскаго народа. Рѣшеніемъ хорватскаго сейма, постановившаго, что онъ не хочетъ имѣть никакого сношенія съ Австріей, хорваты стерли съ себя клеймо, наложенное на нихъ Австріей, и доказали, что они не слѣпое ея орудіе.

Когда Австрія увидѣла, что обманъ не удался, она распустила сеймъ, стала преслѣдовать независимыхъ людей, пригрозила граничарамъ, чтобы они не смѣли даже пикнуть о сеймѣ.

Четыре года спустя, при господствѣ Штроссмайера и Мажуранича, съ помощью системы устрашенія, фальсификаціи на выборахъ и другихъ подобныхъ средствъ, удалось составить сеймъ 1865 года. Когда шла рѣчь объ адресѣ, онъ былъ подписанъ едва третьею частью депутатовъ. Другой адресъ даже не былъ обсуждаемъ на сеймѣ, и явился обманнымъ образомъ, когда сеймъ не былъ даже установленъ. Втеченіи 1866 года, Штроссмайеръ, Мажураничъ, Рачкій и пр. въ своихъ рѣчахъ объ отношеніяхъ хорватовъ къ Австріи и къ мадьярамъ доказывали, что хорваты слуги Венгріи, а посредствомъ нея и австрійскія слуги и обратно. Однимъ словомъ самостоятельное хорватское королевство было ими провозглашено по просту мадьярскою провинціею и австрійской областью.

Сущность всѣхъ этихъ адресовъ и сеймовыхъ рѣчей Штроссмайера, Рачкаго и пр. заключается въ томъ (см. Сеймовый Дневникъ 1865—68 г.), что славосербы по приказу Австріи (по невозможности сдѣлать хорва-

товъ непосредственными слугами Австріи) провозгласили Хорватію мадьярской провинціей. Этимъ имѣлось въ виду поссорить хорватовъ съ мадьярами какъ до 1848 г. и въ то же время снять отвѣтственность съ Австріи, которая одинаково облагодѣтельствовала и хорватовъ и мадьяръ — системою Баха, а потомъ — дуализмомъ.

Стала ли Австрія сильнѣе вслѣдствіе дуализма? Отвѣтъ на это даетъ Старчевичъ въ своей рѣчи произнесенной въ 1878 г. (см. эту книгу), гдѣ указаны интриги Австріи противъ Турціи и Россіи. Это объясняетъ тоже его отдѣльное начертаніе адреса (*pasert adrese posebne. 1878 g.*). Въ письмѣ барона Рукавины къ Белькреди 1889 г. обрисовано въ главныхъ чертахъ настоящее положеніе хорватовъ и другихъ народностей Австріи. Мы прибавимъ здѣсь еще нѣсколько словъ.

Режимъ барона Рауха съ 1868 г. продолжалъ дѣло гг. Штроссмайера и Мажуранича. Часть славосербовъ, не получившая службы и вознагражденія отъ Рауха, подняли шумъ и гамъ до небесъ. По своему обыкновению, выступили они, подъ маскою оппозиціи, передъ народомъ съ программой, будто бы желаютъ народной свободы и независимости. Австрія, для поддержанія вражды между хорватами и народами Венгріи, помогала славосербамъ. Три раза въ теченіи одного года одерживали они блестящую побѣду на выборахъ. Мадьярскіе славосербы видя изъ-за спины хорватскихъ славосербовъ австрійское внушеніе, должны были вступить съ ними въ переговоры. Они утвердили своимъ новымъ маневромъ (*revizija nagodbe 1872*) губительное соглашеніе, вслѣдствіе котораго съ Хорватіи дерутъ ежегодно 25 — 30 милліоновъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Какъ вознагражденіе за свою измѣну славосербы заняли опять должностныя мѣста, а постъ бана занялъ старый австріецъ Мажураничъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ смѣнилъ его Пеячевичъ. Народъ на махинаціи славосербовъ и Австріи отвѣтилъ бунтомъ подъ лозунгомъ: „лучше умереть, чѣмъ

вымирать“. Генералъ Рамбергъ былъ посланъ усмирить бунтъ. Но главную заслугу въ дѣлѣ „успокоенія“ слѣдуетъ приписать хорв. партіи права, всегда стремящейся удержать хорватскій народъ отъ рискованныхъ шаговъ. Самый умѣренный среди всѣхъ членовъ партіи права есть, какъ извѣстно Др. А. Старчевичъ. Его рѣчи, какъ старѣйшаго дѣятеля партіи, имѣютъ огромное вліяніе на весь хорватскій народъ.

Послѣ народнаго возстанія въ 1883 году, по предложенію мадьярскаго министра Тиссы, былъ данъ его родственнику постъ бана. Постъ прежнихъ намѣстниковъ хорватскихъ королей былъ предоставленъ челоуѣку, о которомъ хорваты никогда ничего не слышали. Францъ-Іосифъ утвердилъ этого незнатнаго мадьярскаго чиновника хорватскимъ баномъ. Этотъ челоуѣкъ, сидя въ банскомъ креслѣ, исполнялъ приказанія Тиссы. Однажды была заявлена жалоба хорватскому сейму, что этотъ мадьярскій чиновникъ, родственникъ Тиссы, *укралъ архивъ хорватскаго королевства и отпразилъ въ Петръ*. Представители хорватскаго народа возмутились этимъ святотатствомъ. А. Старчевичъ прямо высказалъ, что „его превосходительство совершилъ простое преступленіе“ и что „его апостольское величество не имѣетъ лучшаго стола“. Когда дѣло дошло до препирательствъ, этотъ мадьярскій чиновникъ былъ вышвырнутъ Гержаничемъ, хорватскимъ депутатомъ, ближе всего къ нему стоявшимъ, который толкнулъ его колѣнкомъ. Дѣло дошло до судебнаго разбирательства. Люди, высказавшіеся противъ кражи народнаго достоянія, должны были отсидѣть по нѣсколькимъ мѣсяцамъ въ тюрьмѣ, тогда какъ воръ былъ награжденъ Леопольдовымъ орденомъ... Для хорватовъ это не было чудомъ. Онъ даже былъ принятъ милостивѣйшимъ образомъ, во главѣ присланной начальствомъ депутаціи, которая заявила императору въ г. Пожегѣ о порядкѣ и благосостояніи въ Хорватіи. А каково это благосостояніе въ настоящую минуту, видно еще изъ слѣдующаго: во время

французскаго владычества, о которомъ старики и теперь упоминають „какъ о золотомъ времени“,—и даже послѣ паденія Наполеона I, —въ той части Хорватіи, которая была въ прошедшемъ столѣтіи подъ венеціанскимъ господствомъ, народъ былъ еще настолько богатъ, что хорватскіе крестьяне, выѣхавшіе на встрѣчу Францу I, своему новому господину, подковали своихъ лошадей серебряными подковами, тогда какъ въ настоящее время не только не могутъ подковать желѣзными подковами, но не имѣють за что купить соли, чтобъ посолить ложку простой каши. Многіе послы народа указывали, особенно въ послѣднее десятилѣтіе др. Д. Старчевичъ, Тушканъ и пр. въ сеймѣ (см. ихъ рѣчи 1883—7 года) на простое грабительство въ Хорватіи, на ограбленіе мадьярами и Австріей хорватскихъ фондовъ и лѣсовъ военной границы, представляющихъ имущество около 200 милліоновъ флориновъ и пр. Они по этому поводу и на основаніи *ложнаго* обвиненія правительствомъ были выгнаны силою изъ сейма, ихъ посадили на нѣсколько лѣтъ въ тюрьму и лишали всѣхъ гражданскихъ правъ и адвокатской практики.

Благосостояніе народа и величина налоговъ таковы, что у крестьянъ продають весь ихъ скарбъ. Чиновники финансоваго вѣдомства назначаютъ продажу съ аукціона за *одинъ крейцеръ* (менѣе копѣйки) не находя, однако покупателей, такъ что въ концѣ концовъ пріобрѣтаетъ казна, т. е., „благородная, великая и сильная Австро-Венгерская держава“. Это фактъ (См. Саб. Дневникъ 1883—1890).

Хотя хорватская „партія права“ стояла всегда на стражѣ народныхъ интересовъ, но собственно о „партіяхъ“ можетъ идти рѣчь только тамъ, гдѣ существуетъ политическая самостоятельность и независимость. Тамъ могутъ быть партіи, несогласныя между собою въ средствахъ, но въ принципахъ, въ вопросѣ о независимости и благѣ родины, они всегда согласны: это мы видимъ напр. во

Франціи, гдѣ монархисты и республиканцы въ вопросахъ національной чести забываютъ о своихъ обычныхъ несогласіяхъ. Иное дѣло страна, какою Австрія сдѣлала хорватскую землю. Здѣсь могутъ быть лишь двѣ партіи: одна за народъ, другая—противъ народа, за рабство.

„Партія права“ есть единственная *хорватская* партія. Задачей „партіи права“ является отстаивать народную честь противъ произвола, отчасти — предупредить взрывъ народнаго негодованія, которое можетъ проявиться стихійно, какъ это было въ 1883 г., и избавлять народъ отъ напрасныхъ и безплодныхъ жертвъ.

Избѣгая такимъ образомъ лишнихъ поводовъ къ кровопролитію, партія права ждетъ, чтобы естественное развитіе народной жизни и неизбѣжимыя событія само собою повели къ осуществленію завѣтныхъ народныхъ идеаловъ.

Восточный вопросъ не что иное какъ вопросъ объ австріи, рѣшеніе котораго хорваты и другіе народы видятъ только въ прекращеніи ея дряхлой жизни.

Австрія же видитъ въ стремленіяхъ партіи права отсутствіе законности, лояльности и вліяніе „русскаго духа“. Вообще, въ послѣднее время, по мѣрѣ приближенія момента расплаты, Австріею овладѣваетъ паническій страхъ. Она видитъ во всякомъ шагѣ цѣлаго народа и единичныхъ личностей, ищущихъ своихъ законныхъ правъ, русское вліяніе и „персть Россіи“. Впрочемъ, это и не удивительно. Въ другихъ государствахъ народъ можетъ мирно жевать свою корку хлѣба, которой у него никто не отнимаетъ, но въ „благословенной и великой Австріи“ это не дозвоительно. Она боится, что ея народности будутъ искать съ помощью сосѣдей того, чего не могли добиться отъ нея самой втеченіи цѣлыхъ столѣтій.

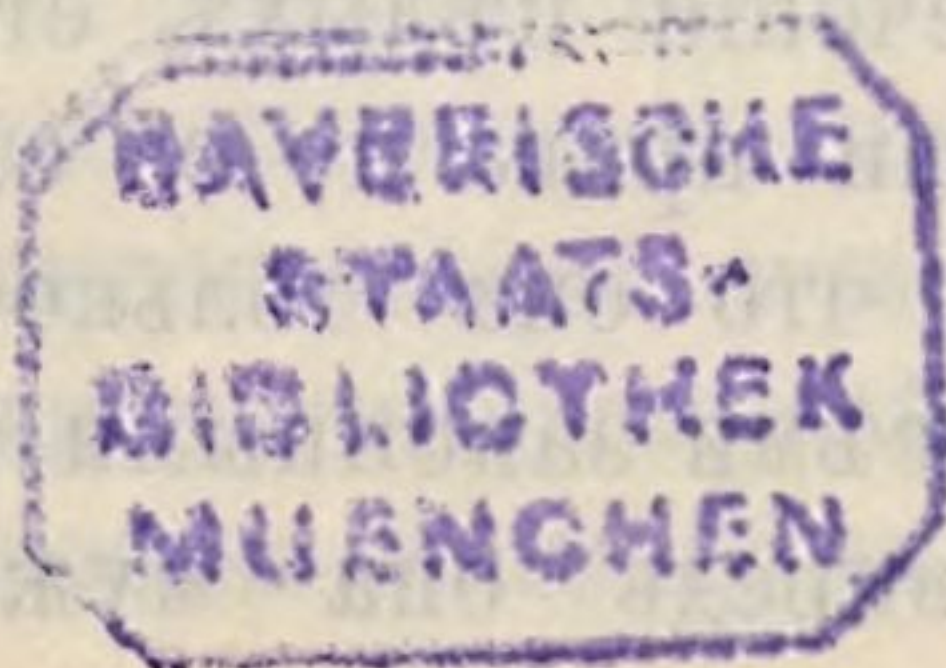
Судя о хорватской партіи права по ея стремленіямъ и дѣйствіямъ, мы скажемъ, что она только исполняла свой долгъ, служа народу всѣми законными и честными средствами. Пусть же и впредь она мужественно и

искренно заявляетъ и народу, и правительству, и всему міру обо всемъ, что соотвѣтствуетъ истиннымъ народнымъ интересамъ. Правдой, а не ложью,—честностью, а не лицемѣріемъ,—мужественной рѣшимостью, а не трусостью можно отстаивать свои права и выяснять истинное положеніе народа.

До тѣхъ поръ пока „партія права“ дѣйствуетъ такимъ образомъ, пока она охраняетъ народныя права,—или лучше, послѣднюю корку хлѣба,—только Австрія и ее достойная челядь можетъ называть настоящихъ сыновъ хорватскаго народа мятежниками и бунтовщиками.

Но пройдетъ немного времени—и Австрія пойметъ, хотя поздно, что она сама бунтовала, что она, дѣйствуя противъ хорватовъ и другихъ народностей, сама поступала неloyально и предательски, и только вопросъ ближайшаго времени когда исполнится, хорватскимъ сеймомъ еще въ 1861 году надъ нею провозглашенный, и ею самою подписанный, смертный приговоръ.

М. Д. Б.

ГЛАВНѢЙШІЕ НЕДОСМОТРЫ И ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
14	1 (сверху)	«а также словинцы по причинѣ..... земли».	, а также по причинѣ одна- го родста словенцевъ съ хорватами, причисляются и словенскіе земли.
47	18 (снизу)	Ислачича	Гелачича.
64	8 »	Какъ	—
87	8 (сверху)	Брозъ	Брозъ.
—	11 (снизу)	Вречьковича	Сречьковича.
92	1 »	посмѣшная пословица	насмѣшливая пословица.
128	15 »	Одинъ..... «Хорватъ»	Изъ рода Куленовичей, са- мыхъ древнихъ хорват- скихъ дворянъ, боснійскій мусульманинъ Тахвиль- паша, въ Царьградѣ въ XVI в. имѣлъ прямо про- звище «Хорватъ».
—	11 »	послѣ словахъ: «хорват- скомъ языкѣ»	который былъ дипломати- ческій и домашній на дворѣ Царьградскомъ въ XVI в.
—	12 »	волимана	Солимана.
—	10 »	Glasooiti	Glasoviti.
137	18 »	порода	народа.
143	4 »	право	права.

Filippov, Michail Michajlovič,

Chorvaty i bor'ba ich s Avstrij S vvedenim i épilogom M. D.
Bilajgradskago

Petrograd 1890

Austr. 5421 z

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11556279-2